

Сергей БАГРОВ

Мереск
Роман

*Учителям
правной культуры
Волонтеры*

*С. Багров
18 апреля 2014*

Часть первая

1

Женился Венька на Алевтине в один из дней отпускного загула. Смутно помнил, как с ней расписался, свадьбу сыграл и перебрался из холостяцкого общежития в стандартный брусчатый дом, где мастер леса Василий Львович Антонов объявил его принародно хозяином новой семьи, квартиры и жизни.

Очнувшись уже мужиком, Саблин с тяжелой досадой сообразил, что он позволил себя одурачить. Ведь он жениться не собирался. «Ёр-кородёр. Совратили меня! И кто-о?» Он лежал на широкой кровати и упорно смотрел в потолок. Так упорно, что вскоре выросли перед ним знакомые лица. И самым веселым среди них, самым пьяным и самым нахальным было лицо Чечулина Шурки. «Не-е, Шурка мастак пошутить, но не эдак». Венька, крепко сдавив руками колено, вспомнил Виссариона, тонконового косенького завхоза с усами, похожими на калачик. Вот кто пихнул его в эту пьянь. Алевтина - сестра завхоза, потому и надумал найти для нее подходящего мужа. И ведь всё рассчитал, всё учел: и то, что у Веньки вид здорового доброхота, которому время пришло ложиться в постель на пару с женой; и то, что он в Еловце самый удачливый вальщик, всегда при почете и при деньгах; и что иногда выпивает, а, выпив, бывает уступчивым как никто.

«Всё из-за этой водяры! – досадовал Саблин. – Виссарион захомутал меня, ровно лошадь. Что ни утро, то с новым подкатом. Сегодня к нему обмывать телевизор. Зав-

тра – к евонну другу на именины. А там, в деревню, где у него, что ни дом, то свояк или брат, и у каждого надо погреться. До того догрелся, аж до сих пор не пойму, как очутился на собственной свадьбе. И жену-то нормально не разглядел...»

Саблин взглянул на часы – пятнадцать седьмого. В это время, кабы не отпуск, он был бы уже на ногах, торопился к автобусу, чтоб поехать со всеми в лес. В просвете тюлевых занавесок виднелось стекло, а за ним – редко сыплющий манной крупкой ноябрьский снежок.

С кухни донесся грохот посуды. Венька поморщился:

- Алевтина!

Раздвинув ситцевый полог, вошла Алевтина с белым, как чайное блюдце, лицом.

- Чего, чудушко, оклемался?

Голос ее был настолько обыденным и знакомым, что Саблину показалось – он с ней живет много лет. Венька с яростью вспомнил завхоза и раздраженно спросил:

- Где Виська?

- Дома. поди-ко.

Венька привстал на локоть:

- Это чего? У на-ас?

- Что ты, чудушко, у себя.

- Поди приведи!

- Выпить с ним хочешь?

- Морду набить!

Молодая заволновалась. Взгляд ее перепрыгнул с кровати на полог, потом опять на кровать.

- Полно-ко, Веня. Не дело это. Перебирайсе-ко лучше за стол. Головушка, верно, болит? Так мы живенько ее поправим. – Она подошла к постели И оплела его бычью

шею тоненькими руками. – Выпьешь стакашек-другой – мигом и полегчает.

Саблин откинул ногой стеганое одеяло, встал, потянулся к одежде.

- Кой день заливаешь мою утробу?

Полагая, что муж балагурит, Алевтина стала сгибать на руке палец за пальцем:

- Началася свадьба в субботу. Севодни пятница. Стал быть, шестой...

Венька прошел на кухню, где от натопленной печки шибало банной жарой. Умывшись, спросил:

- Отпуск не кончился у меня?

- Еще три денька. Отдыхай.

Саблин тряхнул головой, и волосы черной копной опустились на лоб.

- Хватит! Наотдыхался! Заснул холостым – проснулся семейным. С чего бы это? – Продолговатые, с желтой искрой глаза секунду смотрели на Алевтину, потом поглядели на вешалку у дверей.

Алевтина и слова сказать не успела, а Венька уже надел фуфайку и шапку, схватил однорядки и вышел во двор.

2

На улице было темно. Редкие лампочки на столбах кое-как освещали поселок. Дома, прикрытые снегом, были похожи на грустных старух, запахнувших в полушалки. Венька шел торопливо. Услышав сигнал автобуса за конторой, застегнул фуфайку и побежал.

Он забрался в автобус одним из последних и, хотя свободных мест не было, сел, не глядя, меж чьих-то колен, принуждая подвигнуться и стесниться. Он вообще никогда не заботился об удобствах, получалось же так, что всюду их находил. И сейчас, провалившись в сиденье, учуял запах оттаявших валенок и галош, увидел знакомые, в ватных подшлемниках лица, и стало ему по-приятельски хорошо, как человеку, который после большой отлучки попал к стародавним своим друзьям. И уже кто-то спрашивал у него: «Каково ночевал с молодой?», кто-то хлопал весело по плечу, кто-то протягивал закурить, кто-то, эхнув на весь автобус, метал ему на колено одну за другой шесть атласных потрепанных карт.

Бежать автобусу тридцать пять километров. Дорога накатана, без ухабов. По сторонам – редины, вырубки, сосняки. Снег то падал, то унимался. Венька вздыхал. На душе его беспокойно. Он привык, чтобы в жизни было все просто. А тут получалась какая-то кутерьма.словно жизнь затолкала его в глухой буреломник. Мысли были тяжелыми и барахтались неуклюже, возвращая его назад, в те бредовые дни, от которых сейчас он хотел уехать. В голове звучали частушки, выкрики, песни и тосты – будто в ней до сих пор куролесила свадьба. Тасуя карты, Саблин мысленно похвалил себя за отъезд из поселка. «Отдохну хоть от этой водяры. И от жены отдохну...» Венька вздрогнул, карты посыпались из руки. Подбирая их, он пытался сообразить: «От жены? Это как нас понять? Долго ли с нею жил? Всего несколько дней. Но ведь несколько лет предстоит. А быть может, десятилетий? Как потом-то мне отдыхать?»

Раздавая карты, Саблин резко вздохнул, и проглянуло в лице его что-то злое. «Кабы жениться-то по любви, - не-

уверенно помечтал, - тут бы взлетел я как смелый ястреб. У любви есть крылья, в песнях поют. А у нас с Алевтиной? Хы! Тоже крылья... Где взлетел, тут и сел...»

На задних сиденьях кто-то громко захохотал. Саблин прислушался: Шурка Чечулин обсказывал, как ездил на днях в райбольницу выдергивать зуб.

- Сижу в кресле, как сват министру! – разливался Шурка на весь автобус. – Докторша выстала надо мной: «А ну, молодой человек, шире ротик. Я пасть открыл. Она – стук штипцами меня по здоровому зукбу: «Этот болит?» Я рассмеялся: «Не угадала!» Стук тогда по больному. «Этот! Этот!» - киваю ей. А докторша вроде бы как не слышит. Опять стукнула по больному. Я как раненый: «О-ой!» Ну, а ей, видно, этова мало. Снова стук да постук. Никакого терпенья не стало. Лажу крикнуть: «Бабоньки, больно! А выходит «ба-ба» да «бо-бо», как у зайца во время свадьбы. Докторше это не полюбю. Верно, думает, я притворяюсь. Спорит со мной: «Ничего подобного, зуб здоровый». Я на дыбки: « Не может и быть!» «Нет! – спорует докторша. – Может!» «Едри твою сорок восемь! – ору по-лесному. – Зубы-то ведь мои, и я лучше, поди-ко, знаю, который болит, а который нет!» Она губки крашенные поджала: «Ты, молодой человек, симулируешь. Прошу выйти из кабинета». У меня аж волосики поднялись. Думаю: коли зуба не выдерну – справки не получу. А без справки – дело худое. Без справки я в прогульщики попаду. А это чистый разор. Прощевай тогда прогрессивка. И премиальные прощевай. «Дергайте!» - говорю. Докторша губки разжала. «Который?» - спрашивает меня. А мне уже все равно. «Который-нибудь», - отвечаю. Ну, она штипчики в рот, поднажилилась и рванула. Был зуб, да нету его...

Все, кто Чечулина слушал, покладисто ухмылялись. Кто-то хлопнул ладонями по коленям, а Венька Саблин, имевший привычку везде и все узнавать до краю, повернулся к Шурке плечом:

- Какой рванула-то? Всяко больной?

- Не, здоровый.

- Хы! – удивился Венька. – А как же больной?

- Больной целньёхонек до сих пор.

- Неуж по нóвой поедешь в больницу.

Чечулин вздохнул:

- Придется.

Кто-то подал ехидный совет:

- Лучше, Шурка, не езд, а то останессе без зубов.

Но Шурка нашелся:

- Я к новой докторше запишусь.

- Да там и всево-то одна.

- Ну и что! - расхрабрился Чечулин. – Она старовата. Скоро на пенсию отойдет. Можно будет и подождать...

Слушать Чечулина можно три дня и три ночи без перерыва. Подкидывай только ему вопросы. А он найдет, что сказать. И не поймешь, где он по правде обскажет, а где соврет.

Чечулин умолк неожиданно, будто вышел. И в автобусе стало тихо. Лесорубы задумались, кто о чем. И Венька задумался вместе со всеми. «Как жить дальше?» - мучался он над вопросом. Он перестал играть в карты, пихнул их соседу и скучно уткнулся в окно, проникая взглядом куда-то за елки, словно там, за грядой холодных лесов, мог открыться ему ответ. Венька снял с себя шапку, погладил лысеющий мех и вдруг ощутил в груди что-то острое, тонкое, похожее на иголку – встало напротив сердца, готовое уколоть. «Дело ясное, - думал он, охваченный

мрачной решимостью, - только надо не сплеховать. Обстрять чин-чинарём. А для этого что? Во-первых, семейный скандал. Во-вторых, развод с Алевтиной. В третьих, прощальную вечерину...» Идея Саблину задалась. Он хотел обмыслить ее подробно, но взвизгнули тормоза, автобус остановился, и лесорубы двинулись к дверце.

3

Встречал их низкорослый мастер Антонов, пожилой человек с металлическими зубами. Он приехал пораньше на лесовозе и теперь стоял у костра, прикрывая от жара перчатками-крагами свой выдававшийся под полушубком живот. Мастер был по-мальчишечьи голосист, любил покомандовать и придраться. С ним считались, принимая его замечания, окрики и придирки.

- Сучкорубов нема? – обратился Антонов к приехавшим.

- Нема! – отвечали ему.

- Замечательно! - улыбался Антонов. – Сегодня с кронами повезем! Самодуров, готов?

- Готов! – кивал головой черный, как жук, тракторист в брезентовой куртке, которому предстояло грузить на площадке хлысты.

- Ты, Сажин, пошли двоих волока готовить! – говорил полнолицему бригадиру, тащившему охапку стальных чоко́ров.

Сажин встряхивал чокерами:

- Сделаем! И шел дальше -- несокрушимо внушительный и широкий, за толстые плечи, прямую походку и гулкий голос прозванный Генералом.

- Ну, а ты, Чечулин, лишние деньги, видать, получаешь?

Чечулин, мужик занозистый и ершистый, кого-кого, а себя уж в обиду не даст. Повернулся к костру:

- В моих карманах чирикают воробьи! – И провел рукавицами по штанинам, - А в чем дело, Василий Львович?

- Пеньки высокие оставляешь!

- Дак ведь снегом засыплет!

На лице у Антонова строгое выражение, голос жесткий и недовольный, каким и должен у мастера быть, когда настала минута кого-нибудь пропесочить:

- Штрафану разок – иную песенку запоешь! -- закричал, но так не зло, не придирчиво закричал, что Чечулин заулыбался:

- Василий Львович! Стону и рыдаю! Так мне, ухарику, видно, и надо!

Антонов махнул на Чечулина кожаной крагой и тут же забыл о нем, разглядев прикорнувшего на полозьях столовой мосластого мужика с уныло опущенным подбородком.

- Не Саблин ли объявился?

Венька поднялся. Как по костям, прошел по осиновым сучьям.

- Ведь ты ж в отпуску?

-А! Надоело!

- Стало быть, на работу? Милое дело! – воскликнул Василий Львович. Антонов выше всего ценил в человеке способность к какому-нибудь мастерству. В Веньку Саблина, этого злого и сильного мужика, он был влюблен:

видел в нем вальщика от природы. Был конец ноября, план висел под угрозой, и такие орлы, как Венька, могли не только участок, а весь лесопункт, даже весь леспромхоз вытащить из прорыва.

Антонов похлопал Саблина по плечу:

- Лес валить будешь?

- Мне все равно.

Мастер засуетился. Побежал на проворных ногах к будке-обогревалке, вынес оттуда валочный шлем. Подал его мужику и кивнул на шагавшего по ольховой редине Шурку:

- Бензопила вон у этого баламута. Возьмешь! Ну, его к бесу! Весь лес перепортит! Пускай за помощника у тебя.

- Можно и эдак, - Венька надел на шапку новенький шлем, но тот не налез, и он взял его в руку.

Мороз был слабый, градусов под пятнадцать, и после душной езды дышалось жадно, в полную грудь. Показалась луна, высветляя каток грузового троса, хвойный подрост, семенную сосну и следы на снегу. На лесосеке, по створам пасек белели затески – здесь побывал вездесущий Антонов, наметив для вальщиков коридоры, в которых сегодня и завтра будут падать деревья. Венька, соскучившись по работе, шел быстрым шагом. Послышался сиплый кашель и резкий щелчок, с каким Чечулин завел свою «Дружбу», сразу всадив ее в ствол осины.

Венька видел эту осину - стройную, влобхвата, с зеленовато-серой корой и суками, занявшими всю опушку. Он шел на нее с внимательно-зоркими, как у стрелка, глазами, которые знают норы деревьев, когда те падают под пилой. «Ходить в лесу – видеть смерть на носу», - вспомнил старую приговорку и помахал Чечулину шлемом, чтобы тот не валил осину, куда попало. Но Шурка, види-

мо, прозевал, не успел направить пихало, и осина, звеня суками, повернулась вокруг сердцевины и пошла крепиться на Веньку.

- Важно едем! Остерегись!

Саблин с усмешкой рискованного лесоруба не сделал в сторону ни шагика. Осина упала почти в полуметре, вздув перемешанный с листьями снег. Венька сплюнул:

- Волок-то там! – махну рукавицей в сторону выскорня-пня, громоздившегося над снегом.

Подрасстроился Шурка, почуяв в плевке, взмахе руки и голосе Веньки пренебрежение им, как занюханым лесорубом. Переставив бачок, взглянул выжидающе и упорно:

- Без помощника каково?

- Бери гидроклин.

- Возни с ним.

- Тогда вообще откажись...

Обиделся Шурка.

- Едри твою сорок восемь! Лишка-та тоже не заносись!
– запальчиво крикнул. – И ты бы не всякую повалил!

- Как понимать? – Венька бросил к ногам Чечулина шлем, показал на ближние елки. – Может, эту не повалю? Или эту?

Наклонился Шурка, подобрал шлем, натянул его на подшлемник.

- Повалишь, да не на волок. Вона! – кивнул на кондовую, в желтых подтеках ель, которую без гидроклина они за что бы не взялись валить.

Венька поднял пилу, покачал на весу, проверяя, сколько бензина, завел и двумя подрезами начал в стволе выпиливать клин. Выпилил, выбил его и, зайдя с другой стороны, направил шину к верхней границе подреза.

Чечулин смотрел выжидающе круглыми, как у щуки, глазами на Венькины руки. «Без меня все одно не спехнешь», - подумал и поднял пихало, решив упереть вилашками в ствол.

Венька вздурил:

- Поло-о-жь! – И, дослав пилу до конца, быстро вынул.

Дерево чуть пошатнулось, чиркнуло комлем по пню, оставив на нем лубовую залыску и, будто с порога, сошло на приснеженный дерн. Постояло одну секунду, вздохнуло иголками и упало, как падают все пораженные смертью деревья, хлеснув макушкой по выскорню-пню.

- Теперь поспевай! – Венька шагнул к бородавчатой, в сизых грибах по стволу березе, в два касания подпилит и, не глядя, как будет падать она, с включенной пилой перешел к соседней сосне.

Он ходил от ствола к стволу, присогнув широкие плечи, ходил и видел перед собой полотно пилы и ее сердито жужжащую цепь. Утопляя шину в древесную плоть, Венька с каким-то лихим удовольствием ощущал, как дрожь пилы сообщалась ему. «Эх, зарежу!» - шептал про себя. И непонятно было ему, к кому и зачем, обращал он это «зарежу», но почему-то от этого делалось легче, кровь по жилам ходила скорей, и хотелось работать без остановки.

Трещали деревья, падая с пней на волок. И было в их треске что-то живое, стонущее, как бы прощавшееся с землей, на которой они поднимались. Два человеческих века шумели они своими ветвями и вот лежали теперь между пней, ожидая, когда чокеровщик Серега Манылов, юркий, как ящерка, мужичок обовьет их тросами-удавками, и они под сварливый скрежет лебедки поползут на тракторный щит.

К обеду вальщики уморились, на банно-розовых лицах выступил пот. Уселись на пни, подстелив под себя рукавицы. Чечулин потрогал дыру на фуфайке.

- Что? Стяжком провертел? -- улыбнулся Саблин.

Чечулин не принял его улыбки. Он был подавлен и огорчен. Шурка привык работать с людьми способностей самых средних, среди которых он, хоть и мало, но выделялся. Теперь же он видел в себе неприметного лесоруба, без кого можно запросто обойтись. Если б его сегодня и не было на делянке, то ничего бы, пожалуй, не изменилось. Саблин бы выдал столько кубов, сколько и с ним. Это-то Шурку и угнетало. «Погоди, - успокаивал он себя, - я еще покажу!» Что он хотел показать, было ему неизвестно, однако чувствовал: надо сделать такое, чего не делал еще никто.

Они сходили в столовую - в длинный, вагонного типа дом на полозьях. За все это время Чечулин слова не проронил. И сейчас с дымящейся папиросой он сидел на березовом пне, молчаливо-задумчивый и угрюмый, и осторожно, будто горячее яйцо, перекачивал мысль: «Надо соплю ему утереть. Пусть не считает, что лучше его и работника нет...»

Стоял подбеленный снежком зимний день, никуда, казалось бы, не спеша, а меж тем вместе с солнцем, повисшим над бурой сосной, незаметно и медленно угасая. Пахло мерзлой корой осины, которую отодрало почти до середины ствола.

Чечулин поднялся, кряжистый и белобрысый, с заносчивым блеском в круглых глазах.

- Ты хоть деревья валить и мастер, а пила-та моя! – И наклонился за «Дружбой».

- О чем говорить! – Саблин сплюнул окурок и в распахнутой телогрейке, под которой краснела голая грудь, не боявшаяся морозов, прошел к долговязой сушине, ссек ее, окарнал и, набив на конец стальные вилашки, прикинул на глаз: «Метров семь. Да с такой долгомериной можно сдвинуть любую падину».

Мало кто ныне в северных леспромхозах валит деревья с помощью валочной вилки. И Саблин редко ее применял. Чаще использовал гидроклин, а то и одной пилой управлялся, по наклону ствола и напору ветра определяя, куда ронять ему дерево. А у Чечулина все по-иному: был он вальщиком слишком беспечным, терял и цепи, и гидроклин, потому подсобнику у него приходилось работать всегда по старинке.

Затарактела пила, рассевая по снегу опилки. Чечулин корчился и пыхтел, норовя работать проворно – чтоб пила жужжала бесперебойно, чтоб пропилен был точен и прям, и чтоб Венька скорее задохся и, вывалив мокрый язык, измóрно молил бы о перекуре, а он бы пуще того припускал, пока не услышал бы за спиной: «Не могу. Устал как собака».

Но Венька был из породы двужилых, кого усталость берет потом, когда наступит конец работе. Он шел по сорному мелкоснежью, успевая вскинуть валочный шест, поднажать на его тупиё, направив дерево так, чтоб оно не подмяло подрост и упало ловко для чокеровки. Он видел, как суетился Чечулин, норовя показать себя вальщиком номер один. Зря, конечно, он так. Сломается скоро. Работал бы как умеет. Нет. Надо проворнее всех. Не понимает того, что для этого, кроме рвения, нужен еще и природный азарт. Не перенял его у родителей вместе с кровью – не будешь и вальщиком номер один.

Чечулин свалил полтора десятка деревьев, не очень и толстых, а весь перепрел. С раскрасневшимся лбом уселся на комель, руки его дрожали.

- Слабость какая-то. Почему?

Венька сочувственно улыбнулся:

- Работаешь подневольно.

Чечулин обвел мутновато-замученным взглядом глухую стену бесконечного леса, каждым стволом своим, каждой веткой напоминавшего о работе, к которой он уже охладел. Работать ему окончательно надоело. Скорей бы домой. Был бы Саблин сговорчивым человеком, разожгли бы сейчас костерок и сидели бы возле него. Можно бы даже без костерка, прямо так, как сейчас, припухать, согреваясь от папироски. Лишь бы не двигаться, не ходить, не подныривать под деревья. Но с Венькой лишка не рассядешься. Того и гляди заорет, как глухой на глухого, а то и за шиворот схватит и так направит тебя под елку, что не успеешь и возразить. Чтобы этого не случилось, Чечулин намеренно начал спор.

- Работяга ишачит, чтоб заработать! – объявил он голосом заводилы, который внезапно что-то открыл и хочет этим с тобой поделиться. – Ты ведь тоже работаешь из-за денег?

Венька повел озадаченно головой. «Что он, с цепи сорвался?» И неуверенно возразил:

- Вроде, не думаю о деньгах.

- Веня! Да ты говоришь, как рубли отпускаешь!

- Как это я говорю?

- Скупо! Видать, оставляешь в подкладке! Боишься лишнее передать! – Чечулин лез на рожон, задирая Саблина, как парнишку. Но Саблин видел это и сам, потому и свел разговор к другому:

- Ты, Шурка, обманываешь себя. Обижайся - не обижайся, но ты не своим занимаешься делом.

Шурку задели его слова, однако артачиться он не стал, потому что ссора могла оборвать разговор, дававший ему возможность побалагурить.

- А ты? – Шурка внимательно посмотрел на огромные валенки Веньки, его хорошие черные брюки, распахнутый ватник, голую грудь и худоскулое с веточкой хвои на лбу лицо, которое что-то таило.

- Я – своим! – убежденно ответил Саблин.

- Откуда ты это знаешь?

- Я лес валю с удовольствием, ежели хочешь.

- Это чего такое?

- Ну, с радостью, коли так. Дошло?

- Самую малость.

- Работаю, как гуляю! Ясно?

- Допустим, ясно. А я? Я как работаю? – спросил Че-чулин с язвинкой.

Венька ее уловил. И еще уловил он старание Шурки отвлечь, отманить его от работы. Лицо у Саблина занялось, и он разозлился той строгой рабочей злостью, с какой ярятся все мужики, когда их нарочно сбивают с дела.

- Ты, походя, спишь! Оттого и слабость поехала на тебе, как на ленивой кобыле!

- Занятно! – Шурка заулыбался, точно Саблин высмеивал не его, а кого-то другого, над кем он тоже готов сейчас хохотнуть. – Поехала, говоришь, ну а дальше?

- Дальше... вставай! – намереваясь отвесить хорошую оплеуху, Венька сдернул с руки рукавицу. – Расселся, как в кабинете! Я не докторша со штипцами! Пичкаться долго не буду! Ну-у?!

Шурка мешкать не стал. Вскочил за секунду до оплехи и потянулся к пиле.

- Куда-а? – остановил его Саблин и показал на топор и пихало. – Вон твой инструмент!

Снова пила заурчала в руках у Веньки, заходила, будто живая, подгрызая стволы. Где-то в прогале пасеки грохотал башмаками трелевочный трактор, поскрипывал трос. И кричал, на секунду вынырнув из сучков, Серега Манылов:

- Стой, Генерал! Еще эту зачокерую! Сё! Готовенько! Волоки!

На душе у Саблина стало мягче, куда-то девалась недавняя злость, точно работа, лес, вся природа старались ему помочь. В чем помочь? Этого он не знал. Лишь затеплившимся краешком сердца как бы угадывал что-то важное, неизвестное никому, отчего так спокойно становится человеку. «Хочу заделать семейный скандал, - думал он. – А может, не надо? Не все ведь женятся по любви. Иные, стойно меня, тоже суют свою голову наобум, не знают, к кому попадет, и кто ее грызти будет. И ничего. Живут не хуже людей. Может, и я обживусь со своей Алевтиной? Даром, что старше меня. К тому ж из себя недурна. Тонявенькая маленько. Да это ведь что... Главно, характер. Какой у нее характер? Черт его знает. Сразу ведь не раскусишь...» Тут Венька вспомнил, что не она, а он первый к ней клеился на знакомство, когда обмывал у завхоза купленный телевизор. Там и увидел ее. Показалась она ему симпатичной. Шепнул Виське на ухо: «Кто такая?» А тот будто ждал, что спросят его об этом, в усы-калачики улыбнулся: «Моя младшая сестреница. Перевез на днях из колхоза. Будет теперь работать в поселке...» Уходил в тот вечер Саблин от Виськи с масляными глазами: рядышком

с ним, привалившись к его плечу, ступала стройная Алевтина. Прижимаясь к ней в сумеречном проулке, не чаял Венька и не гадал, что через несколько дней он будет ее супругом. «Ёр-кородер, - ворчал он сейчас, проходя с дребезжащей пилой меж деревьев, - зацепила меня под жабьки, как язя. Да и я-то уж прост. С открытым зевалом да на приманку. Ну, разве так ныне можно?..»

Ругая себя, Саблин слышал глухой ропоток уморенного Шурки, которому не терпелось закончить работу и поспешить к полыхавшему возле дороги костру. Но Венька, сутуля плечи, клонился к изножию елок, валил их одну за другой, накопляя задел на завтра. Солнце проваливалось сквозь лес, снег посинел, и по хвойным прогалам украдцей, как воры, пошли скользить мрачноватые тени. Вечер вставал неожиданно, будто из-под земли, в одну минуту ступшевывая окрестность.

Венька хотел бы свалить еще пару-другую деревьев, но Чечулин, весь выжатый, словно мочалка, уже не роптал, а кричал, протестуя против работы. Убирая пилу под елку, Саблин взглянул через вырубку на костер:

- Автобус, вроде, не подошел.

Лицо у Чечулина исказилось.

- Подошел! Я слышал! Четыре гудка! А то останемся ночевать!

Саблин взмахнул рукавицей: «Черт с тобой!» И Шурка, швырнув топор и пихало, ступил на березовый лежень, прыгнув с него на пружинистый хлыст, а потом – на другой, и пошел выскакивать, будто заяц. «Пропадает талант», - приослабился Саблин и в ту же секунду забыл о Шурке. Сквозь жесткий лапник выбрел на тракторный волок. Пахнуло дымом костра. Запах такой зазывающий и знакомый. Но теперь он Веньку не волновал. Вальщик

шел по измолотой колее, впервые в жизни не понимая: нужно ему торопиться домой или не нужно? Сегодня его дожидались дома. Это было для Саблина непривычно. Правда, и раньше его дожидались. Но то была мать. А всем матерям от природы положено ждать своих ненаглядных, где бы их дети ни находились. Но тут молодая, как с неба свалившаяся жена, и он не знал, как полагается к ней относиться. «Другие-то как?» - задумался он и увидел автобус, который лихо вынырнул из-под елок, залил белым светом пустырь ольховой редины, мачты с блоками, два прицепа и мельтешивших возле костра мужиков.

4

Залезали в автобус с бою, стараясь занять получше места. Венька снова, как утром, забрался последним и, не глядя, уселся на чьи-то колени.

Дорога метнулась под белые всполохи фар. Кто-то снял с головы подшлемник, кто-то вынул колоду карт. Лампочка в потолке освещала небритые лица; глаза, морщины и выступы скул выдавали нервное нетерпение, с каким мужики норовили попасть в жилое. Все они очень устали, и каждый хотел хорошо отдохнуть, нырнув с головой в благодатный покой родимого дома. «И я вот нырну», - думал Венька, чуя тревогу, с какой душа его примерялась свыкнуться с чем-то необходимым.

От меховых полушубков и потных шапок воняло замученным зверем. За окном угрюмо мерцал посеревший снег, чернели деревья, и кое-где между ними желтели искорки звезд. И отовсюду дышало холодом и покоем. Этот

холод и этот покой Венька почувствовал где-то в себе, словно все, что виднелось сейчас за окном, переселилось к нему, подобравшись под самое сердце. Мысленно он был готов уже примириться с ролью молодожена. Однако стоял в голове упрямый вопрос: «Другие-то как?» И глаза его обежали затылки, подшлемники и фуфайки.

«Чья брюковинка вон эта? -- увидел торчавшую над фуфайкой желтоволосую кругленькую головку. – Сереги Манылова? Точно. Евонна овощь, не отберешь. Жена у него здорова, - улыбнулся Венька, - одинова ночью Серегу чуть титькой не задавила. А любят друг дружку. Что ж. Ихнее дело. Мое не такое. Мне нужен пример. Серега для этого не годится...»

Саблин бровями пошевелил, и глаза его поймали Чечулина Шурку, который, играя в карты, чем-то лукавенько умилялся, точь-в-точь бубновый валет, только без усиков и без шляпки. «Тоже ведь был холостым, - с интересом отметил Венька, - пять лет деваху себе выбирал. И выбрал такую, что весь поселок расхохотался. Брови лохматые, ровно усы, а голос – хоть продавай на районном базаре. Но главное было другое: его густобровая оказалось с приданным – с парнем двух лет да девулей трех с половиной. Кто бы из нашего брата экую взял? Немного таких. А Шурка не побоялся. Женился, как пошутил. Все думали: ненадолго. Однако четыре года проехано. Кто бы подумал? Живут и не думают расходиться. Да-а, - недовольно поморщился Саблин, - и Шурка мне не пример...»

Тут он увидел перед собой большеплечего бригадира. «Генерал! Вот ведь кого мне надо!» Саблин приободрился. Вася жил с сухопарой Глафирой, у которой, как шутили озорники, при ходьбе гремыхают кости.

Бригадир малокомплексной был широк. Он сидел, занимая почти два сиденья. Венька зажегся желанием расспросить: каково живется ему с женой? Прикоснулся пальцем к его горячему толстому уху и, когда бригадир обернулся, спросил:

- Слышь, Генерал, если бы кто подвалил к твоей благоверной, ты бы чего с ней содеял?

Сажин был добродушнейшим человеком, любил все смешное, но Венька его удивил ненормальным вопросом, и он осторожно переспросил:

- К моей Глафире?

- Ага, к твоей.

Бригадир стал медленно наливаясь багрянцем, на шее набухла сизая жила.

- Ты что, серьезно?

- Вполне.

- А для чего тебе это?

Саблин сказал:

- В семейной жизни я новичок. Хочу, чтоб ты опытом поделился.

Сажин смутился, найдя в словах мужика что-то до глупости странное и смешное.

- Я?

- Больше никому, - ответил Саблин, да так виновато, так робко ответил, что бригадир невольно повеселел.

- Ха! Веня! Прах тебя замети! Али настолько своя надоела, что позарился на мою?

- Брось хохотать, - сказал Венька. - Я к другому сказал. В тебе ведь, поди-ко, сотня кило?

- Сто два, - уточнил бригадир.

- А в Глафире, наверно, пейсят?

- Где-то эдак.

- Сто два повалить на пийсят, - осторожно заметил Саблин, - так ведь можно и раздавить.

- А зачем обижать костоватых, коль достаточно полноватых!

Надо думать, Сажин сказал все это шутя, но Венька принял ответ на веру. Положив на плечо бригадира руку, подался к нему:

- Значит, Глафиру не любишь?

Сажин вздрогнул, взглянул на вальщика с изумлением:

- Ну, даешь! И чудило ты, Веня! Любишь... Да ты спроси у меня: это чего такое? И я тебе не отвечу, потому, как не знаю, не знал и знать не хочу!

Венька откинулся к спинке сиденья. «Спасибо тебе, Генерал, - мысленно усмехнулся, - теперь и я со своей Алевтиной буду жить именно так...»

В голову Веньки полезли греховные мысли о будущей жизни, в которой его Алевтина займет самый крохотный уголок. А все остальное в ней место займет другая. Кто она? Этого он покуда не знал

Саблин щелкнул пальцами. Жест означал: «Дайте мне папиросу». Ему протянули несколько папирос.

В автобусе было привычно: кто в карты играл, кто дремал, кто слушал Антонова с Шуркой. Мастер, сверкая вставными зубами, пытался узнать: зачем Чечулину нужен отгул?

- Никак в город по пиво поедешь?

- Пиво потом.

- По мясо?

- Да ну его.

- Зубы, может, вставлять?

- Да не, - поморщился Шурка, - к матери надо на день рожденья.

- И сколечко ей?

- Сорок.

- Доброе дело, неужто все сорок?

- Все как один.

- А тебе?

- Мне двадцать восемь.

Антонов язвительно улыбнулся:

- Мати-то как тебя – в детском возрасте принесла?

Чечулин обиделся:

- По-о-чему?

- А ты отыми от сорока двадцать восемь. Сколечко будет? Ровно двенадцать.

- Ухх! И вправду. Омолодил! Ей, видно, не сорок, а все пятьдесят.

Все посмотрели на Шурку, как на потешного баламута – вечно чего-нибудь переверет. Но с Шурки, как с гуся вода, утер рукавицей лицо и снова готов к разговору.

Въехали на угор, откуда открылся поселок. Пронеслись высокие, в сорок рядов штабеля сортиментов, будто древние стены монастыря, неприступно и хмуρο стоявшие средь потемок.

5

Поросшие серым ледком мостки тянулись вдоль главной улицы в оба конца поселка. Венька решил подождать, пока разойдется народ, чтобы побыть одному. Он закурил папиросу, оперся плечом о конторский забор. Дома и ба-

раки были освещены, в зареве окон дорога, заборы и пешеходы казались новыми, не такими, к каким привыкли глаза. И темнота казалась иной: словно пугаясь яркого света, она отодвинулась за сараи и терпеливо ждет свой любимый полуночный час, чтобы снова заполнить улицы и подворья.

Саблин направился по мосткам в сторону низких барачных и брусчатых – в два этажа – еловых домов, в одном из которых его поджидала теперь Алевтина. Навстречу, гонимая ветром, катилась снежная стружка. Натащило откуда-то туч, небо стало мутным, лишь на окрайке поселка, где гаражи с мастерскими, оно краснело и голубело.

Звеня стеклом, распахнулось окно барака. Гуляла вербованная братва. В окне показался стриженный парень. Увидев Саблина, он закричал:

- Эй, валенок без галоши! Ты мне не нравишься! Понял?

Саблин остановился.

Ёр-кородер...

Вербованный вдруг улыбнулся, повернулся к столу, сгреб поллитровку, стакан, ломоть хлеба, перекинул ноги за подоконник и прыгнул в хрупнувший снег.

- Старик, извиняй! – попросил, подбегая. – Не сразу узнал. Ведь я гулял у тебя на свадьбе. Помнишь?

- Не помню, - нахмурился Саблин.

- В гармошку еще играл!

- Ну и что?

Стриженный вылил водку в стакан.

- Пей, старик!

Пренебрежительным жестом руки Саблин отвел от себя подачку.

- Сам пей!

Стриженный удивился:

- Но я хочу тебя угостить!

Венька спросил:

- Свадьба, когда у тебя?

- Не знаю.

- Когда узнаешь – мне сообщи.

- Сообщу, - растерялся парень, - а для чего?

- Ты же меня угостить собирался?

Вербованный хохотнул:

- Старик! Да я женюсь, может, лет через десять!

- Я терпеливый Могу подождать и десять. Хотя всё может содеяться и сегодня.

- Чего содеяться?

- Свадебка у тебя.

- Заливай, - усмехнулся сезонник. – Где у меня невеста?

- У меня тоже не было, да нашлась. – Венька взял у стриженного стакан и вылил водку. – Больше не пей, а то проснешься утром женатым, будешь локоть кусать, да поздно. – Возвращая стакан, Саблин погладил парня по стриженной голове и, оставив стоять со стаканом и ломтем хлеба, пошел, не спеша, к своей Алевтине. Сезонник крикнул ему вдогонку:

- Не сердись на меня?

- Больно надо, – откликнулся Венька. Он и в самом деле ничуть не сердился. Даже напротив, сочувствовал парню. Стриженный был из тех беззаботных ребят, которые ездят по леспромхозам, чтоб заработать побольше денег. И зарабатывают, конечно, да только проку от этого мало, ибо в один бесшабашный день все до последней копейки снесут в магазин, а наутро с большой головой ста-

нут думать: куда бы им тронуться на сезон, чтоб побольше подзаработать?

Венькин взгляд мимолетно коснулся дверей магазина, откуда вышла высокая молодуха в черном жакете. Руки ее были заняты, одна – продуктовой сумкой, вторая – ребенком, и дверь молодуха закрыла ногой. Венька узнал в ней разметчицу Зинаиду, красивую рослую разведенку, на которую пялил глаза каждый третий мужик Еловца. «Во бы надо на ком жениться! – подумал Венька. – Да только чего? Опоздал. К тому же, вон, у нее и довесок. А с довеском брать хы... Это уж извините. Мы не таковские. Впрочем! – Венька даже остановился, до того пришлось по нутру эта мысль. – О чем тужу? Зинаида не без греха. И не я, кажись, первым об этом знаю. Почему бы не подвалить? Безо всякой женитьбы! Мужчина я – ничего! Ношище, правда, здоровый. Но это не главное. Возьму, да и попытаюсь. Пускай мне завидует Генерал...»

Венька был человеком нетерпеливым, на «потом» не откладывал ничего. Суматошно, будто его толкали, обогнал разведенку.

- Здорово, Зин! Далёко ли ходишь?

Зинаида крутнула плечом: мол, чего тебе надобно от меня? Венька же в этом увидел другое и тут же решил: «Заигрывает со мной».

- В магазин? – улыбнулся Венька.

Молодуха съязвила:

- В лавку!

«Точно, заигрывает», - утвердился Венька в предположении и наклонился к хозяйственной сумке:

- Давай подмогну!

- Своей подмогай!

Не ожидавший отпора, Венька слегка приопешил, но тут же смекнул: «Цену себе набивает». И замедлил шаги, чтоб идти с молодухой вровень.

- Своей-то, может быть, не хочу.

Зинаида склонила лицо над ребенком, гукнувшим что-то сквозь одеяло, приоткрыв при этом гладкую шею.

- Горлышко не застудишь? – ляпнул Саблин с нелепой улыбкой.

Она насмешливо посмотрела на Веньку, и он догадался, что ничего у него не выйдет... Но отступить было поздно.

- А то давай верхнюю пуговку застегну, - прибавил с задором.

Зинаида резко свернула с мостков:

- Не комар, а тоненько вьешься!- И пошла по седым волоконцам поземки в свой придавленный плоской крышей семейный барак, где была ее маленькая квартирка.

Венька вспыхнул, поморщился и с гнетущей досадой вспомнил, что ему никогда не везло на женщин. Не любили они его. Как не любят, видимо, и теперь. «Не скажи-и! – на память пришла Алевтина. – Она-то ведь любит. Чего еще? Чего еще надо семейному человеку?..»

Проходя во двор, весь заваленный чурбаками, Саблин открыл неожиданно для себя, что он не из тех мужиков, которые изменяют. «Не получится, - понял он, - как бы я хвостом ни крутил. На это тоже нужен особый характер».

6

На низкое, без перил и крыши крыльцо Саблин ступил, озираясь. На веревке, что протянулась от дома к за-

бору, морозились заколелые майки, трусы и рубахи. Все это было его, и Венька смущенно смотрел на белье. Раньше с этим бельем было столько хлопот: стирал втихаря, чтоб никто его не увидел, зимой – в бане, летом – на речке. Да часто, выстирав, тут же на тело и надевал, терпеливо снося холодок, пока белье на нем подсыхало. И вот заботы с бельем не стало.

Отворял Венька дверь неуверенно, как квартирант у ворчливых хозяев. Вошел и несмело остановился. Веничек у порога, свежесшитый половик, стол под яркой клеенкой, запах молочного и мясного – во всем ощущалась старательность и забота чистоплотной женской руки.

Продробили шажки, и из комнаты в кухню, раздвинув ситцевый полог, вбежала жена. Сколько радости было в ее лице, сиявшем веснушками и улыбкой! Она протянула руки, хотела его обнять. Но он отстранился. Дрогнула Алевтина, однако скрепила сердце.

- Ну-ко цельнёхонёк день не евши! Эдак недолго и похудеть!

Она приняла у него фуфайку, повесила на рожок и, налив в умывальник воды, закружилась, будто веселая пчелка, уставляя стол варевом, жаревом и вином.

- Поправлять головушку будешь? Нет? Ну и ладно. Ешь-ко давай!

Саблин сидел за столом, и было ему беззаботно и просто, как при покоенке маме, которая тоже любила его угощать. Аппетит у Веньки был за троих. Ел и время от времени взглядывал на жену. Была она в белом платье, на груди поблескивал медальончик. «Нарядилася для меня! – отметил не без удовольствия. – Понравиться хочет... Валий!» Иногда он ловил ее взгляд и читал в нем не только радость, но и мольбу: «Ну что ты такой понурый? Будь

хоть чуточку веселей!» Хмурился Венька. «Как бы не так! Заполучила меня лукавым манером – я же и веселись...»

Поужинав. Венька принаклонился к стене, закурил. Весь его вид говорил: «Давненько эдак не угощался!»

Убрал со стола, Алевтина уселась напротив со спицами и вязаньем. И опять он вглядывался в нее зеленовато-стальными глазами, упорно желая понять, что за женщина перед ним, насколько добра и сможет ли он с ней прожить целый век.

- Спать! – Венька поднялся, тяжелый и разморенный, прошел за ситцевый полог, где пахло выглаженным бельем, и стояла кровать с приоткиннутым одеялом.

Утром Саблин проснулся с хорошим чувством покоя, как если бы в нем надолго, на многие годы вперед, устоялась степенность довольного жизнью семейного мужика, которому выпало жить с надежной супругой. Голова была свежей, освободившейся от забот о сухой рабочей одежде, от вопроса: чего бы поесть и насчет всего остального, что его волновало прежде. Все заботы о нем приняла на себя жена.

Саблин не ведал, как много может вынести сердце, если оно полюбило в той запоздалой поре, когда замуж почти уже не выходят. Алевтине было тридцать два года. В этом возрасте редко справляют свадьбы, однако ей повезло. Но сколько тревог и страхов она испытала, переезжая сюда из деревни к совсем незнакомым ей людям. Особенно трудно ей было на шпалорезке. Старшим здесь был Касторий Рожков, падкий до денег мужик. Он и бригаду себе подобрал такую, чтоб все работали в поте лица. На подкате бревен и выгребке ямы стояли три украинца, прибывшие в северный леспромхоз, чтоб отсюда в конце се-

зона отправить в свой южный колхоз нагруженный лесом вагон. В Алевтине все четверо углядели помеху: будет мешать зарабатывать деньги, - и потому ее встретили с холодком.

Рожков, прочитав записку Виссариона, принесенную Алевтиной, надел защитные с бляшками из брезента очки и взглянул на нее:

- Рабочая кадра?! Тэ-эк! И, кажется, женского пола?

Алевтина обиделась:

- Неуж нисколечко не заметно?

- Заметно, - ответил Рожков, - однако мы просили мужского рода.

- Я ведь не знала. Мне так сказали.

- Кто сказал? Виссарион? Тэ-эк! - По впалым щекам Рожкова мелькнула тень чуть приметной усмешки. - По родственному, выходит? По благу?.. Будем глядеть...

По тому, как Рожков посмотрел куда-то мимо нее, как расстроено закурил папиросу, как подошел к опущенной снежком тележке и что-то буркнул подкатчикам бревен, Алевтина смекнула: ей придется тут нелегко.

Включая рубильник, пыльщик махнул рукавицей вдоль стылых рельсов, велел Алевтине снимать с тележки тесины, а горбыль откидывать прочь.

Работа была простой, но требовала сноровки, а ее предстояло еще нажать. Алевтина, склонившись к каткам, бегала вдоль ограждения, за которым порывисто хлопал длинный ремень. Тесины боркали под рукой, неохотно и тяжело уносясь по каткам до подштабельных слег, на которые их полагалось укласть. Но на это времени не хватало. От косых рычагов, где стоял, мерцая очками, Рожков, надвигалась тележка. Попробуй ее не встретить, не прими тесину в тот самый миг, когда колеса рванутся назад, -

пильщик тут же распетушится и прокричит тебе несколько слов, от которых по коже твоей пробегут ледяные мурашки.

Алевтина старалась. Мужики, пропустив сквозь пилу полтора-два десятка еловых бревен, садились курить, она же отшвыривала горбыль, очищала от мусора рельсы и неслась со всех ног поднимать на штабель сырые тесины. В платке, опустившемся на глаза, неуклюжем ватнике и огромных спецовочных рукавицах она как бы вся затерялась в одежде, выглядывая из нее в тесный мир забитого бревнами нижнего склада с обреченностью грустной, оставшей от стаи осенней птицы.

- Тэ-эк! – сказал ей однажды Рожков. – Махоньки ручки, а эстоль силешки. Где это ты ее накопила?

- На колхозных коровках. Десять лет кланялась перед ними.

Алевтина не чаяла, что так скоро приуровнится к характеру мужиков и привыкнет к работе, однако дня через три-четыре стала во всем успевать и даже выкраивала минуту достать из кармана круглое зеркальце и посмотреть на себя.

Как-то к ним заглянул Михаил Петрович Трофимов. Начальнику лесопункта важно было узнать:

- Почему до сих пор полового тесу не напилили?

Пильщик замялся, что-то хотел объяснить, но разразился сухим продолжительным кашлем. Алевтина, желая ему помочь, готовенько подсказала:

- Напилили еще вчор. Сорок семь половых. Я считала. А севодни утречком увезли!

Трофимов насторожился:

- Куда увезли?

- Как куда? На строительство! Э-э, Кастоша! -- Алевтина дотронулась до Рожкова. -- Ты чего? Неуж-то забыл? Ведь твой Васечка приезжал! – назвала бригадирова сына.

Лицо у Рожкова окаменело.

- Так куда же? – Трофимов взглянул на пыльщика с едкой усмешкой. – На строительство клуба, где я только что был, или – личных хором, где не был, но где бываю?

- Личных хором.

- Понятно, - промолвил Трофимов. – Вечерком заглянешь в контору, - и направился вдоль штабелей.

Поняла Алевтина, какую мину она подвела под Рожкова. Она ведь этого не хотела. Откуда ей было знать, что половые тесины Рожков повезет для себя? Она покраснела, точно была в сговоре с бригадиром, кого по нынешним временам порядочным не назовешь, однако и вором назвать едва ли посмеешь.

На другое утро на шпалорезку вместо Рожкова пришел дядя Юра Оболин, лысоватый ласковый человек, который со всеми поддерживал мягкие отношения. На Алевтину Оболин поглядывал так, словно она собиралась выслать его куда-нибудь из поселка. Он даже начал заискивать перед ней, хвалить по делу и не по делу, а безусловно работавшим украинцам ставить ее ежедневно в пример. Алевтине было неловко от сладких похвал, и однажды, не удержавшись, она поймала Оболина за рукав:

- Али я гора какая, что могу на тебя упасть?

- Не гора, - согласился Оболин.

- Тогда с каких-таких мух меня ты эдак боиессе?

- А вдруг донесешь руководству и на меня?

- Дурачок, - ответила Алевтина.

После этого разговора дядя Юра стал глядеть на молодку естественнее и проще и относиться к ней, как ко всем. Алевтина повеселела. Куда спокойнее жить, если ты получаешь столько, сколько заслужишь.

Лишь вечерами она желала себе побольше – побольше внимания от того, без кого ее жизнь надломилась бы, как лучинка. Каждый день она дожидалась с волнением сероватой вечерней поры. И, каждый раз, возвращаясь после работы, гадала: куда бы сначала слетать? В магазин? Столовую? На колодец? Через час-полтора приедет из лесу муж, и надо встретить его. Встретить так, чтобы он оттаял от холода, сбросил с себя усталость и, взяв ее руки в свои, сказал: «Вот мы и вместе». Но до такого надо было еще дожить.

- Вот я и дома! – сказал как-то Саблин, перешагивая порог, чем смутил Алевтину необычайно.

Саблин был покладистым человеком, из тех, кто плывет по течению обстоятельств. Был холостым – хорошо. Женатиком стал – тоже ладно. Каждый раз уезжал в лесосеку сытым, выспавшимся, довольным. А домой возвращался, зная, что все здесь будет, как в наилучшей семье. Быстрые руки жены не давали раздеться, торопливо и радостно обнимали, а он стеснялся, понукивал и ворчал, однако рук не отпихивал, не отстранялся. И всегда к приезду его была истоплена печь, приготовлен горячий ужин, а на комодѣ стоял приемник, минуту назад настроенный на концерт. Удивлялся Венька: и когда Алевтина все успевает? Ведь работает целый день, пусть и рядом на шпалорезке, но за какой-нибудь час сумеет сходить за водой, закупить продуктов, печь истопить, изготовить первое и второе – на это, действительно, нужен был дар природной хозяйки, гораздой стараться за четверых.

Над Венькой стали беззлобно подтрунивать:

- Ты, паре, вроде бы как потолстел?

Саблин покладисто соглашался:

- Может, и потолстел.

- С чего бы это?

- Жена бережет.

- Это же, паре, редкость. Где ты экую отхватил?

- Не я, - улыбался Венька, - она меня отхватила.

Вскоре у Алевтины открылся еще один дар – принимать по воскресному вечеру или в праздник гостей. Уж как-то само собой повелось, что к молодым стали часто похаживать посельчане. Алевтина старалась: пекла пироги, готовила разносолы.

Был полон приветов к гостям и хозяин. Ему нравилось быть среди старых знакомых, открывая в них что-то новое, не такое, к чему он привык, каждый день выполняя с ними одну и ту же работу.

Целый вечер в открытую форточку прорывались гармонные трели, постук стаканов, смех, задушевные песни и разговоры. Кто только у Саблиных не бывал! И осанистый Вася Сажин, умевший поддерживать шутки таким жизне-радостным смехом, что колыхались оконные занавески; и чокеровщик Серега Манылов, баловень всех дней рождений и именин, куда его приглашали как запевалу; и мастер Антонов, любивший поспорить о жизненно-важном и обязательно выиграть спор; и Шурка Чечулин, весь рас-пираемый от вранья; и многодетный Цивеленков, пожилой, с кабинетной бледностью на лице кассир лесопункта, вечно охваченный грустной заботой – где бы занять до получки денег, и косоокий брат Алевтины Виссарион. К Виссариону Саблин испытывал сложное чувство, не зная толком: то ли ругать его, то ли благодарить.

Виссарион и сам понимал, что Венька к нему относится как-то особо и, мучаясь этим, хотел объясниться.

Случай такой подвернулся. Справляли Венькины именины. Хозяин сидел, разомлевший и тихий, уткнувшись в плечо Алевтины литым подбородком – верный признак того, что он в золотом настроении, кроток, как голубь, покладист и добр.

Виссарион, ни минуты не мешкая, вызвал его в коридор.

- Как жизнь молодая?

- Да так, - буркнул Венька, плохо соображая, к чему клонит Виссарион.

- Женкой, небось, доволен?

- Не лишка ли хочешь знать?

- Не лишка, - заверил завхоз.

Венька занервничал:

- Для чего-о?

- Ну, как... - подзамялся завхоз. – Все-таки интересно.

- Что – интересно?

Виссарион намекнул:

- Кто поженил тебя, знаешь?

- Ты постарался!

- А почему? – спросил завхоз и сам же ответил: - Потому, что увидел в вас пару. А коли пара, дак нечего жить по одиночке. Вот и решил вас столкнуть голова к голове. Правильно это я? Верно?

Бахвалистый голос Виссариона, его подрюмяненное лицо с усами, похожими на калачик, задористо вздернутый нос настроили Веньку на раздражение:

- Правильно! Верно! – передразнил он завхоза. – Тебе-то какое дело? – И повернулся, чтобы уйти, но завхоз забежал, встал затылком к дверям и раскинул руки:

- Не, не.

Саблин вскипел:

- Чего еще? Ну-у?

Виссарион попрекнул:

- Большой, а тупо-ой!

Глаза у Веньки сверкнули зеленым.

- Какой?!

- Теперь я родственник твой! – воскликнул завхоз.- И желаю, чтоб ты и дале жил хорошо с Алевтиной! Правильно я?

Саблин пожал плечами.

- Ты что много выпил?

- Мало. Однако могу и много! -- Просыпав ботинками дробь, Виссарион дал полкруга около Веньки, попытался его обнять, но тот был на целую голову выше, и рука лишь прошлась по плечу. – Эх, паре! Хоть ты и злой, а люблю тебя, как братана! Иначе не выбрал бы для сеструхи!

Завхоз не лукавил. Глубокой ночью Саблин проснулся от разговора. Голоса доносились из кухни.

- Как он тебя? Не шибко хоть обижает? – узнал настойчивый голос завхоза.

- Сдурел! – ответила с вызовом Алевтина.

- Сдурел, не сдурел, а парень он с норовком. С таким не каждая совладеает.

- Полно, Вися, - оспорила Алевтина, - спокойной он. Даже выпьет когда, голосу не подымет.

- Не часто ли выпивает? – придрался завхоз.

- Да, как и все: в аванс, получку да праздник.

- Зачастили к вам гости, гляжу.
- Ходят, дак как?
- Хлебосольно встречаете, вот и ходят.
- Хороших людей как не встретить!
- Они-то часто вас принимают?
- В этом ли дело?
- Вот! Вот! Скоро, гляжу, вас совсем разорят. Подскажи хоть ему, чтоб помене тратился на бутылки.

- Буду я ему настроеннице портить!

- Ну, сестреница! Ремень бы на вас! Стали б поэкономней.

- Жмотиться-то чего? Раз и живем! А денег нам хватит. Не машину и покупаем. Можем дать и тебе, коль попросишь.

- Ну, язва! Как у тебя язык повернулся! А впрочем, чего меня лихо взяло? Живите, как знаете. Я не указчик. Только тебе бы...

- Что мне? – встревожилась Алевтина.

- Следить за ним в оба! Чтоб никто не займовал у него. Он знаешь, какой у тебя?

- Какой?

- Простой. А простым можно деньги не отдавать. Верно я? Правильно?

«Значит, деньги трачу не эдак, - задумался Саблин. - А как, интересно, другие? Вон Вася Сажин? Мастер Антонов? Серега? Поразмыслив над этим, Саблин открыл для себя, что каждый из них делит деньги на две половины: одну оставляет на нынешний день, а вторую – на что-нибудь сберегает.

Венька деньги свои никогда не делил, относился к ним просто. Есть они – тратил. Нет – наживал, чтобы снова их тратить. Зарабатывал Венька по двести, а то и по триста

рублей, но жил без всякого шика, даже скромнее, чем большинство. И все оттого, что охотно давал займы.

Не удивительно, что и свадьба справлялась на деньги жены, Саблин не внес ни копейки. Оттого его многие дни и точил зуд стыдливого беспокойства. Как-то сказал об этом жене. Алевтина махнула рукой:

- О чем говорить-то удумал? Ой, чудушко! Мои денежки али твои? Разница-та какая? Неуж наша жизнь замешана на деньгах?

- На долгах! – усмехнулся Венька.

- Во! Во! – подхватила жена, не замечая усмешки. – Сёводни мы одолжим бедолажке. Завтре он нам с тобой одолжит. Жаль, что эдак умеют не все.

Саблин спросил:

- Я-то, по-твоему, как? Умею?

- Венечка! Не тебе об этом пытаться! У тебя душа открытая, ровно поле! А в поле нет ни корысти, ни лести. Возьми хоть меня: кабы не ты – жила бы теперь пустоцветом.

И вновь хотел усмехнуться Венька. И губы ниточкой растянул, однако усмешка не получилась. Дивно стало ему, что его жена, обычная с виду бабенка, так умно разбирается в людях, словно среди них целый век прожила, накопила старушечий опыт и вот способна теперь рассуждать обо всем.

- Вот ты какая...

- Какая?

- Занятная, ер-кородер. Рассказала бы, что ли, как там жила у себя в деревне?

- Да, как и все, - ответила Алевтина. О прошлом она вспоминала с досадой, как о чем-то однообразном, затянувшимся дольше, чем надо. Ну что она вспомнить могла?

Деревушку, замужних подруг да колхозную ферму, где она до сих продолжала б доить колхозных коров, кабы не брат ее, Вися.

Перебравшись в поселок, она всю осень жила у брата. Хорошо, что была при деньгах, а то еще неизвестно, как бы ее приняла жена его брата брюзгливо-скаредная Евдокия. Виссарион и сам-то не больно хотел, чтоб она у них заживалась. Потому поспешил устроить ее на работу. И со свадьбой поторопился.

Теперь Алевтина жила, не завися ни от кого. Жила, имея свой угол, свою работу и своего разлюбезного Веню, о ком заботилась истово и серьезно.

7

Саблин и сам замечал, что он занимает в семье особое положение. «Не слишком ли это? – спрашивал у себя. – Все для меня. А когда для Альки?» Он долго вынашивал мысль: чего бы ему жене такое хорошее сделать, дабы не считать себя перед ней виноватым? «Куплю дорогую шубку! – надумал. – Как у жены начальника лесопункта. Пусть пофорсит, пока молодая. Денег нет – не беда, заработаю на повале...»

Но заработать в этом году было непросто. Зима выдалась многоснежной, и валка шла с грехом пополам. Приходилось работать не столько пилой, сколько лопатой. Чтобы не было сбоя, мастер Антонов стал привозить подсобных рабочих. Но и они едва успевали. Не потому, что много было работы, а потому, что они ее не любили. Оно и понятно. В подсобники попадали обычно те, кто при-

езжал в лесопункт на сезон, всякое дело в лесу представлял приблизительно и сумбурно и был заранее убежден, что оно ему будет в тягость.

Глядя, как подсобники экономно, не торопясь, тратят силы, оберегая себя от усталку, Саблин нервно покусывал губы: «Следят за здоровьишком. Хы-ы!» Сам же он за здоровьишком не следил. Полагал, что его ему хватит. Хватит на собственный век. А может, еще на чей-то. Поэтому, не щадя себя, так же жестко спрашивал и с других. Но сезонники были все на один характер, одно лицо и одну повадку. Он и ругал их, и оскорблял, а порой, не сдержавшись, тряс пятерней, обещая увесистый подзатыльник, коли не станут работать лучше.

Однако ни то, ни другое, ни третье не помогало. Подсобники отбывали смену, будто повинность, и менялись у Саблина каждый день.

- Подпилю ваши пятки! – пёр Венька на них с заведенной пилой, когда сезонники, чуть взопрев, бросали лопаты на снег и садились.

- Не жаль, - отвечали они с безразличной улыбкой.

Матюкнувшись, Саблин шел по сугробу, ломая ногами кусты. Добирался до дерева и, оставив пилу, голенищами валенок и лопатой распахивал снег. От мысли, что он выполняет чужое дело, дело людей, которые в это время сидят на лопатах и отдыхают, все в нем кипело. Он возвращался к сидельцам.

- Чего расселися, как в кино?

- В кино-то теплей! – отвечали ему с усмешкой.- А тут холодина и дует со всех сторон.

Саблин яростным жестом руки показывал вдоль пова-
ла:

- Шмоляйте отсюда! Ну-у! Да мастеру передайте, что я протурил вас, как седунов!

Такой оборот был работникам не по нраву. Отдирая штаны от лопат, они подневольно вставали, вздыхали на всю лесосеку и вяло, как арестанты, брели к заметенным стволам. Расчищая их, долго и нудно ворчали, кляня Вологодчину вместе с ее сугробами и лесами, в которых только и жить таким древорубам, как Венька Саблин. А вечером, перед отъездом в поселок, каждый из них торопился увидеть Антонова, чтоб заявить:

- Боле к Лютому не пойду!

- К кому? К кому? – переспрашивал мастер.

- К вашему вальщику номер один.

- Что же?

- Да как на каторге у него. С ним надо работать не человеку.

Сезонников в лесопункте сорок пять человек. Почти все побывали с лопатой у Веньки, хорошо познав его голосину, взрывной характер и яростный взгляд. Побывали и были оскорблены не только взглядом, окриком и угрозой, но и всем его вызывающим видом, каким лесоруб давал им понять, как он открыто и искренне их презирает. В конце концов, многие стали ходить к начальнику лесопункта и жаловаться, что Саблин совсем обнаглел – одного обозвал паразитом, второго – козлом, а третьего даже еще и пнул.

Трофимов не вызвал бы Веньку к себе даже за более тяжкий проступок, кабы не жалоба на него с тридцатью подписями. Перечисляя грубости лесоруба, авторы жалобы предупреждали: если начальник не примет мер, то станет известно об этом районному прокурору. Трофимов ценил мастеров больших кубометров, но он же считался

и с дисциплиной – привык, чтоб и сверху, и снизу к нему относились, как к деловому начальнику лесопункта, который умеет весь коллектив заставить жить и работать так, как этого требует время.

- Понял, мил-человек, почему убираю тебя из бригады? – спросил Михаил Петрович, махая листочком с жалобой перед Венькой.

Саблин сидел, со скукой разглядывая пальто и серую, пирожком, из каракуля шапку на вешалке по-за печкой, окно, выходившее в палисад, и широкую дверь, в проеме которой виднелся пожарный крашенный щит с огнетушителем, топором, лопатой и ломом. Им владело то чувство нервного покоя, какое бывает у приглашенных в контору людей, когда им приходится слушать о чем-то мало-понятном и строгом.

- Бумажкам верите, - буркнул Саблин, презрительно усмехаясь.

- Не только бумажкам, но и тебе! – Трофимов встал, сунув руки в карманы брюк. – Однако уж так ситуация повернулась. Ты уловил момент в их письме, где говорится о фельдшерской справке? Справку выдали работяге за неспособность к ходьбе. А кто неспособность эту устроил?

- Ну, я! Ну и что! Заслужил, потому и устроил!

- Я не против. Устраивай. Но, чтоб было без этих справок! И жалоб, чтоб не было никаких! Не кому-нибудь – мне расхлебываться за вас...

- И куда я теперь? – перебил его Венька, не любивший моральных увещеваний.

Трофимов прошелся по кабинету, поднял вверх указательный палец, пронеся его, как свечу:

- Пусть считают, что я тебя наказал! На самом же деле, - тут он хитро взглянул на Веньку, - на самом деле, мил человек. Я тебя перекину в бригаду Савкова, на тридцать второй!

Саблин пошевелился:

- Есть же там вальщик!

- Сегодня есть, завтра нет, - усмехнулся Трофимов, - для пользы дела, на что не пойдешь...

Обеспокоился Саблин. Что-то лукавое, недозволенно-скользкое уловил он в словах начальника лесопункта. Трофимов ему, как любимчику, приготовил заранее лучшее место, которое занято было другим.

- А того куда вальщика? – тихо спросил.

- К Сажину вместо тебя.

Горло у Веньки перехватило:

- А он... Вальщик этот... не против?

- Разумеется, против. Однако все в нашей власти.

Саблин выхватил из кармана пачку «Авроры».

- Ежели так, то в бригаду Савкова я – не ездук!

Михаил Петрович опешил, не понимая, что это значит, но на своем настаивать не рискнул, так как почувствовал: вальщик будет упорствовать. Тут же явилась к нему презанятная мысль, и он решил использовать злое упрямство Саблина с толком. За зимний сезон на делянках остались большие куски недорубов, и надо их было скорей дорубить, иначе лесничество взгреет порядочным штрафом. Трофимов взглянул на Веньку с сочувствием и усмешкой: ну и глупец, сам себе выпросил наказание.

- Будешь работать на недорубах! – сказал, будто вынес Саблину приговор.

Венька был озадачен таким поворотом.

- Ер-кородер, - только и вымолвил он, выходя из просторного кабинета.

Возвратился Саблин домой расстроенным и угрюмым. Поужинав, тяжело и безвольно упал на кровать. Алевтина следила за ним с виноватой улыбкой жены, которая что-то недосмотрела. Она сидела на краешке стула с вязаньем в руках, слегка напряженная от готовности вот-вот сорваться и побежать, чтоб исполнить любое желание мужа. Но Саблин не требовал ничего, лежал и смотрел в потолок, ощущая себя не только усталым, но и потрепанным мужиком, которому стало на все и на всех наплевать. И все же он удивленно моргнул, заметив, что Алевтина держит руки со спицами над животом, оберегая его от чего-то. Венька кивнул на живот:

- Чего такой круглый?

- От форточки! – засияла веснушками Алевтина. – Ближе сидела к ней, дак надуло!

Саблин смутился, не найдя что ответить жене. Волнуясь, он направился в кухню, где торопливо и радостно закурил. Выходит, он будет отцом! Отцом человека, который подымеется, станет взрослым и повторит чью-то жизнь. «Мою не надо», - нахмурился Саблин. Он считал свою жизнь не только обыденной, но и скучной. Что у него позади? Восемилетняя школа, курсы при леспромхозе, армия, семь лет одной и той же работы. А что впереди? Да то же самое, что и нынче, - работа и дом. Саблин мотнул головой. А разве этого мало? Ведь он так любит свою работу! А Алевтину? Ну, у кого такая жена? Ведь бывал же он и безденежен после получки, и пьян, как мурманский отпускник, а ни разу его не корила и не бранила, не лезла с расспросами в душу, как это делают многие бабы. Алевтина, особой души человек. Да, да! И напрасно Венька

считал, что жизнь перед ним развернула однообразные скучные дни. Живет он как надо. Чего? Ну, чего еще ему не хватает?

Сына.

Ночью Саблину снился сын – синеглазый и толстопаятый, которого он, баюкая, нес на руках. «Полдела ему, - думал Венька сквозь сон, - будет жить под отцовским крылом. Без папани худенько. Сам на шкуре своей испытал. Отца моего раздавило в лесу под осиной, когда мне было четыре года. Не приведи никому без отца. Вот сынок мой – другое дело. Всегда уж будет при собственном бате. И я всегда буду при нем...»

Проснулся Венька радостным человеком: жизнь сегодня ему удалась. И завтра она удастся. И послезавтра. И так продолжится до тех пор, пока с ним рядом его Алевтина.

- В декретный отпуск, когда уходишь? – спросил у нее.

- Месяца через три.

- Долго. Да ладно. Ты, стало быть, так, - сказал он решительным тоном, - на работу боле ходить не смей. Сынка береги. А денег я заработаю, сколько надо.

Откуда он знал, что с этого дня до позднего лета он будет остро нуждаться в деньгах. Трофимов назначил его на мелкие хламовые леса, островками торчавшие среди делянок. На недорубы обычно никто не шел, потому что на этом деле, как зубоскалили шутники, можно на хлеб без сахара заработать.

Пластался Саблин один, орудуя попеременно бензопилой, топором и вагой. С работы и на работу ездил на грузовых. Домой возвращался уставшим. Алевтина твердила ему не раз:

- Этот Трофимов тебя нарочно, Венечка, унижает.

- Мне не вверх и ползти, - отвечал он с горькой ухмылкой, - а ниже рабочего я не буду.

Но когда он принес смехотворно маленькую получку и сконфуженно подал ее жене, то почувствовал неуверенность за себя, как за хозяина дома, который в ответе за настоящий и будущий день в семье. Алевтина, видя его расстройство, просительно улыбнулась:

- Давай-ко я снова пойду на работу.

Испугался Венька:

- Брось, брось.

- А ежели съехать отсюда? В другой леспромхоз?

Брови у Веньки сомкнулись углом:

- По кой фрукт туда мы поедем?

- Лучше, Венечка, будет! Эко! Да там тебя с лапочками возьмут!

- Может, и с лапочками, не спорю. Только я не хочу на вербованных походить. Те тоже ищут, где выгоднее и лучше.

- Но как тогда быть? – растерялась жена.

- Да никак. Будем жить, как жили. Перебьемся. Увидишь: за мной, как за миленьким, прибегут...

8

... Прибежали за Венькой через полгода. В тот день он работал в пяти километрах от Еловца и домой возвращался пешком. Был август. Пахло кислой корой осины, ботвой картофеля и сурепкой. У речки Ляли белели платками девки. Из огородов слышались голоса:

- Как дочь-та твоя?
- Ничего!
- Одевается баско?
- Муха не подскользнется!
- И поет?
- Все уши опела!
- А моя и танцует еще! Чисто коза!

Слушая перекликавшихся баб, Саблин скептически усмехнулся: «Хы-ы. Воспитали прыгучих коз. Женись на таких – мороки не оберешься. Вот у меня. На тряпки не зарится. Ничего ей не надо такого. А может, надо, да только не смеет? Может, хочет одеться покрасивее, да думает: я осержусь? А зря. Не осердился бы. Собираюсь купить ей шубу, только когда соберусь?»

Оглянувшись, не видит ли кто, Венька сошел с дороги и стал на колени среди ромашек. Сколько их было везде! Они бежали белыми толпами вдоль дороги, маячили в огородах. Казалось, вся земля была в девственно-белых ромашках. Венька нарвал их большую охапку. Для Алевтины. Никогда ничего еще ей не дарил – так хоть ромашек сегодня подарит.

Он ступил за порог и откинул с руки пиджак, под которым таились цветы. Алевтина уткнулась в ромашки лицом, стала их целовать:

- Маленькие мои! Солнечные! До чего хороши! Прямо, не хочется расставаться!

- Это с кем? – шутливо приревновал Венька. – С ромашками или со мной?

- И с ромашками, и с тобой!

Скупая стыдная нежность толкнулась в Венькину грудь. Усаживаясь за стол, он взглянул на большой, обтянутый красным халатом живот Алевтины, охапку цветов

в руках и очень живое худенькое лицо с желтоватыми тенями над губами – и понял, что скоро будет отцом.

Саблин читал газету, когда в открытую дверь вошел кассир лесопункта Цивеленков, человек послушный и безотказный, кого Трофимов вечно за кем-нибудь посылает.

Венька накинул пиджак и пошел в контору. Трофимов встретил его любезно, привстав над столом, и кивком головы показал на желтые стулья.

- Присядь. Вот только с Линевым договорю.

Наискосок от начальника лесопункта сидел Савелий Линеv, постнолицый, сгорбленный, с сединой на висках инвалид в оранжевой безрукавке. Линеv когда-то работал на тракторе, подвозил к дороге хлысты. Но однажды по ходу машины выглянул из кабины, и его притерло к со-сне, измяв все ребра и позвоночник. Из больницы Линеv вернулся пенсионером. С тех пор минул год. И теперь, желая подправить здоровье, пришел к начальству с просьбой – помочь устроиться в санаторий.

Трофимов спрашивал у него:

- Где документы? Где медицинская справка?

- Вот-ко, во, - Линеv приподнялся и, жалобно улыбаясь, положил на стол бумажный клочок.

Трофимов взял клочок в руки:

- Это, мил-человек, чего?

- Справка, - ответил Линеv.

- Так она прошлогодняя. Где ты был раньше?

- Как где? Дома. Лёжкой лежал. Цельной год. Знатко было об этом всем.

Трофимов вернул инвалиду справку:

- Старая. Не годится.

- Чего тогда делать?

- Ехать за новой.

Пенсионер замигал:

- За справкой?

- За справкой.

- А после?

- А после зайдешь в рабочком леспромхоза. Уж так и быть, я туда позвоню.

Постонолицый Линеv, сугорбя больную спину, поднялся, как старичок, и поплелся к дверям – озадаченный и смущенный. При виде его беззащитного седенького виска и безвольно опущенной правой руки, в которой белела справка, Веньке сделалось стыдно.

Трофимов вздернул плечами. Так сильно вздернул, что темный его пиджак приподнялся, и стал Трофимов в эту минуту похож на ворона перед взлетом.

- Ох, уж эти просители, - заговорил укоряющим тоном, едва за Линевым захлопнулась дверь. – Путевка им в санаторий нужна. А я тут при чем? Обращайся с такими вопросами в рабочком. Но скажи об этом – мало, что неверно поймут, так еще...

- Михаил Петрович, зачем вызывали? – перебил его Саблин, считая последним делом говорить худое о человеке, который только что вышел за дверь.

Трофимов встал, приласкал рукой подбородок, словно обдумывая ответ.

- Формирую бригаду из молодежи... В 34-й.

- За сорок-то километров?

- За сорок.

- Не лес ли заготовлять?

- Угадал.

- Но туда не попасть – сплошь болота.

- По земле не попасть, но по воздуху...

- Вертолетом?

- Точно. Поэтому за тобой и послал. Верю в тебя и знаю: ты руководство не подведешь!

Все это Трофимов сказал так доверительно и сердечно, что Саблин насторожился и подозрительно посмотрел на начальника лесопункта. Трофимов ходил по просторному кабинету, правой рукой пощипывая кадык. Венька смекнул: «Бойтся, что откажусь, оттого и стелет лисой».

- Вальщиком, что ли, хотите?

Трофимов кивнул.

- Убежден: возражать не будешь. Итак. Завтра в двенадцать дня вылет.

- Нет, Михаил Петрович. Жена у меня с животом. Скоро родит.

- Мил-человек! – рассмеялся Трофимов. – Да разве женщине в этом деле мы в силах помочь? Скорей помещаем!

- А если содеется что? – возмутился Венька. Но как-то расслабленно возмутился, с уступкой, почувствовав с удивлением и досадой, что слишком быстро попал под влияние сильных слов и начинает уже сдаваться.

- В наше-то время? Мил-друг! Да как ты смеешь так плохо думать? – Трофимов вскинул вверх палец. – Забудь, что сказал! И помни: мы тоже кое-что значим, и в наших силах тебе помочь. Если родит – то мы за тобой вертолет. Персонально! Пряменько на делянку!

- Ладно. Только сперва потолкую с женой.

Ну, разве могла Алевтина не согласиться! Она ж не слепая. По смущенному Венькиному лицу догадалась, что мужу не терпится в лес, где его дожидалось привычное дело.

- Обо мне не тужи! - сказала она ему. – Ко мне Евдокия ладит ходить, - назвала жену Виссариона, а сама задумалась, загрустила, почуяв что-то опасное, роковое, что должна она одолеть ради ребенка и ради Веньки.

- Заработаю денег – шубку куплю, - выдохнул Саблин.

Алевтина уткнулась лицом в Венькину грудь. И опять ей вспомнилась старенькая Ульяна, повивальная бабка, чьи руки десятки раз принимали у матерей новоявленных в свет младенцев. Ульяна неделю назад, осмотрев Алевтину, сказала:

- Не хитро посеять дите, не хитро под сердцем вскормить, но хитро вызволить из утробы.

- Я выносливая, - улыбнулась ей Алевтина, - все вынесу, все стерплю.

- Ты-то стерпишь, девушка, да косточки могут твои не стерпеть. Уж больно оне у тебя тонявы.

- Ты страшашь меня! – сказала ей Алевтина.

- Не страшая – предупреждаю, - ответила бабка Ульяна. – Береги нерожоное дитяtko, а пуще того береги себя...

9

Вместе с Саблиным улетали в тридцать четвертый семейные мужики Серега Манылов и Вася Сажин, да еще трое юных холостяков, окончивших нынче среднюю школу.

День был бессолнечный, зябкий, запахнувшийся в серые облака. Вертолет, отрываясь от стадиона, неохотно и трудно брал высоту. Мелькнули заборы, горстка людей,

махавших кепками и платками, баня с ведром на трубе, прямоугольнички крыш, горы опилок у шпалорезки, березовый лес за поселком.

Было душно. Вибрировал пол.

- Летим к чертям на кулички, - сказал Манылов.

- Прах замети, - поддержал его Сажин, - нашего брата, где какая дыра, туда и суют.

- Сейчас бы в лес по грибы! – помечтали холостяки.

- Разбежались по грибы, а поехали по кубы! – улыбнулся Саблин.

Вертолет летел и летел. Внизу – островки хвойных грив, еловые гари и засоренные ломом зимние недорубы, в которых, казалось, неистовал враг. «Наших рук дело» - посетовал Саблин, и душу его охватило желанием оправдаться. В чем оправдаться? В том, что он вырубает елки и сосны? Нет, в этом оправдываться нелепо. Дело его было нужное. Нужное, прежде всего государству, в котором растут большие и малые новостройки. И растут гораздо быстрее, чем елки и сосны.

Венька шарил глазами по вырубкам и рединам. Внезапно увидел высокую вышку с дощатым столиком наверху. По этой вышке он и узнал свою первую в жизни делянку. Здесь он учился валить деревья. С тех пор прошло не двенадцать ли лет. За это время должен бы был подрасти молоденький лес, но леса не было – дикие плесы травы. И эту траву не возьмешь никакой косой, никакой косилкой, потому что была она среди забытых, не годных уже ни на что сопревших хлыстов, меж завалов изгнивших лесин, подле пней и истлевших коряжин. Здесь орудовал варвар, которого надо было судить, ибо он погубил все древесное, все лесное, оставив после себя непотребный разор.

Саблин поежился. Получалось, что он тут работал, как разоритель, чьи руки, умея брать, ничего обратно не возвращали. «Родится сын у меня, подрастет, - задумался Саблин, - захочет, как я, работать в лесу или пройтись по нему. А лесу-то и не будет. Ер-кородер... Неужто детям своим мы оставим одно пеньё да кореньё? Что мы делаем? Для чего? Ведь подсчитано грамотными людьми: при правильной рубке можно на каждом гектаре оставить по две, а то и по три тыщёнки стволов. Мы ссекаем подрост, даже если нам он и не мешает. Обойти бы, казалось, метровую елочку, сделать лишних пяток шагов. Не! Нам все надо скорей. Обязательно срубим. А трактором сколь передавим! Ему развернуться бы можно, где молодняк не растет. А он развернется в самой его гущине, втопчет в землю все, что под трак попадет. Не свое. Пропадай. Нисколько не жалко. Не зря говорят: дешёв овощ в чужом огороде, в своем же – нет ему и цены. Так бы и к лесу нам относиться, как к овощи в собственном огороде».

Саблин отвел глаза от земли. Он и раньше испытывал сложное чувство вины перед лесом, которым жил и на жизнь которого покушался. «Снова вот буду рубить, - думал Венька, - но теперь в недоступных местах, куда лес убежал, спасаясь от лесоруба. А лесоруб взял, уселся на вертолет и настиг его, ровно зверя».

Вертолет, забивая уши тяжелым шумом, опустился на зимник. Трелевочный трактор, дом на полозьях, обросший багульником автоприцеп и несколько бочек с горючим – это было новое их хозяйство. Разгрузились за десять минут, скинув в траву инструмент, посуду, провизию и мешки. А когда вертолет, взметая вершинки кустов, поднял пузатое брюхо, и, накренившись, набрал высоту, все услышали тишину. Была она нестерпимо глухой, нелюди-

мой, нездешней, принесенной сюда из какой-то чужой стороны. Первым нарушил ее бригадир.

- Вот и прибыли на кулички! – И голос его увяз, настолько недвижим и густ был воздух. Пройдясь по сухой и длинной траве, Сажин остановился, выставил ногу вперед и взглянул на работников, как глядит заботный отец на детей, когда собирается дать им работу.

- Вы, робя, - сказал бригадир озиравшимся молодяжкам, - устраивайте тут всё: еду, палатки, костер. Ты, - посмотрел на Серегу, - будешь с ними за главного. – Ну, а ты, - улыбнулся Веньке, - можешь запасец на завтра сделать, чтоб я на пятки тебе не ступал. Помощника дать?

- Обойдусь.

- Тогда я погляжу волока, - прихватив топор, Сажин двинулся вдоль кустов, по-генеральски внушительный и солидный и в то же время какой-то домашний, давно примелькавшийся, свой.

Среди ранних теней день сугулился и сужался, был по-прежнему облачным и прохладным. Работать в такую пору легко. Ни комаров, ни жары. Подустал – скинь рубашку, склонись над ложбинкой, облейся холодной водой и, почувствовав свежесть, снова берись за работу. Венька старался, как только может стараться азартный мастер, чьи руки скучают без ремесла. Через пару часов сквозь густой рокоток пилы он услышал:

- Те пособи-ить?

Кричал Серега Манылов.

Саблин качнул жарко вспаренными плечами:

- Не-е!

- Скоро похлебка поспеет! – добавил Серега, на миг, мелькнув сквозь лапник желтой, как репина, головой. – Из белых грибов!

Глаза у Веньки повеселели. Его приглашали на ужин. Как дома. Только не мать пригласила и не жена, а товарищи по работе.

Саблин уселся в траву, подложив под себя рукавицы. Было приятно смотреть на дородные, белые в срезе еловые пни, вокруг которых атели россыпи крупной брусники. Он курил и рассеянно улыбался. Как славно, что он молодой, что жить предстоит еще множество лет. А рядышком лес, такой притерпевшийся, тихий, как старый приятель, который тебя никогда не предаст.

Шагая к костру, Венька видел луну, опиравшуюся на лес невидимыми лучами. Чем-то огромным, вселенским повеяло на него. На душе его было светло, как в праздник. Кругом возвышался синеющий лес, в котором можно набрать грибов, нащипать костяницы, а то и просто упасть на зеленый мох и лежать, подложив под затылок ладони, лежать и думать о чем-нибудь отвлеченном.

Костер торопливо обглаживал сучья, превращая их в алые ребра странного существа, плевавшего мелкими угольками. Перед костром темнели мужицкие спины. Рядом палатки. Из той, что поближе к огню, раздавались шутки и смех – отдыхали холостяки.

Манылов, увидев Веньку, поднял кружку над головой:

- От! Заварил на чаге! Третью жестянку дую – всё не напьюсь!

Сажин стягивал схожий с трубой-чернодымкой скрипевший сапог.

- Прах замети! Обувать горе, разувать – два! Утре надену тапки... Ну, как? – глянул на Веньку. - Сколь навалил?

- Хватит тебе на четыре ездки!

- Ого! Эт ты постарался! Как бы завтре я от тебя не отстал!

- Отстанешь – не заругаюсь.

Саблин сходил до подмошного мелконького ручья, поплескался, вернулся к костру и, начерпав полное блюдо похлебки, уселся за легкий, из жёрдок сколоченный стол. Похlebка была – за уши не оттащишь. Венька увлекся ею и не заметил, как Вася с Серегой нырнули в палатку.

Говор ребят оборвался. Улеглись, видно, спать. Затих и шум, с каким забирались в мешки Серега и Вася. На лес навалилась безмолвная темень: ни туч, ни луны – ничего не видать, лишь силуэты вершин деревьев тускло висели среди потемок. Листва колыхнула прохладным и мокрым, словно кто-то ее осторожно потряс. Венька встал, перебрался к костру, где было удобнее и теплее. Налил из чайника чаги. Пил долго. Кружку за кружкой. Потом, когда угли в костре стали слепнуть, сходил в дом-вагон на полозьях, нашарил там ватный мешок, расстелил его меж палаток, забрался туда и, закрыв глаза, как на яву, увидел свою Алевтину...

Пробудился он от росы, которая густо, как соль, лежала на стежках мешка и холодила Веньке лицо. Утро было еще вдали, на подходе к болоту, однако земля, освежённая крупной росой вздыхала и мякла, вся в ожидании солнца, которое вот-вот должно было выпахнуть сквозь деревья. Венька сходил к опушке. Там столько увидел черники, что возвратился назад, взял чайник и накидал в него ягод. Сегодня он сам приготовит завтрак. Наварит густой пшенной каши с тушенкой и вскипятит на ягодах чай.

Разживив костер, Саблин хозяничал возле него с удовольствием доброхота, которому хочется сделать приятный сюрприз. Уже побурел, как вино, терпкий ягодный

чай, уже упрела в ведре горячая пшеничная каша, а в палатках мертвый покой, никто не проснулся. Венька достал на веточке огонек, прикурил от него папиросу.

День подступал, спрятав раннюю светлинú за лохмотьями туч, что стадами спешили по поднебесью. «Дождик прыснет». – насупился Венька и, потянувшись до двух топоров, колотнул обувью друга о дружку.

Лесорубы выбрались из палаток. На заспанных лицах тоскливое выражение обремененных постылой жизнью людей, которых сюда забросили против воли.

- Ну и рожицы! – встретил их Саблин.

На Венькин смех никто не ответил. Работники были удручены и, что ни делали – все подневольно: вяло сходили к ручью, вяло уселись за стол, вяло подняли ложки. Лишь после каши, чаю и курева лица их малость повеселели.

- Вы, робя, ты вон и ты, - сказал Вася Сажин, ткнув толстым пальцем на двух парней, которые были поздоровее, - подьте с Серегой и Венькой на валку. – А ты, - показал на третьего, с тоненькой шеей, - со мной.

Сажин сходил в палатку, вынес оттуда новые тапки, обул и, завидев Саблина, подмигнул:

- Импорт!

Венька спросил:

- Не в тапках ли ладишь работать?

- Ну да! В сапогах-то тесно! А тут хоть ноги не жмет. Благодать! У меня и вторые есть, про запас. Хошь, подарю?

- В гробу я их видел, - откликнулся Саблин и, прихватив канистру с бензином, пошел со своим помощником в лес.

Тучи ползли этажами. Свет с неба был тусклый и серый, точно его пропускали сквозь грязное полотенце. Иногда накрапывал дождь.

Венька был раздражен: помощник попался ему бестолковый, вот уже десять деревьев свалили, и все кое-как. Парень был чересчур недогадлив – то вырубит куст, который стоит в стороне, нисколько вальщику не мешая, а тот, что мешает, оставит стоять; то не обломит сучки под елкой, и пробираться сквозь них с пилой приходилось, как сквозь чашевник.

Саблин взглянул на помощника, точно желая понять: есть ли надежда его образумить?

- У тебя, Игоряха, тело на пасеке, ум в поселке. Не можешь, гляжу, работать.

- Не могу, - согласился помощник.

- В лесу кубы добывают, зарабатывают на жизнь! – продолжил Саблин нервным голосом работяги, который и рад бы сейчас развернуться, однако ему не дают. – А ты? Наособицу? По кой фрукт сюда и забрался?

Парень смутился.

- Я не хотел, да меня послали.

- А мне что до этого! – Саблин уже сердился, скулы его напряглись, и он рванул за шнур пускача, заглушая треском мотора боркот гусениц за повалом, где Вася Сажин волок чокерами хлысты, подымая их на тракторный щит.

Подолгу Саблин нервничать не умел. Только что был, казалось, сердит, и вот ни злости нет, ни расстройства. И даже сердце раскаяньем точит. Наорал на парня, вроде и зря. Игоряха на валке впервые – где все сразу уразуметь?

К вечеру Венька почувствовал, что помощник начал мало-мальски смекать. Обработает ствол топором, хоть

садись под ней на отдых. И канистру подтащит в тот самый момент, когда потребно заправить пилу бензином. И Венька оттаял к помощнику, подобрел, как добреют ко всем неопытным новичкам, которые кое-чему уже научились.

К палаткам они возвращались в сумерках мутного дня, который так и не развиднелся. Повсюду стоял переспелый лес, в тесных его прогалах висела зеленая мгла. Подальше, за ельником, метрах в трехстах начиналось большое болото, откуда остро тянуло вонюю закисшей воды. Саблин спросил:

- Ты, Игоряха, как дале-то будешь? Работать в лесу?

Помощник брезгливо цыкнул сквозь зубы:

- На подхвате не интересно.

- А как тебе надо?

- Чтоб все зависело от меня.

- Значит, вальщиком будешь.

- С чего?

- С того, что трелевка, вывозка, раскряжевка – все зависит от нашего брата. От вальщика, то есть. Сообразил?

- Ну, я-то не вальщик.

- Будешь и вальщиком, ер-кородер.

Возле палаток было светло. Полыхал, воркуя, костер, над ним висели чайник, ведро и кастрюля. Манылов был уже тут. Он кашеварил, невесть когда превратив и помощника своего в смышленного поваренка, который с большим удовольствием чистил картошку, бегал по воду и дрова, резал хлеб и вскрывал мясную тушенку. «Этот тоже обвыкся», - отметил Саблин, радуясь за ребят, которым теперь уже будет легче: нашли со взрослыми мужиками и общий язык, и общее дело.

Вскоре от складки хлыстов подвалил, грохоча, трелевочный трактор. К огню подошли перепачканный, мокрый, словно вынутый из болота, Васин помощник и сам бригадир. То, что вид у помощника, как у чертенка, было вполне объяснимо. Все-таки чокеровщик. Но Вася? Манылов и Саблин взглянули на Васины ноги и улыбнулись: Сажин стоял босиком.

- Не пойму, - Сажин вытащил тапочки из кармана, отогнул на них стельки, - вроде в них не ходил, а оне, вон, гляди.

Саблин взял обуток и озадаченно хыкнул, заметив под стелькой вдавленный знак, напоминавший маленький крестик.

- Они как будто не для живых, - промолвил с опаской.

- Брось темнить.

- Говорю тебе: для усопших! – заспорил Саблин.

Вася перепугался:

- Давай не мели!

Венька ткнул пальцем в знак:

- А крестик-то видишь?

- Вижу. Ну, дак и что?

- А то, что раненько обул!

Сажин не понял:

- Это чего-о?

- Для гроба их надобно обувать!

Вася смутился, не понимая: шутит Венька или всерьез? Однако, взглянув еще раз на вдавленный крестик, вдруг испытал такую брезгливость, что суеверно похолодел и разжал задрожавшие пальцы, опуская тапки в огонь

- Пропадайте, нечистые духи! Завтра яловики обую! – топнул голый ступней, взметая золу.

Трепетали тонкие язычки, сливаясь в широкое пламя, которое мощно и весело лезло вверх. От костра на десяток шагов уходили угрюмые тени. Были они неестественно велики, точно стелились не от людей, а от прижившихся здесь неведомых великанов. Великаны сидели кто на валежине, кто на пне. Ели. Смолили табак. Пили чагу. Сушили одежду.

В пригреве костра рождались сердечные разговоры. И приходила извечная старая мысль, что людям рабочим надо общаться, надо жить и быть заодно и держаться, как братьям, вместе...

Вечера ложились на землю. Один за другим. Сегодня – под звездами и луной. Завтра – под ветром и листопадом. Вечера, а за ними прохладные ночи с густой темнотой, силуэтами черных вершин, взмахом крыльев совы, ропотом веток, травы и листьев. В темноте, как красивые пароходы, приплывали заветные сны. Снилось все – и огни далекого Еловца, и родное, в четыре ступеньки крыльцо, и уставшая, неизвестно откуда пришедшая мать с поразительно жалостными глазами. Обрывались сны на рассвете.

- Подъем! – надрывался дежурный, брякая ложками по ведру.

Начиналось еще одно утро. Утро срочной работы, с которой надо было спешить.

Бригадир Вася Сажин умел не только сам торопиться, но и других торопить. Потому и шло все нормально. По плану. Голые пасеки уходили к болоту и, уткнувшись в него, глядели сквозными прогалами в мир нетронутой тишины, тощих сосен и клюквенных кочек. Тридцать четвертый редел. Пели моторы. Павшие под пилой крупноствольные елки перемещались к зимней дороге, вдоль которой одна за другой вырастали пачки хлыстов.

Прилетел вертолет, привезший продукты в мешках и начальника лесопункта. Трофимов остался доволен. Улетая обратно, пожал каждому руку и сказал, что на той неделе к ним прибудет корреспондент. Венька спросил о жене. «Всё хорошо!» - успокоил Трофимов.

Вертолет улетел в желтые сумерки предвечерья, а ночью Венька увидел сон. Будто он неуклюжей, потрепанной птицей летел над делянками и лесами и вдруг рассмотрел двухэтажный брусчатый дом, в котором оставил свою Алевтину. Хотел опуститься было на крышу, да не послушались крылья. И он пролетел куда-то за край поселка, где дожидалась его непроглядная ночь. «К чему бы это?» - спросил у себя, расстегивая палатку.

Вечером у костра, когда разомлевший от ужина Сажин рядил, кому и чего завтра делать, Саблин услышал, как ноет сердце. Точно комар забрался туда, зудит и зудит. «От перемены в природе», - решил было Венька, ибо не только сегодня, но и вчера, и раньше в красных макушках рябин, редком березовом листопаде, крике птиц и завядшей траве видел прощальное, роковое, что надолго уходит с лица земли, заслышав походку сырого ненастья.

Еще два вечера и две ночи нудный комар изнурял тосковавшее Венькино сердце, как вдруг в полусумерках третьего дня, когда лесорубы вернулись с работы, поели и, расположившись у костра, пили ягодный чай, кусты за палатками разомкнулись, и из них, будто дух во плоти, показался Шурка Чечулин. Был он грязен и мокр, русые волосы разметались, на лице – смущение и неловкость.

- Что с тобой? – потянулся к Чечулину бригадир.

Щучьими кругленькими глазами Шурка взглянул мимо Сажина на березу, под которой удобно пристроился Саблин, не спеша, попивая из кружки чай.

- Алевтина родила парня, а сама не убереглась.

- Померла?! – мертвым голосом выдавил Венька.

- Третьего дня.

Кружка выскользнула из Венькиных пальцев, и ягодный чай, облив сапоги, побежал ручейком в теплый пепел. Саблин встал, сунул в рот папиросу и мрачно уставился на огонь. «Умерла Алевтина. Да нет! Тут какая-нибудь ошибка!» Венька грозно взглянул на Шурку:

- Почему? Почему померла? Все рожают. Особая, что ли?

- Говорят, рожать ей было нельзя.

- Алевтина, выходит, не знала?

- Знать не знала, - ответил Чечулин, - однако бабка Ульяна ее упреждала, мол, ты, Алевтина, остерегись.

Саблин отвел от Чечулина взгляд, повернулся и сгорбленно двинулся к ручейку.

Присел на корягу и, глядя на черную воду, вспомнил, как Алевтина за несколько дней до заброски его на вахту, сказала ему:

- Страшно как! Мне бы иметь запасное сердечко.

А он еще пошутил:

- Ты и так с запасным! – и склонился к ее животу. – Дай послушать, как оно там, запасное твое, стучится?

А она, зарыв свои руки в его волосатый загривок, легонечко рассмеялась:

- Как бы хотелось взглянуть на нашего шалунишку! Хотя бы разочек...

Под глазами у Веньки защекотало. Он встал, опираясь рукой о корягу. Вскинул глаза. Лесорубы о чем-то меж собой толковали. «Жалеют меня – понял Саблин. – Однакоче зря. Жалость еще никого от горя не избавляла».

Венька вернулся к костру.

- Как попал-то сюда? – спросил он у Шурки.

- По зимней пешком. Трофимов хотел вертолет, да...

Некогда Веньке выслушивать до конца.

- Ты здесь остаешься? – спросил мужика.

- Здесь.

- Вон твой помощник, - Венька кивнул на Игоря, - парень что надо. – И вдруг, развернувшись, махнул рукой. – Хотел на шубку ей заработать! Хы-ы...

Саблин замолк, точно его подстрелили, и все услышали, как зашуршал, скользя по веткам, рябиновый лист.

- Ладно... Пошел...

11

Венька не знал, что за странная сила гнала его вдоль по зимней дороге. Может быть, это был запоздавший к нему тот предсмертный, чуть слышимый шепот, каким жена умоляла его к ней прийти. И вот ни шепота, ни ее.

Зрели звезды – отточено-резкие, с холодком, словно волчьи зрачки из леса. Бледноватый, лодочкой месяц сеял седой полупризрачный свет. Было тихо и шёлестно, и мерещилось, будто рядышком, скрытая пнями и лесом, ступала украдцей безмолвная нежить.

Последние дни стояла сухая погода, и идти по забитому пнями, травой и обломками дерева зимнику можно

было спорой походкой. Венька шел, то и дело, следя за часами, которые тикали на руке, и он в свете спички, глядя на стрелки, приблизительно знал, сколько верст уже отмахал. Губы жадно хватали воздух. Сначала – вечерний, потом – ночной. Ложилась роса. Порой сквозь усталость и оцепелость Саблин явственно слышал обидный укор: «Опоздал!»

- Не надо было вообще улетать в этот тридцать четвертый! – крикнул, не сладив с нервами, лесоруб. – И все Трофимов, крой его жеребец! Уговорил!..

Расшвыряв в лесные потемки клокотавшие в нем слова, Венька почувствовал пустоту, и показалось, будто горюет сейчас не он, а кто-то более невезучий, у кого все дороги к семейной жизни отсечены навсегда, и он идет неизвестно куда с глазами, которые видят одно ночное.

- Что это я? С винтов сохожу??! – разъярился Саблин.
- Я есть я! Никем меня не подменишь. Что написано на роду, то и приму...

В поселок Венька пришел под утро. Незаметен и тих поселок в ночи, словно вымер. Вдали поздней ягодой костяницей маячил крошечный огонек. «У нас», - понял Венька и, расстегнув пиджак, вытер кепкой вспотевшую грудь.

Перешагивая порог, Саблин услышал, как простонала сосновая половица и стукнул об пол, свалившись откуда-то сверху спичечный коробок. Запнувшись за половик, Венька раздвинул ситцевый полог.

Алевтина лежала в гробу, обшитом синим сатином. Была она в белых туфлях и белом платье, голова до бровей запелената в саван. Венька взглянул на покойную, как на чужую, и удивился, что не горюет. В изголовии гроба, в углу, над медным подсвечником трепыхал огонек. За

свечой золотилась икона. Кто-то поставил, видать, специально. На иконе – юная богоматерь с кротким младенчиком на руках. Икона светилась, и свет от нее отражался и падал как раз на лицо Алевтины. Заметив это, Венька заволновался. Подошел и еще раз взгляделся в ее лицо. Было оно неподвижным и бледным, с озабоченной думой между бровей, точно покойная вот-вот откроет глаза и скажет ему, что он совсем не следит за здоровьем, прошел такую дорогу, не отдохнул, не поел, только топчется тут, хотя это совсем не нужно, потому что она неживая, и ее все равно уже не поднять.

«Как жить-то теперь? – понурился Венька. Сходяв на кухню, он выкурил папиросу, постоял, помял кулаками виски, пнул в бессильной досаде затоптанный половик и, вернувшись, снова взглянул на жену. И к изумлению своему в закрытых ее глазах и застывших в предсмертном шепоте чуть приоткрытых губах опять прочитал: «Раздевайся, Венечка. Вон кровать. Хоть часок, но поспи. А потом, когда все подойдут, проводишь меня...»

Веньку так всего и прошло сквозным морозом, и он вдруг понял, какое отчаянье, ужас и боль испытала его Алевтина перед тем, как навеки заснуть. Он наклонился, поднял ладонь, норовя погладить лицо. Но слишком махоньким было лицо, только прикрыл, как горбатой крышей. И тут он вспомнил: «Цветы! Почему их нет? А-а!» Он сорвался и выскочил на крыльцо, а оттуда – в загороде, где мерцала роса, колыхался тенетник и, сердясь на всходившее солнце, недовольно поскрипывал коростель. Нарвав охапку ромашек, Венька начал их нюхать. Никакого запаха не услышал. Зато услышал далекий тоненький голосок, который звенел колокольчиком из былого:

«Маленькие мои! Солнечные! До чего хороши! Прямо не хочется расставаться!»

В комнату он возвратился со скорбной морщиной на лбу. Обкладывая жену цветами, подумал: «Неужто нет такого лекарства, чтоб хоть на часок ее оживить?» Но опомнился, отошел от стола, присел на застеленную кровать и увидел на покрывале клубок серых ниток, две спицы и недовязанный толстый носок. «Старалась для меня. Хотела связать, да времени не хватило». Он взял вязанье, поднес его к гробу и положил к рукам Алевтины:

- И это с собой прихвати.

Осторожно, точно боясь разбудить покойную, прошел возле окон, раздвинул все занавески, достал из комода черный костюм, в котором играл с Алевтиной свадьбу.

Переодевшись и сунув в карманы деньги, какие копил супруге на шубку, он на минуту присел на стул и вскоре забылся.

Очнулся в свете ясного дня и увидел в комнате провожатых. Вон Дуся, жена завхоза, грудастая баба с большим, как ведерный чайник, лицом. Ходит туда-сюда, взмахивает ладонью, кому-то что-то внушает. Наверно, за главную тут. Вон постаревший Виссарион, усы обвисли, а по щекам одна тяжелее другой спускаются слезы. Вон и низенький мастер Антонов, кивает участливо головой и так горемычно вздыхает, будто на кладбище провожает не Алевтину, а Нюру, собственную жену, с которой жил не в ладах лишь в красные праздники да получки. А там в закутке возле комода Касторий Рожков, впалощекий десятник со строгим пробором на голове. Рядышком -- Ваня Чечулин, двоюродный Шуркин брат. Ваня шофер. Значит, он Алевтину и повезет. Тут и бабы в темных платках, ребятишки и даже какой-то белый щенок.

Плотная седенькая Ульяна пошла с можжевелевым голичком, который она подожгла и, потряхивая дымком, замкнула покойную чадным овалом. Потушив голичок в лохани, Ульяна сказала:

- Можно и выносить

За вынос гроба взялись Касторий Рожков и Ваня Чечулин. Венька забылся и тоже схватился за синий сатиновый низ, но его аккуратно оттерли:

- Не, не... Те не положено, что ты...

Саблин смутился и отошел. И тут к нему подоспела завхозова Дуся. Дыша на него необъятным бабьим здоровьем, тихонько спросила:

- На поминки-то как? Кого будем звать? Я думаю: только своих. А то набьется всякого сброду.

Брови у Веньки зашевелились:

- Сброду?

- Ну, не сброду, дак разных пьяниц, - поправилась Дуся

Удивился Саблин и оскорбился: в такой день и делить людей на угодных и неугодных.

- Всех звать, - сказал.

- А деньги? – напомнила Дуся.

«Ослина же я! – обругал себя мысленно Венька. – Самое главное и забыл. Без денег какие поминки». Достав из кармана горсть мятых пятёрок, сунул их Дусе и поспешил на крыльцо, за которым поуркивал грузовик.

Ваня только его и ждал. Едва Саблин забрался в кузов, он проскрипел рычагом и утомительно медленно тронул машину. Следом за ней потянулись женщины и старушки, кое-кто из мужчин, стайка малых ребят, среди которых вертелся, оскоряя веселую пасть, белобокий щенок.

Был теплый осенний день. Саблин смотрел, как блестя в лучах гробовые ромашки, ногти пальчиков Алевтины и стальные вязальные спицы. На душе его было пусто, как на вырубке возле болота, откуда уже ничего не возьмешь.

Кладбище было внизу, километрах в полутора от поселка. Могилы не прибраны, большая часть без оград, с косыми крестами, словно устроено кладбище ненадолго, на какой-нибудь год или два. Венька поморщился. «Вот она, ер-кородер. Судьба. На этом свете живешь, как попал. И на том, видно, так». Воздух был тяжек и густ, Саблин им надышался, и стало ему брезгливо. Он закурил.

Могилу вырыли подле леса. Была она супесчаной, глубокой, сухой. Со всех сторон нависала густая листва. Казалось, вся золотая осень склонилась над Алевтиной. И Венька склонился, поцеловал жену в мертвые губы. Поднявшись, стал наблюдать, как Алевтину закрыли крышкой. Как передвинули гроб на шесты. Как подвели под него две веревки и стали бережно опускать.

«Вот она, полная-то свобода! Не ждал ее, а она пришла. Делай, что хошь! – вбилась в голову дикая мысль, которая Саблина напугала, и он ошарашено оглянулся, точно кто-то за ним следил и мог догадаться, что в эту минуту с ним происходит. – А на кой? – возмутился Саблин. – На кой фрукт мне такая свобода...»

Дрогнул Венька, словно обдало его метелью. Чтоб уйти, убежать от кощунственной мысли, захватил глазами всех провожатых и требующее позвал:

- Поехали до меня!

Забравшись в кузов, Саблин вдруг вспомнил о сыне. Увидев синий в клетку пиджак завхоза, стоявшего у кабины, протиснулся к Виссариону.

- Как парень-то у меня?

- Живой, - ответил Виссарион, в Дом матери и ребенка определили. Дуська это. Она постаралась. А что?

- Дак сын ведь!

- Так-то, конечно, так, - согласился Виссарион, - да не знаю...

Венька уставился сверху на низенького завхоза:

- Чего еще там, не знаешь?

- Куда тебе, экую кроху? – добавил завхоз. – Пушай подрастет. Через год, коль не женишься, заберешь.

- А разве так можно?

- Ноне все можно.

- Тогда я раньше его заберу.

- Правильно это ты, верно. Мы с Дуськой пособим, чай, не чужие. Только особо-то не спеши. Ему надо женское молоко. А где-ка его ты найдешь в поселке?

Саблин согласно кивнул головой, вздохнул и ушел в свои трудные думы. Нет, не все разворочено было в его душе. Где-то в ней сквозь тяжелую скорбь пробивалась робкая благодарность к своим сострадательным землякам. Без них не смог бы он ничего: ни позаботиться о сынке, ни гроб сколотить, ни похороны устроить. Хорошо, когда люди сходятся вместе и помогают тебе, ибо знают: в такой же отчаянный час непременно придешь к ним и ты и сделаешь все, чтобы стало им легче.

За стол, уставленный водкой, закусками и кутьей, Венька садился, обласканный чьими-то жалостными словами, какие рождаются к человеку, оказавшемуся в беде. Стучали вилки и ложки, булькал тошеньким ручейком поминальный кагор, кто-то вздыхал, кто-то робко хрустел огурцом.

Вечером Саблин стоял на крыльце. Один. Никого не желая видеть, смотрел, как вдали, за поселком, словно в устье печи на просторной крестьянской лопате, садилось ржаное теплое солнце. А потом смотрел на закат, на далекий малиновый свет, который простерся куда-то за землю, в нездешнее, тайное, нежилое. Смотрел, а память тащила его назад, возвращая в дневное, где была тропинка среди жасмина, кресты на могилах и Алевтина.

Кто-то пьяненький подошел и хлопнул Саблина по спине, мол, кончай горевать, все равно не вернешь теперь Алевтину. Венька сказал угрожающим тоном:

- Не путайся под ногами.

Пьяненький удалился.

Запахи ночи несли свежину палых листьев и вскопанных гряд. Где-то резвилась гармошка. «Ничего, - утешал себя Венька, - как-нибудь перемелем. Вот сброшу черный костюм. Дважды он мне послужил – на свадьбе и на поминках. Сброшу – и за работу...»

Венька вернулся в квартиру, такую пустую, такую огромную без жены. Все прибрано, все помыто. Переодевшись, взял ведра, сходил до колодца. Глянул в сруб и увидел на черном, как вар, колодезном дне желтую крохотную звезду, которая, видимо, каждую ночь глядит и глядит с высоты в колодец. Подымая бадью, Венька вздрогнул. Звезда, как рябая рыбка, плескалась в бадье, норовя ускользнуть. И она ускользнула, едва Шилов поднял бадью и поставил ее на дощатую крышницу сруба. «Поймал, да и упустил, - усмехнулся Венька, - так и счастье наше, вот-вот бы его схватить, а оно хвостом махнет, только его и видел...»

«Ничего, - повторял про себя полупшепотом Саблин, ступая с ведрами к дому. – И в горелом лесу бывает рас-

свет. Погожу месяц-два, сына возьму. Вдвоем заживем, как родной с родным. Это разве не счастьеце?! Главню — сына теперь уберечь. Алевтину не смог. Но сына... Как его назову... Юркой? Вот Юрку уберегу...»

11

После смерти жены Веньку круто переменяло. Он и раньше-то был не особенно разговорчив, а теперь совсем замолчал, стал придиричливо-напряженным, словно обдумывал важную мысль, да она никак не давалась.

Начальство ему предложило отпуск. Но Веньке отпуск зачем? Ему хотелось забыться. А забыться он мог в работе. Поэтому снова валил на пасеке лес. И осенью. И зимой.

И опять зарабатывать стал помногу. Но жил по-прежнему как поведется — сегодня густо, а завтра пусто. И все оттого, что деньги его уплывали меж пальцев. В дни получек, чуя поживу, кружились возле него любители выпить. Знали подход к нему и старушки, к которым он был всегда расположен, ибо видел в них нечто щемящее и родное, напоминавшее Веньке его покойную мать. Не отказывал Саблин таким старушкам еще, пожалуй, и потому, что замечал по их лицам, как мало осталось им жить, совсем не столько, сколько ему, и рука сама опускалась в карман, доставая оттуда пятерки, десятки и четвертные.

Были дни, когда Саблин держался трезвым, пренебрегая насмешками мужиков. Все началось с того, что однажды среди ночи, когда вернулся домой, просядив с мужиками почти пол аванса, улегся в кровать и уже засыпал, вдруг ус-

лышал с улицы стук, словно кто-то его позвал. Подошел к окну и отпрянул. Перед ним по колено в снегу, в белом платье и белом платочке стояла его Алевтина. Лицо ее было фарфорово-бледным, глаза же закрыты. Смотрела она сквозь веки слепым и невидящим взглядом. Смотрела на мужа и улыбалась. «Я тебя подожду», - слышалось Веньке, и в суеверном испуге он в эту же ночь поклялся себе, что если и будет когда выпивать, то только с утра или в светлое время, дабы не казались ему мертвецы.

И вот в эту трезвую пору к его изнуренной душе стало никнуть приятное, детское, родовое, и Венька понял, что надо увидиться с сыном. Трижды он порывался поехать в Дом матери и ребенка. Останавливал Виссарион, твердя ему с убежденностью опытного отца: «Рано, пообожди, а то и себя изведешь, и нам покою не дашь». В четвертый раз он уехал туда, никому не сказавшись. Привез малыша по весеннему дню. Многие приходили смотреть на его лысолобого Юрку, обязанного долгим матерчатым кушаком.

Взяв отпуск, Венька почти всю весну потратил на сына. Учился его пеленать, заворачивать в одеяльце, гулял с ним по улицам Еловца, заглядывал в гости к Виссариону, благо очень любил видеть сына прижавшимся к женской груди. А прижаться он мог не к матери. Положить головку на мягкую грудь он мог лишь к родственнице своей, пышнотелой тетушке Дусе, которая всякий раз обнимала Юрку и целовала и, шутя, угрожала Веньке, что такую забаву она у него обязательно отберет.

Но кончился отпуск, и Саблин смутился, сообразив, что надо куда-то пристраивать сына. Не брать же его с собой на работу. Сходил было в детские ясли, но принимали туда только тех, которые ходят. Малыш же до этого не дорос. «Чего я голову-то ломаю?! – пожурил себя Венька, вспом-

нив Дусю, и направился к дому завхоза. «Возьмет!» - был уверен: Дуся нигде не работала, сидела с детьми, к тому же не раз сама говорила, что от Юрки она без ума, любит пуще своих голопятых, и хорошо бы Венька ей отдал забаву, с которой она не рассталась бы никогда.

Заходя в новобрусчатый дом завхоза, Венька увидел хозяйку и свесела подмигнул: мол, глядите, кого я принес!

- Вот! – сказал он, протягивая завернутого в атласное одеяльце сына.

Принимая Юрку, Дуся спросила:

- Это, Веня, чего?

- Нячиться будешь! – ответил Саблин и удивился, заметив, что Дуся огорчена. «С Виськой поссорились», - предположил и добавил: – В ясли до году не принимают. Так что дарю на целое лето.

- Вениамин! - Голос у Дуси дрогнул, - С кем думал? У меня и своих, вроде, двое.

За ответом Венька в карман не полез.

- Будет трое! – сказал.

- Нет уж, спасибочки!

И только тут до Веньки дошло: Дуся сердится на него. Сердится из-за Юрки. Не будет она с ним нячиться целое лето. Даже несколько дней не будет. Он посмотрел на нее проверяющим взглядом, точно хотел уяснить: кто же это такая? И почему она раньше была другой? Вздыхая, он вытащил пачку «Опала» и, закурив, ощутил, как где-то под кадыком закурился и встал камешек обиды.

- Ладно, - сказал он подавленным тоном, - пусть денек побудет у вас. Вечером заберу.

Вечером Саблин ходил по поселку и спрашивал, спрашивал без конца:

- Нячить малого не возьметесь?

Никому не хотелось брать на себя такую обузу. И плату Венька хорошую обещал, и сулился дровами на зиму обеспечить, но никто на это не соблазнился.

На другое утро Венька снова пришел в новобрусчатый дом.

- Еще один день, - попросил, протянув полногрудой хозяйке атласное одеяльце, из которого, как из гнезда, торчала лысая головенка.

Дуся ожгла мужика взглядом вздорной барачной бабы, готовой вот-вот затеять сыр-бор. Виссарион же взглянул на него, как глядит имущий на неимущих и, погладив усы-калачики, упрекнул:

- Я ж тебе говорил: погоди, не бери мальчика, а то намаешься сам, да и на нас нагонишь расстройство. Так нет. Скушно ему. Забрал. Вот тепере и веселись. Только запомни: моя Евдокия больше тебе никакая не нянька. Сегодня уж ладно. Оставь. Но чтоб еще когда раз – ни-ни.

- Сегодня няньку найду, - пообещал потерянно Венька.

- А ежели нет?

- Тогда и не знаю.

Виссарион, никогда не куривший, взял из Венькиных губ сигарету, сунул в свой рот, походил, поразмыслил и вдруг сказал:

- Езжай-ко сегодня в район! Сдай обратно в Дом матери и ребенка! – При этих словах его косенький взгляд охватил одним разом и Дусю и Веньку, как бы ища у обоих поддержки. – Верно я? Правильно?

Дуся, согласная с мужем угодливо улыбнулась, а Венька, бледнея, спросил:

- При живом отце – заделать его сиротой?

Он ушел, как обруганный, и работал весь день с оглушенной душой, не раз останавливая пилу, чтоб прийти ма-

ленько в себя. Вот он, клятый житейский узел, в который сплелись: кончина жены, заботы о сыне, предательство ближних и вялость сегодняшних дней, однообразно и скучно плывущих куда-то все дальше и дальше, без цели, спокойствия и мечты. И в этот узел затолкана Венькина жизнь. «Еркородер, - злился Саблин, - коли я опустил свои крылья, так я же и подыму! Иначе, какой я отец!»

Он шел вдоль реки, под высокими, в сорок рядов, штабелями пиловочных бревен. Специально сделал огромный крюк. Не хотелось идти в новобрусчатый дом и встречаться с родней, опостылевшей до одрога. Но там дожидался маленький Юрка, Венькина радость и горе. Завхозова Дуся, едва он забрал сына на руки, вся зацвела морковной злой желтизной:

- Ревоватый такой! У меня и так голова болит. Боле не приноси.

Саблин кивнул:

- Так и договорились, - и закрыл за собой подбитую стеганой ватой дверь. Плотно закрыл, навсегда.

Через час он стоял перед крепкой и седенькой, как осенний груздок, бабкой Ульяной, той самой старушкой, которая обмывала его Алевтину и вообще была мастерицей во всех погребальных делах.

- Завтра утре и приноси! – говорила она шамкающим баском. – Не гляди, что с мертвыми дело имею. Небось, унянчусь. Не оброну. Слава Богу, столь еще есть...

Потянулись для Веньки заботные дни. Не было в них ни одной свободной минуты. Утром, чуть свет, беги разделять лес, но прежде укутай младенца, одень его по погоде и занеси в квартиру к Ульяне. Вечером, как ни устал, забирай ревуна обратно, стирай ему распашонки, корми и кашкой, и молоком. А ночью следи, чтобы сын не проснулся, иначе не

выспишься сам и уйдешь на работу с гудящей, как колокол, головой. Порой сквозь усталость и сутолоку хлопот к сердцу его пробивалось сладко-греховное, молодое, и на ум являлся вопрос: «Один живешь. А зачем? Вон сколь вокруг молодух. Выбирай любую». Но он уходил от вопроса, как от соблазна. Стыдил самого себя. Считал, что надо ему продержаться хотя бы один этот год, неся в душе своей траур вдовца, как светлую память об Алевтине.

Из старых приятелей чаще всего навещал его Шурка Чечулин, умевший угадывать, как цыган, что творится в душе человека, и, страстно желая ему помочь, тут же, без всяких раздумий, выкладывал нужный совет.

- Жениться надо тебе! – орал он Саблину в самое ухо. Орал не однажды, и Венька после его ухода расслабленно улыбался, потел и спрашивал у себя: «На ком?»

Память все чаще, смелее и тверже являла ему Зинаиду, разметчицу нижнего склада. Ничего тогда у него не вышло. Зинаида отшила его от себя. «Безголовым был, - думал Саблин, - пёр напролом. И ради чего? Ради потехи. Сейчас бы я с ней на полный серьёз. Тем паче оба теперь на равных – у нее ребенок и у меня...»

Зинаида работала на хлыстах, размечая их топором и меркой для раскряжевки. Была она где-то в соседней бригаде, но Венька старался с ней не встречаться. Тот давний стыд, который он испытал, приставая к ней, был ему памятен до сих пор. Всякий раз, когда видел молодку, его подмывало к ней подойти, чтоб остаться один на один. Но он не решался. «А вдруг опять отошьет?» И Венька, волнуясь и каменяя, проходил от нее в трех шагах, страдая от красоты молодухи.

Вошла Зинаида в Венькину душу, и не стало ему покоя. В возбужденной его голове, что ни ночь, то строились планы

о той недалекой поре, когда она станет хозяйкой и матерью двух сыновей, и будет с ним неразлучна. Алевтина уже не смущала Веньку, она представлялась ему как добрейшая, где-то в былом обитающая душа, которая будет всегда за него, какие бы планы Саблин ни строил. Не случайно однажды ночью сквозь прерывистый сон он услышал голос ее: «Не ходить же тебе бобыльком! Женись! Не думай, что я пообижусь. Не, не! Мне спокойнее будет...»

Голос покóенки убажрал, отводил от сердца ненужные страхи, и Саблин, как знать, может насмелился бы столкнуться один на один с Зинаидой, чтобы сказать ей несколько важных слов, да приключилась еще одна незадача. Ульяну, к которой он целое лето таскал сынишку, срочно вызвали в город к родне.

Саблин снова подался в детские ясли. Заведующая Екатерина Филатовна, увидев малого на руках, спросила:

- Ходит?

- Как будто, - вымолвил Венька.

Заведующая засомневалась.

- Проверим, - и показала на мягкий дворовый лужок, которому должен пройти ребенок.

Венька вспотел:

- Экзамен, выходит? А если не выдержит?

- Значит, не примем.

Не зная, что делать, Венька взглянул малышу в глаза, подкинул его для бодрости кверху и робко поставил на ножки.

- К тете поди! Во-он туда, - и легонечко подтолкнул.

До тети десять шагов. Юрка заулыбался, загукал, как грач, и, готовый запнуться за стебелек, пошагал, подымая полные ножки. До тети, конечно, он не дошел: начал падать.

Но та подбежала к нему, подхватила ребенка и, вскинув на руки, пожурила:

- Что ж ты, папаша. Ходить-то не научил! Сколько? Годик ему?

- Годик.

- Значит, не очень и хочешь, чтоб мальчик в ясельки наши пошел.

Венька поник.

- Не примете, что ли?

- Ладно уж, - сказала, помедлив, заведующая. – Так и быть – сделаем исключение.

Мужики в лесопунктах за малышами в ясли не ходят. Однако Веньке пришлось. Было неловко ему – один среди женщин. И каждая склонна поговорить, посочувствовать горю, повыведать: часто ли он выпивает, кто ходит к нему, и не надумал ли он жениться? Дважды на дню, как сквозь строй, проходил он среди них, и некуда было деться ему от навязчивых взглядов, расспросов и разговоров.

И не мог, понятно, не встретиться с Зинаидой, которая тоже водила сюда своего карапуза. Увидев ее как-то вечером после работы, переодевшуюся в красивое красное платье, Венька зажмурился, как от света, и понял: «Рылом не вышел. Не для меня». И он бы снова прошел в трех шагах от нее, не сказав ничего, да Зинаида остановила, подняв на него темноватые, как ночной омут, глаза.

- Как, Веня, ребеночка-то назвал?

- Неужто не знаешь?

- Знаю, Веня, однако не от тебя.

Саблин погладил Юрку по голове и посмотрел выжидающе на молодку, на ее посеченный морщинками белый лоб и припаленные солнцем низкие брови.

- Чего ж ты, Веня, жену-то не ухранил?

Старая грусть пробила Венькино сердце. «И эта о том же! Ну, сколько можно душу травить?»

- Худой из меня, видно, ангел-хранитель, - сказал и протиснулся в тесный проходец калитки, чтобы уйти поскорей от глубоких омутных глаз, которые, кто их знает, быть может, над ним надсмехались.

Несколько дней он жил в ощущении тесноты, словно его затолкали в старый вагончик, где оставлял он на ночь пилу, и приказали терпеть. Дома ему ничего не хотелось делать – ни пол подметать, ни готовить еду. Стояла осень, и надо было впрок запастись сухими дровами, однако и это дело казалось ему каким-то ненужным, и он махал на него рукой. Иногда он испытывал чувство неловкости и боязни, будто сквозь рощу погостных берез, сквозь кустарник жасмина, сквозь щитовые дома поселка прожигал его сострадательный взгляд Алевтины, следившей за тем, чтобы он не извелся в крутой печали. Венька курил сигарету за сигаретой. «Наважденье какое-то! Мереск! И на том-то свете заботится обо мне...»

Чтобы совсем не свихнуться, искал спасения в сыне. Брал его, радостного, в охапку и начинал с ним возню, крича на весь дом:

- Ты мой ангел-спаситель! Я тоже ангел, но только хранитель! Твой, твой хранитель!

Юрка хватал отца за нос, принимая его за игрушку, блестя глазами и порывался что-то сказать на своем непонятном лепечущем языке.

Сегодня Саблин вернулся с нижнего склада рано. Взяв по пути из яселек сына, всю дорогу его обнимал, вскидывал в воздух, сажал на себя, как на лошадь. А, явившись во двор, отпустил побродить по несмятой муравке. Сам же сел на крыльцо, наблюдая, как ходит его малыш вдоль мостков.

Походит, походит и сядет. Взглянет чистыми глазками на отца, мол, давай, подымай, покуда не разревелся. Отец подымет – и снова пойдет, кряхтя и сопя, как крохотный старикашка.

Собираясь домой, Венька поймал малыша и прижал к себе нежно. И тут услышал его сердечко. Билось оно задорно и энергично, ну точно куриный цыпленок, пробиваясь клювиком на свободу сквозь яичную скорлупу.

Глядя на сына, Саблин сказал:

- У людей и похуже бывало, да ничего! Перебивались и снова жили. И мы с тобой перебьемся! А, Юрка?

12

Еще не смеркалось, но день вслед за солнцем склонился к закату. Синевато мерцала река, над ней в зыбком свете лучей, будто осенние листья, горели прозрачные облака. Было прохладно. Блеяла привязанная коза. По мосткам простучали шаги, и во двор заскочил улыбающийся Чечулин.

- Привезли зарплату! Айда получать!

Саблин в деньгах не нуждался.

- Успею и завтра.

- А я из городу только! – похвастался Шурка.- Поиздержался! Запчасти там получал. Вечор подгулял. История даже вышла. Привязались тут пятеро. Пришлось раскидать. Говоря откровенно, еле справился с ними!

Чечулин исчез так же внезапно, как появился. Улыбнулся Саблин его вранью, подул в светлые Юркины волосенки и, видя, что сын засыпает, понес его на кровать.

В квартире было настужено, воздух кислый. «Истоплю-ко печурку», - надумал Саблин и, положив малыша на постель, сходил во двор по дрова, выбрал, которые были посуше, и начал растапливать печь.

Вскоре вернулся Чечулин с оттопыренным пиджаком.

- Давай-ко дерябнем!

- Не буду.

- Ухх? – удивился Чечулин. – Чего?

- Настроения нету.

- Зря ты, Веня, со мной не пошел! – Шурка понюхал воздух, метнул глазами туда-сюда, определил, где стакан, где закуска, принес все это на кухонный стол, разместился на табуретке и опытно, словно ягоду с кочки, сорвал с бутылки белую пробку. – Цивеленков говорил о тебе такое!

Зная Шуркину склонность к фантазии и вранью, Саблин не очень-то и поверил.

- Чего еще там? – спросил, как бы делая одолжение.

- Сохнет, гыт, по тебе одна молодая особа. Ждет, когда ты к ней сватов пошлешь. Цивеленков с ней об этом беседовал с глазу на глаз. Едри твою сорок восемь! Особочка-то какая! Завидую, Веня, тебе! Сам бы на ней женился, да нельзя при живой жене.

Саблин думал, что речь идет о какой-нибудь пожилой перезрелой вдове, которая спит и видит себя осчастливленной новым мужем.

- Кто такая? – спросил недовольно.

Чечулин сидел за столом, расправляясь с бутылкой. И когда он вылил остаток водки в стакан и сказал пьяным голосом: «Зинаида!», Саблин испуганно улыбнулся.

Уходил Чечулин от Веньки хохочущим и довольным, заверяя, что он на пару с Цивеленковым завтра же явится к Зинаиде.

- Все на себя возьмем! – кричал Чечулин из полых дверей. – Просватаем в один дух!

Саблин сидел на корточках перед печкой, еще не очнувшись от Шуркиных слов. Слишком значительно было то, что услышал он от него. Захлопнув печную дверцу, Венька решил: «Пойду!» И сразу занервничал, зашпешил, словно кто-то более ловкий мог его в этот вечер опередить и оставить без Зинаиды. Смочив одеколоном волосы, тщательно причесался, надел тот самый черный костюм, который дважды ему послужил. На минуту засомневался: «Может, нехорошо? Свадьбу играл в нем и хоронил. А я на свиданье. Ладно ли я?» Однако другого костюма не было у него, и Венька, махнув пятерней, мол, Зинаида без предрассудков, снова сел перед печкой – раздуть потерявшийся в ней огонь.

В коридоре послышался грохот. Дверь распахнулась – Чечулин!

- Оставил голову у тебя! – и, схватив со стола забытую кепку, подался было назад, но вдруг сказал голосом мужика, углядевшего непорядок: - Не дело это сырыми дровами топить!

- Будут, небось, и сухие, - недовольно ответил Венька.

Чечулин придрался:

- Когда еще будут?

Покосился Саблин на Шурку, чья голосина могла испугать его малыша.

- Да хоть бы и завтра, - стал дуть на укрытую дымом желтую гривку затрепетавшего огонька.

- А пошто не сегодня? – Чечулин сиял, пьяная рожа его изъявляла готовность теперь же, немедленно и решить за Веньку проблему с дровами.

- Быстрый какой!

- Или думаешь: не достану?

- Не думаю, а уверен, - буркнул Саблин, снова подув на огонь, выжимавший из мокрых поленьев кипящие капли.

- Едри твою сорок восемь! – взвинулся Чечулин. – Я не достану?! Да сам! Сам тебе напилю! А братан мой Ванюшка подкинет на бортовухе!

Шурка вынесся на крыльцо, весь, сгорая от нетерпения тотчас же и сделать все, что сказал.

- Худо знаете вы меня, - бормотал он, ступая к дому, чтоб заскочить на секунду в сарайку за бензопилой.

Было еще не поздно, солнце висело над горизонтом. С пилой на плече Шурка спешил на окраину Еловца, где против ясель, среди потемневших от старости елок торчал огромный скелет сухостойной сосны. Торчал, поскрипывая суками, весь отданный солнцу и ветру, давно переживший свой век. Метили эту лесину многие уронить, да боялись: вдруг застрянет в деревьях, попробуй тогда ее снять. Трофимов не раз предлагал спилить ее на дрова, чтоб сосна кого ненароком не задавила. Вот Чечулин и вспомнил об этом в квартире у Веньки и, расхрабрившись, несся сейчас боевым петухом.

Шурка был пьян, оттого и казалось ему, что нету такого дела, которое он не мог бы теперь провернуть. Поскользнувшись на груде банок из-под тушонки, он руками, пилой и лицом вспахал муравейник. Сплюнул попавших в рот муравьев, подобрался к стволу, запустил в движение цепь, приставляя ее к сушине. Пила заплясала по дереву с крупным подпрыгом. Он надавил на нее посильней, и шина, прорезав подкорный окол, тупо захлопала по гнилью. Вырезав желтый, похожий на голову сыра, кусок древесины, Шурка сделал надрез с другой стороны и расплылся в счастливой улыбке, когда сушина, стреляя суками, стремительно ринулась вниз. Но упасть помешала широкая елка, на которую с

маху она налетела, кроша на землю сухие сучки. Шурка смутился, сообразив, что сделал огромную глупость. Оставлять лесину в таком положении было нельзя. Рядом дорога. Не приведи, чтоб кого невзначай тут накрыло. Похлопывая рукой по мотору пилы, Шурка крикнул, уселся на пень и, закурив, с досадою зыркнул на заваленную сосну. «Как бы оттоля ее ссадить?»

Из-за дороги, где детские ясли, донеслись голоса. Шурка, вытянув шею, насторожился.

- Шурка-то чу, вроде тавось!

- Преставился!

- Да напился!

- Только-то и всево?

- Али тебе мало? Глянь, что он, не́кошной, деет! Мало деревьев в лесу перевёл, дак в поселке еще переводит!

- Шурка! Где-ка ты, враг? Выходи, покуда крапивой не настегали!

- Воно-ка он! Сидит! Пестерь пестерем!

- Взялся лесину валить, да тавось!

- Может, свалит еще?

- Где ему, жиденькому в коленках!

Шурка метил было по-тихому скрыться домой, да задел бабий смех. Сердце его оскорбленно забилося. Он вскочил и с включенной пилой побежал к густолапой столетней елке. Подпилил ее и услышал древесный визг, с каким она повалилась, сшибаясь с еще одной толстой елкой, где и завязла.

«Неужто куча мала?» - задумался Шурка. Но задумался на секунду. В другую секунду он уже знал: «Коль мала, дак еще добавим!» Со взбешенными, в алых прожилках глазами подбежал к седостволой елке. Срезая ее, был уверен, что сейчас- то он снимет завал. Елка резко прошла вечерний воздух и так тяжело свалилась на «кучу малу», что все под

ней затряслось, заломалось, заоседало. Куча разбухла, а ствол заваленной елки прогнулся к дороге.

Забеспокоился Шурка: «Дров наломал... Это да...»

Оставалась единственная возможность – спилить матерую елку, на которой держался лохматый завал. Но это было опасно: древесная навесь в любую секунду могла сорваться, похоронив под собой смельчака. Не всякий вальщик пошел бы на это. И Чечулин бы не пошел, но уж так все навыворот обернулось, что Шурка, крикнув: «Живу с костяной на каменну!», нырнул под наклон чешуистых стволов.

Елка была разножиста и дородна. Заламывая голову вверх, Шурка прошелся вокруг ствола, прорезая в нем робкую окольцовку. И только хотел с навесной стороны углубить пильный рез, как услышал вязкий хруст. Бросая пилу, он стрекнул от ствола. Слишком быстро стрекнул, потому упал и последние десять шагов пробежал, как собака, на четвереньках. Поднимаясь, с испугом сообразил, что напрасно поторопился. Деревья висели в том же наклоне, лишь ветерок мягко покачивал хвою да сверху, скребя по стволу свисала надломленная вершина. Надо было вернуться назад, но Шурка не смог. Взмокший, с темными пятнами на лице, он ступил на дорогу и обомлел: перед ним, занимая проулок, мостки и ясельный двор, теснилась толпа во главе с начальником лесопункта.

Вид у Трофимова был решительный и суровый, точь-в-точь у инспектора из ГАИ. Чечулин сказал:

- Такая падина... Думал, спилю, а она, возьми, да и завались.

Михаил Петрович засунул руки в карманы.

- Оттого и разбой?

- Оттого.

- А ты знаешь, чем это пахнет?

Шурка понурился:

- Штрафом.

- Не только штрафом, но и судом!

Чечулин взглянул на толпу, ища в ней, хоть маленькой, но поддержки. Однако ни бабы, ни мужики ему поддержки не обещали. И Шурка понял, что дело его худое.

- Сразу да и судом, - уныло промямлил.

- Сразу!

- Михаил Петрович! Я боле не буду! Я каюсь! – Голос у Шурки сорвался на тон, каким говорят пошляки и нахалы, стараясь выгородить себя. – Войдите в мое положение. Трое детей у меня. И потом: я ведь старался не для себя!

Трофимов язвительно улыбнулся:

- Для кого же тогда?

Шурка поежился, обегая замученным взглядом толпу, и вдруг увидел в ней Веньку.

- Вот-ка! Во! – спасенно раскинув ладони, Чечулин бросился к Саблину. – Вень! Скажи ему! – показал на начальника лесопункта. – Для кого я старался? Ведь для тебя?!

Саблин стоял, прижимая к груди годовалого Юрку. Был он в белой рубаше и черном костюме, причесанный, выбритый, пахнувший остро одеколоном. Собирался пойти к Зинаиде. Однако привлёк странный шум у детских ясель. И вот он торчал среди толпы: а перед ним с перепачканной рожей вертелся Чечулин – щучьи глаза его мелко метались, а голос неистово умолял:

- Вень! Скажи! Для кого я дров хотел наготовить?

Саблин вспыхнул угрюмым румянцем. Попасть в такое дурацкое положение, когда не знаешь: то ли тебе возмущаться, то ли приятеля выручать? Венька взглянул на Чечулина с неприязнью. Чтобы он, самолучший вальщик поселка, просил у этого дуrolома наготовить ему сухих дров?!

Тучи ползли этажами. Свет с неба был тусклый и серый, точно его пропускали сквозь грязное полотенце. Иногда накрапывал дождь.

Венька был раздражен: помощник попался ему бестолковый, вот уже десять деревьев свалили, и все кое-как. Парень был чересчур недогадлив – то вырубит куст, который стоит в стороне, нисколько вальщику не мешая, а тот, что мешает, оставит стоять; то не обломит сучки под елкой, и пробираться сквозь них с пилой приходилось, как сквозь чащевник.

Саблин взглянул на помощника, точно желая понять: есть ли надежда его образумить?

- У тебя, Игоряха, тело на пасеке, ум в поселке. Не можешь, гляжу, работать.

- Не могу, - согласился помощник.

- В лесу кубы добывают, зарабатывают на жизнь! – продолжил Саблин нервным голосом работяги, который и рад бы сейчас развернуться, однако ему не дают. – А ты? Наособицу? По кой фрукт сюда и забрался?

Парень смутился.

- Я не хотел, да меня послали.

- А мне что до этого! – Саблин уже сердился, скулы его напряглись, и он рванул за шнур пускача, заглушая треском мотора боркот гусениц за повалом, где Вася Сажин волок чокерами хлысты, подымая их на тракторный щит.

Подолгу Саблин нервничать не умел. Только что был, казалось, сердит, и вот ни злости нет, ни расстройства. И даже сердце раскаяньем точит. Наорал на парня, вроде и зря. Игоряха на валке впервые – где все сразу уразуметь?

К вечеру Венька почувствовал, что помощник начал мало-мальски смекать. Обработает ствол топором, хоть

рые он, как начальник, предпринимал, дабы навести надлежащий порядок. И вот уже кто-то мчался за мастером в гаражи, кто-то катил по дороге столб, кто-то с кепкой в руке спешил к повороту проселка, чтоб задержать бежавший из города мотоцикл.

- Работнички, черт побери! – ругался Трофимов, и тот, кто под взгляд его попадал, поневоле смущался. И Саблин смутился, когда Михаил Петрович взглянул на него, как сказал: «А еще лучший вальщик!»

Этот взгляд, как с размаху, ударил Веньку по самому сердцу, и он возмутился, вспылил, загорелся тем бесшабашно-рисковым порывом, когда, презирая опасность, идут сломая голову напролом. Он разглядел Зинаиду и, подбежав, протянул ей всплакнувшего Юрку:

- Я мигом! Как пуля!

Он был уверен, что если действовать споро, то можно успеть.

Саблин метнулся легкой, с подбегом поступкой вальщика леса, враспloh которого не застанешь. Пила валялась, зарывшись звездочкой в прелые листья. «Лешева в дереве испугался!» - вспомнил Чечулина. Поднял пилу. По привычке встряхнул, проверяя, сколько залито в ней бензина, завел и пошел углублять Шуркин рез. Опилки посыпались крупно, как зерна отборной пшеницы, залепляя низки черных брюк. Плеснул, попадая за шиворот, хвойный мусор. Навесь зашевелилась, и елку обдало предгибельной дрожью. «Надо смываться! - почувствовал Саблин и испугался. – А ежели я, как Шурка? Дам стрекача, а деревья так и не рухнут? Какими глазами взгляну на людей?» И Венька послал носочек пилы, добираясь до сердцевины.

Вверху затрещало, да так многоствольно и грозно, как если бы падал на Саблина лес, какой он сумел повалить за

все свои годы. Выстрелило щепой, отодрав ее с разорванным корнем. «Успею!» - подумал Венька. И верно, успел бы, кабы не столб, лежавший одним концом в придорожных кустах. Столб, которым Трофимов велел обозначить опасную зону. Он пришелся Веньке под правую ногу, и вальщик запнулся.

Вставая, он ощутил жестокий щелчок по затылку и снова упал, разрезая цепью пиджак. Поднатужась, выбрался из-под хвои. «Был лес – стала реди́на, - мелькнуло в ушибленной голове, - еще одна, будь она трижды неладна...».

Подбежали Манылов и Сажин, подняли Веньку, взяли за локти, неторопливо и бережно повели. Повели среди толпы, и все расступились, глядя на Веньку с почтительным страхом и любопытством.

Саблин шел в испорченном черном костюме. Голова у него трещала. По виску теплой струйкой сбегала кровь. Слабея, Венька увидел перед собой побледневшую Зинаиду и Юрку, сидевшего у нее на груди.

- Вот и я, - сказал, освобождаясь от провожатых. Руки его потянулись за сыном. Но Зинаида Юрку не отдала.

- Больно, Веня, тебе? – спросила.

Саблин попробовал улыбнуться:

- Пройдет, - но в голове закружилось, и Зинаида с прильнувшим к ней, словно к матери, малышом, и толпа поселчан, и тонкая, в белом юная фельдшерица, бежавшая с саквояжиком по дороге, - все поплыло куда-то к вечернему небу.

Венька не чувствовал ничего. Ничего не видел, не слышал, не понимал. Словно на время, пока перевязывали его, вывалился из жизни.

Открывая глаза, увидел перед собой просторное темное небо. Небо цвело не кострами созвездий, а пылкой горсточ-

кой желтых веснушек. Да и не небо то вовсе было, а улыбавшееся лицо. Лицо Алевтины, летевшей к нему навстречу сквозь ночь, сквозь звезды, сквозь разделявшее тот свет и этот таинственное пространство. И путь, что она одолеть до Саблина не успела, был мал, в расстоянии взгляда, который Венька швырнул в темноту. По свету фар Саблин сообразил, что едет в машине. Повернув забинтованную голову к сидящему за рулем Шуркиному двоюроднику Ване Чечулину, спросил у него:

- Куда ты меня везешь?

- В больницу.

- Неуж такой я худой?

- Не худой, а слабый.

- Как думаешь: буду я жить?

- Будешь.

- А почему?

- Такие, как ты, от лесу не помирают, - ответил шофер, снимая с баранки руку, чтоб поддержать ослабевшего лесоруба, чья белоснежная голова тяжело и безвольно упала ему на плечо.

Венька снова вывалился из жизни. Шофер, чувствуя это, включил предельную передачу. Теперь все зависело от него.

Часть вторая

1

Двойная парадная дверь, вестибюль, лестница в три пролета, потом коридор в тридцать восемь шагов – путь этот Игорь Олегович Парамонов проделывал каждое утро, хмурия лицо, выражавшее занятость и заботу.

С таким же нахмуренным видом шел Игорь Олегович и сегодня. И только за дверью, обитой лоснящимся кожей-митом, при виде сухонькой секретарши, проворно вставшей из-за стола, помягчел.

Войдя в кабинет, Парамонов разделся. Сгребая к затылку, горсточку редких волос, покосился на телефоны, представив на миг весь свой день. Что его ожидало? Пожалуй, то же, что и всегда – телефонные разговоры, рапорты, сводки, письма и непрерывный поток деловых бумаг, которые, прежде чем подписать, необходимо прочесть и осмыслить.

Глаза его потеплели, едва он взглянул за окно. Там, за пестрой мозаикой крыш, подсвеченный сизым солнцем, скрывался гребень декабрьских лесов. Парамонов ослабленно улыбнулся. Потянуло на волю, на белый снежок, в синеватость еловых прогалов. Сейчас бы идти и идти меж деревьев, Идти в теплых валенках и фуфайке, направляясь туда, где до самой земли обвисает лапник, где сквозь снег источается паром звериная лежка, где немного таинственно и опасно, и где придется стрелять из ружья.

Игорь Олегович знал, что это все исполнимо. Лицензия есть. Знакомцы, с кем он когда-то работал, готовы были ему немедля помочь. Знакомцы стояли на разных служебных ступеньках. Кто мастером, кто прорабом. Все они постоянно держали связь со своими людьми в лесопунктах, давая им знать, что надо найти медведя. Редко кто эту просьбу выполнить не хотел. Потому и спешили они на квартиры охотников, чтоб сказать: «Заприметьте и сообщите».

«Кто же первым найдет?» - думал Игорь Олегович, сиюсь представить неведомо сильного мужика, кто, наверно, не раз брал на мушку крупного зверя. «Мясо мне ни к чему, - продолжал размышлять Парамонов, - разве так, для воскресного шика. «Медвежатинки не хотите?» - предложить гостям. Те в свою очередь удивятся: «Откуда она?» Тут-то Игорь Олегович и ответит этаким пресно скучающим тоном: «Ну, как? Ездил по снегу брать боем берлогу. И вот, как видите, удалось».

Изумление, зависть и шепот о нем, как об отчаянном зверобое - все это было уже не раз после охоты на лося, на волка, на кабана, когда Парамонов, собрав у себя самых близких гостей, ходил по квартире, показывая трофеи.

А было трофеев немало. В просторной прихожей висели рога семилетнего лося, В комнате-кабинете на специальном столе, мерцая мраком стеклянных зениц, стояло чучело рослого волка. В гостиной, на длинной стене, по мелкому ворсу ковра – коллекция острых когтей ястреба, ворона и орлана, а сверху, как символ ярости и погони, - гнедая рысиная голова. И только спальня, где почивал Парамонов с женой, трофеев пока не имела, однако на желтом полу, меж стеной и кроватью, было оставлено место, куда должна расстелиться шкура медведя. В скором

времени расстелиться, как только снега поплотнее укутывают лес, и тот неведомо-дальний охотник, приметив медвежий парок над землей, сообщит об этом тому, кому надо. «Будем ждать», - сказал себе Парамонов, и покосился на телефон, занывший длинными зуммерами.

2

Начало зимы. Побелели тесовые крыши, Мостки заколели и жестко звенят, словно на них устилают железо. Много ног торопится по мосткам. Рябоватый свет окон стандартного дома лижет валенки лесорубов. Сколько их прогрохочет за это утро! Валенки черных, пегих и серых, нетронутых-целых, негнущихся, как скала, и мягкоупругих, как резина. Бьют и бьют шерстяными подошвами по мосткам, направляясь к новой конторе, за которой, поплеывая газком, стоит гладкобокий автобус.

Венька Саблин с крыльца провожает глазами знакомых ему мужиков, с кем когда-то он ездил на лесосеку. Сейчас он туда не ездок. После того злополучного дня, как попал под завал, под которым чуть было жизнь свою не оставил, прошло больше года. В районной больнице Саблин лежал три недели. Выйти оттуда до срока ему поспособствовал Шурка Чечулин, его напарник по валке леса, кто и устроил этот завал, тайком протащивший в палату три бомбы портвейна.

У Веньки и так-то под черепом все свиристело, а после вина, которого выпил он столько, сколько и Шурка, стало еще и ломать. Наверно бы, Саблин вихнулся умом или помер, да врач-травматолог, промаявшись с ним всю

ночь напролет, с грехом пополам возвратил ему ясность ума. Возвратил и устроил допрос: кто приходил? Откуда? Когда? В чье дежурство?

Саблин, естественно, не сказал. Больше того, в предчувствии новых расспросов угрюмо ушел в самого себя и в этот же вечер, дождавшись потемок, сбежал, покинув больницу через окно.

В Еловец он пришел до рассвета, одолев двадцать верст за четыре часа – перемерзший, в промокшем насквозь от ночного дождя полосатом халате, хлюпавших тапочках и панаме.

Зинаида смотрела на Веньку с участливой жалостью молодухи, которая в нем разглядела свою судьбу. Кем приходилась она ему? Не невестой и не женой. Скорее, избранницей сердца. Через год после смерти своей жены он нет-нет да с ней и встречался. При этом жутко стеснялся и жмурил глаза на нее, как сквозь дым. И не могла она не заметить в деревянном его лице муку серьезного намерения, с каким он готов был признаться ей в чувствах, однако боялся предстать перед нею смешным.

Зинаида сама не знала: нравится Саблин ей или нет? Все же не парень – бобыль, у кого, кроме сына, есть еще память-тоска по покойной жене. «Ну и пусть!» - допускала она. Все-таки он, человек неплохой. Даром, что в долгом его лице не заложено броских приметин, какие могли бы ласкать женский глаз. Зато характером тверд. И вообще весь – прямой и открытый, из тех, кто не прячется за других.

А когда его повезли с забинтованной головой и закрытыми, как перед смертью, глазами, испытала такую шемящую тяжесть, что даже учуяла слезы, которые, выблеснув, побежали по задрожавшим щекам. И сердце не

вымогло у нее. Взяла его годовалого Юрку и унесла в свою маленькую квартиру. И водила его вместе с собственным сыном в детские ясли, а вечерами кормила и тешила их, баюкала на диване, не смея кому-то из них оказать больше ласки. И тот, и другой были равными по судьбе – один остался без матери, второй – без отца. А Зинаиде всего двадцать пять. И считать себя с этих пор навсегда одинокой, безмужней – было бы слишком несправедливо.

А ведь был у нее и муж, красивый молоденький техник, работавший мастером нижнего склада. Он жил с Зинаидой, не расписавшись. Жил, сочетая приятное с нужным: с книжками (где-то заочно учился), по воскресеньям с хорошим вином или прогулкой куда-нибудь за поселок. Когда же узнал, что она станет матерью их ребенка, то занервничал, омрачился. С трудом, но взял себя в руки, старался по-прежнему быть обаятельным и приятным, даже читал Зинаиде стихи, сам же тайком от нее готовил себя к отъезду. Подготовил и тихо исчез, словно его и не было в Еловце.

Три года прошло с той поры. Не легко Зинаиде досталось. Однако о муже-поганце она старалась не вспоминать. Нет его – и не надо. Как-нибудь перебьется с ребеночком и одна. Живут ведь в поселке и вдовы, и разведенки, надежды выскочить замуж почти никакой, однако особо не унывают. Не всем же иметь хозяина в доме. Надо кому-то и без него. Зинаиде еще повезло. Таких, как она, молодух в Еловце было много, а Саблин выбрал из всех лишь ее.

Ждала Зинаида его возвращения из больницы. Ждала три недели. Готова была и дольше. Да он появился в ее квартирке, как преждевременный гость. И не радость ее

охватила при виде его остриженной головы и лица с ввалившимися щеками, а участие, даже страх, точно он кого-то сильно обидел и за это его обязаны покарать.

- Вот, - сказал он, растерянно улыбаясь, - кажется, я и здоров.

И только тут до нее дошло, что он пришел к ней за сыном, что сейчас заберет его и уйдет, и опять она станет матерью-одиночкой.

Он топтался возле порога, одетый в старенький ватник, кепку с косым козырьком и короткие брюки, всей одеждой своей и больнично-тусклым лицом являя образ усталого человека, который здесь для того, чтоб исполнить родительский долг.

- Значит, я... Это... Я за Юркой, - добавил Саблин, вытянув руку к комнате за порошком, откуда летели детские голоса.

Зинаида испуганно позвала:

- Юрик?

Из комнаты вышли два карапуза в маечках, тапочках и колготках, оба румяные, с синенькими глазами, в которых плескался игривый восторг.

Венька присел, забирая Юрку в охапку. И только хотел с ним подняться, как и второй, Зинаидин подростыш, протиснулся плотно к нему, хватая его за плечо и за ухо.

- Вова! – сказала ему Зинаида. – Это Юрика папа. Нельзя!

Вова обиженно обернулся:

- Он мой! Мой папа! – и с неожиданной ревностью и обидой оттиснул Юрика от отца.

Саблин смутился. Ладони его задрожали, заботно обняв два трепещущих тельца. Он встал, поудобней пристроив мальчишек к груди. А те, присмирив, вдруг прижа-

лись своими носами к его щетинисто- жестким щекам, точь-в-точь близнецы, признавшие в нем не только отца, но и доброго человека, который теперь будет с ними всегда.

- Пойду, - сказал неуверенно Саблин и, опустив ребятишек, вздохнул, невольно сравнив две квартиры – свою, холодную и пустую, как кладовую из-под зерна, и Зинаиду – обжитую, где было тепло, обихожено, пахло детьми и рисовой кашкой и во всем ощущалась рука хозяйки.

- Может, не надо? – сказала ему Зинаида. – Не надо его уносить? – Показала глазами на Юрку. – Оставь с моим Вовкой. Они сдружились, как братко с братком.

- А я?! – Голос у Саблина смят и неловок, в нем – удивление и надежда. – Я-то как? Без сынка-то?

- Ты?

- А то кто ж?

- На то и мужчина ты, чтобы знать! – Зинаида глядела на Саблина с робкой улыбкой, словно советуя быть ему с ней понастойчивей и настырней.

И Венька словно бы понял, мышцы лица его отпустили лишнюю напряженность.

- Конечно, - сказал он, радуясь и смелея, - о чем толковать! Я сам часто думал. Чтоб, значит, тебе быть матерью для обоих. А мне, это значит, отцом...

Не просто складывается семья. Тем паче, если она из осколков семей, потерпевших житейскую катастрофу. Склеить осколки – дело мудреное из мудреных. Но Зинаида и Венька готовы были к такому. Готовы сойтись друг с другом и жить, затерявшись среди прочих семей, лелея в душе стародавнюю мудрость: одна головешка гаснет в печи, а две – и в поле дымятся.

Свадьбу решили не делать. Заменяли ее вечеринкой. Посидели, позвав кой-кого из знакомых, выпили, закусили, спели несколько песен, там и закончилось их застолье.

Чтобы старая жизнь о себе пореже напоминала, надумали съехать на новое место. С квартирами не было затруднений. Поселились в стандартном доме, заняв пустовавшую половину.

Куда сложнее оказалось с работой. Хотя поначалу отправился Веня, как раньше, валить на зимней пасеке лес. Валил, стараясь внушить, что у него все ладно и все в порядке. Однако здоровьишко было не то. Вернулся домой, едва-едва не шатаясь, с тоскливо свербящей болью в затылке. И на другой день с такой же болью вернулся.

Зинаида ему предложила забыть о работе, недельку-две обождать, поправить свою худобу, успокоиться, выдержать срок, чтобы вернулись прежние силы.

Однако Саблин был из упрямых. На все ее доводы лишь улыбался, мол, я из морёного комля, а с комлем не сдееется ничего, если даже еще разок колонуть его по затылку.

Зинаида вздыхала, чуя в намеренно бодрых словах и улыбке супруга тот волевой напряженный напор, с каким он скрывал свое нездоровье. В этот же вечер она сходила к начальнику лесопункта.

Михаил Петрович Трофимов меньше всего хотел бы вникать в семейные дразги своих подчиненных, но утром звонил из города врач, потребовав срочно отправить Саблина в райбольницу, иначе дело примет худой оборот. Только по этой причине с губ Михаила Петровича не слетела любимая отговорка: «Кашу кто заварил? Сами! Вот сами ее и хлебайте!» И вместо нее Зинаида услышала:

- Не могу, мил-душа, с тобою не согласиться! Лечить его! Только лечить! Завтра же я приму соответственно меры!

И принял, всем запретив брать Саблина на работу.

В кабинет Трофимова Венька пришел с трясущимися губами:

- Почему не даешь работы?

Трофимов сидел за столом неподвижно и прочно, как пень, проросший корнями сквозь стул.

- Сперва долечись.

- Это что? – передернуло Веньку.

- Посмешил народ – и довольно, - голос Трофимова зашуршал сухо и холодно, как голик, подметающий коридор. – Пора возвращаться в больницу. Оттуда уже звонили. Тебе же лучше хотят. Быть может, тебя, дурака, поставят на инвалидность.

Глаза у Саблина переполнились удивлением.

- На инвалидность?

- Не паникуй. Инвалидность-то с пенсией. Если, конечно, будешь нормально лечиться. Без всяких там выпивок и побегов. Так что давай. Завтра в город автобус направлю. На нем и доедешь.

Расстроился Саблин.

- А как же семья? Как ребята мои? Кто их, мне непонятно, будет кормить?

Трофимов поморщился.

- Какой из тебя кормилец! Выкинь это из головы.

Саблин невесело заключил:

- Я, выходит, на отдых в больницу, а Зинаида вкалывай за двоих?

- Порешь горячку! – Трофимов поставил локоть на стол, вытянув вверх указательный палец. – Да неужели,

думаешь, мы не поможем твоей Зинаиде! Завтра же в рабочком на матпомощь оформлю заявку.

Венька щелкнул по пуговице фуфайки, стреляя по ней, как по шашке.

- На десять рублёвок?

Трофимов взглянул на Саблина с видом служащего конторы, способного оскорбиться и оскорбить.

- Давай не будем! – предупредил. - Сказал тебе: можешь ехать без лишних забот. За Зинаиду не беспокойся. Без помощи не оставим...

Саблин ушел от Трофимова с ощущением человека, который что-то неверно сказал. Ночью в голову лезли тревожные мысли: «Заломалась жизнь, ровно дерево в бурю. Чего? Ну, чего впереди? Как я день-то начну? Как окончу? Где найду себе место? Может, не здесь оно, не в поселке, а в городе, в райбольнице, откуда я дал стреканá. Ехать, что ли? Культурненько поболеть... Вылежать там себе инвалидность... Таковская, значит, судьба. Все мужское - прощай! Стариковское – здравствуй!»

В больницу он, разумеется, не поехал. Напрасно гудел под окошком автобус. Напрасно шофер его Ваня Чечулин, зайдя за Саблиным, тряс его за крутое плечо. Венька вскипел:

- Катитесь все к лешему на болото! Оставьте меня! Я сам о себе позабочусь!

От одной только мысли, что он, 26-летний мужик, - и станет нахлебником Зинаиды, его вгоняло в краску и пот. К такому ему не привыкнуть. Пенсионер! Для него это было, как оскорбление. Не работая, получать дармовые рубли. Рубли до седьмого пота бьющихся с лесом старателей-работяг. Работа – мать, она же и мачеха, потому что кормит рабочего только тогда, когда намнет его капиталь-

но. Саблин желал бы себе этой мятки, желал бы усталости, боли в затылке, лишь бы не жить за счет Зинаиды, не быть дармоедом в новой семье, не муторить сердце при виде пасынка и сыночка, которых он, как отец и хозяин, обязан был одевать и кормить. Но где? На каком-таким деле он мог применить свои руки? Мысль сводила Веньку с ума, заливала сердце печалью, и он, не зная, что предпринять, курил сигарету за сигаретой. И в нехорошем предчувствии ждал, когда у его Зинаиды прорвется душа, и она обиженно скажет: «Хватит, Веня, пожили вместе – не получилось. Пора и расстаться».

Надо думать, что Зинаида такого век бы ему не сказала. Но слишком тусклыми стали ее глаза, намекавшие об ошибке, с какой она заключила с ним брачный союз. Кто знает, может чего и другое глаза ее выражали, но Венька решил, что жена разглядела в нем тунеядца.

Саблин страдал. Время споткнулось, остановясь на плохом, словно решило нарочно продлить для него неприятные будни. И Венька надумал уехать. В колхоз ли, на стройку ли, на завод, в экспедицию даже уехать, лишь бы не знали там о его ненадежном здоровье и, обеспечив работой, дали ему возможность стряхнуть с души, будто сор, неуверенность и смятение, и опять утвердить себя основательным мужиком, на кого надеяться может каждый.

Помешал отъезду Шурка Чечулин. Была суббота, поздний подлунный час, когда Зинаида, уложив детей на диван, и сама прилегла на кровати, а Венька, томимый бессонницей, мрачно, как выскорень елки, сидел перед печкой и нервно смолит дешевый табак. И в это самое время в квартиру ввалился Чечулин в длинной стеганке без карманов, с ружьем на плече, остро пахнувший снегом,

порохом и закуской. Стряхнув с плеча, вильнувшую тонким ремнем централку, спросил, наведя на Саблина щучьи глаза:

- Узнаешь?

Венька узнал свое необстрелянное ружье, которое года четыре назад на одной из пирушек он подарил Чечулину, полагая, что тот, не в пример ему, найдет свободное время и поохотится за зверьем. Но Шурка так на охоту и не собрался. И вот явился к нему, пихает ружье и хриплым голосом объявляет:

- Откуда ушло, туда и пришло! Забирай!

Саблин положил ружье на колени, погладил его опотевшее ложе:

- На кой оно мне?

- Шлепнешь лисицу! -- Шурка кивнул на окно, за которым темнел недалекий прилесок. -- Эво! За штабельками ходит четвертое утро. Сам бы ее подстрелил, да времени нет. Полсотни верных на шкуре отхватишь...

Задумался Саблин. Задумался так глубоко, что даже не слышал, как Шурка ушел. «Почему б не попробовать? – Он улыбнулся. – Завтре же и схожу. Была - не была. Патронов займу у Якуни. – Вспомнил старого рамщика, кто каждую осень и зиму бьет ружьем поляшей, глухарей и зайцев. – Полсотни рублей за одну прогулку. Да это же выход! Теперь сам Бог меня не обидит! С таким оружием – расстараюсь...»

Возбужденный, наполненный планами выправить жизнь свою так, чтоб она зависела лишь от охоты, Саблин всю ночь, будто филин, сверкал глазами и, дотянув до утра, убежал занимать у Якуни патронов, а после, позавтракав кое-чем, с азартно бьющимся сердцем направился к лесу.

В этот день он вернулся домой порожним.

- Ничего, - подмигнул Зинаиде, - подождем и чего-нибудь выждем. В люди выходят через терпенье.

На другой день принес глухаря. Потроша тяжелую птицу, Зинаида сказала:

- Почин есть. Глядишь ненароком и красного зверя добудешь.

Сказала, как видела завтрашний день, благо Саблин подбил лисовина и, может быть, после этой удачи он и решил для себя: заниматься охотничьим промыслом постоянно.

С легкой руки Чечулина Венька склонил себя к делу охоты и, съездив в город, оформил охотничий документ.

Добытчиком он оказался неважным. Бил зайца, белку, лису и птицу. Но чаще всего не бил ничего и в дни получек, когда Зинаида являлась домой с деньгами, ощущал себя должником. Правда, случалось, что к нему приходили с деньгами. Приходили обычно из городских, кто часто ездит в командировки. Приходили с портфелями, любезной улыбкой и желанием сделать покупку тех самых мехов, из которых шьют хорошие шапки. Не хотелось бы Веньке подобных сделок, так как пахли они потаённым и могли когда-нибудь подвести, да дышала в лицо нагая нужда. А нужду можно было покрыть лишь деньгами, и рука его, обнимая ласкающий мех, опускалась в готовно распахнутый зев портфеля.

Особенно подло себя он чувствовал летом. Что было делать? Ходил по ничтожным шабашкам. Кому поставить упавший забор, кому дров поколоть, кому повесить на петли ворота. По грибы и ягоды отпраплялся. Рыбу ловил. Все это было не настоящим, маленьким и обидным, оскорблявшим достоинство мужика. И Венька снова подал-

ся к начальнику лесопункта. Открыл к нему дверь и, не здороваясь, заявил:

- Кончаю охотничать: надоело! Бери в лес, на повал!

Михаилу Петровичу, что и надо. Людей толковых на валке – раз, два и обчелся. К тому же польстило ему, что упрямый мужик явился в контору, сломав свою гордость, признав тем самым свою зависимость от него. Трофимов чуть было не улыбнулся. Да нет. На короткой ноге с работой ему разговаривать не к лицу, и он намеренно построжал, придавая глазам сочувственно-жесткое выражение.

- На повал? Ну что ж, мил-товарищ. А как твоя голова? Как здоровье?

- Все в норме.

Трофимов видел и сам, что Саблин был при хорошем здоровье. И все-таки он спросил:

- А справка есть от врача, что годен к тяжелой работе?

- Нету справки.

- Не знаю, милейший! – Михаил Петрович увлекся и не заметил, как в голос его вползло инквизиторско-тоненькое ехидство. - Возьму тебя на повал – а вдруг с тобой что случится. Кому отвечать? Мне, как начальнику лесопункта...

- Воно-ко что, - Венька было, уже повернулся, решив немедля отсюда уйти, да Трофимов вдруг улыбнулся:

- Постой! Чего ты. Как спичка! – и предложил мужику на выбор стул и диван. – Идейка возникла! – добавил, припоминая трехдневной давности разговор с начальником ОРСа, который просил его разузнать среди местных охотников: не приметил ли кто захоронку медведя? Михаил Петрович в памяти это почти не держал, так как знал: настоящих охотников нет в Еловце, а такие, как

Саблин, хотя и есть, но надежду держать на них – дело пустое. «А если я ошибаюсь?» - подумал Трофимов, взглянув на Саблина с тем особенным интересом, с каким изучают редких людей.

- Возьму я тебя на валку, однако сперва, мил-товарищ, найди по снежку мне берлогу. Смогёшь?

- Не медведя ли брать? - нахмурился Саблин.

- Вот-вот.

- А лицензия?

- Будет.

- Можно попробовать. Только времени много уйду.

- Все понимаю. Семья, кормить, обувать, то да сё. Но ты не волнуйся. Это я беру на себя.

3

Две недели Саблин мотался с ружьем по лесу. Побывал во всех кварталах. Сегодня вновь на ногах, по второму заходу, в сорок четвертом, где речка Ляля, ложки и много поваленных ветром деревьев, в трущобе которых, быть может, и спрячется зверь.

Ваня Чечулин только что свез в лесосеку рабочих, вернулся уже в Еловец, подъехав к его огородам, как тут и увидел Веньку с собакой. Желая хоть чем-то ему пособить, развернул свой автобус.

- Залазь! – распахнул скрежетнувшую дверцу.

Саблин было заупирался:

- Трофимов башку тебе оторвет.

Бурое, будто спелая тыква, лицо шофера пренебрежительно улыбнулось, блеснув белками выпуклых глаз.

- Чхать!

Ваня был, как и брат его, Шурка, отчаянно-радостным человеком. Начал сходу рассказывать анекдот.

Но Саблин ему не внимал: ехал в предчувствии неудачи, курил и угрюмо смотрел на приснеженный лес.

В ногах у Веньки пристроился Шарик, черный с белыми пятнами пес, сын породистой лайки, которого отдал Саблину рамщик Якуня за то, что тот еще летом помог ему выважить дом, поставив в простенок меж окон свежие бревна.

Вылезли возле поляны, где ветхий столбик с цифрами на отесах. Отсюда тянулся в сузёмок заросший хвойным подростом визир.

Вызрел, играя с наметами снега, бледно-овсяный пляшущий свет. В белом брѣзге зари просвечивал мелкий осинник, зеленовато дымясь на чистом снегу.

Саблин решил пройтись визиром до спелого леса, а там, полагаясь на нюх кобелька, попробовать выследить лежбище зверя. Пес был на выросте, умный и злой, с выносливыми ногами, умел интонацией лая дать знать, на кого он напал. Как и в прежние дни, сегодня он сказывался не часто, зато выразительно и толково. То разоидется с азартной заливцей – белку нашел, загнав ее в крону сосны или елки. То вдруг затыкает, как дворняга, - учуял под палым ломинником юркую ласку. Но больше молчал, может быть, понимая собачьим умом, что хозяину нужен зверь покрупней.

Саблин шел небрежно-раскованным шагом лесного бродяги, который давно притерпелся к своим невезеньям и все-таки верил в удачливый час. Должен пробить он когда-то! Должен! За две недели взять пару белок, трех рябчиков, косачонка и зайца – хуже, наверное, не бывает.

Нет, не охотником он родился. Ему бы, как прежде, внаклонку ходить меж деревьев и в чадных хлопках басовитой пилы опрокидывать их на землю. Истинный мастер тем и велик, что занимается собственным делом. «Пюгоди, - думал Саблин, - вот выйдет мой Шарик на зверя, тут и закончусь я, как охотник».

Хвойный присед царапал но голенищам. Венька кряхтел, ощущая, как прутьики и иголки, скользя по исподу валенок, колко втыкались сквозь брючины в голени ног. Саблин присел на замшелый колодник и, выпустив брюки наружу, снова пошел, раздвигая ногами колючий подрост. В вершинах гудело. Елки, махая лапами, как руками, вели меж собой незаконченный спор, наполняя лесные прогалины тусклой тревогой.

И Саблин тревогою наполнялся. На ум приходила недолгая жизнь его с Алевтиной, счастливо и горестно приходила, как заполошно сбывшийся сон. Был сон – и пропал. Впереди – непонятные дни. Сколько их будет? Не сосчитать. И на закате каждого дня, как и раньше, станет его дожидаться дома жена, к которой он до сих пор не привык, несмотря на то, что связаны между собой они сыновьями. Связаны накрепко, благо и тот, и другой называют их одинаково ласково «папа» и «мама». Зинаида была отменито-красивой, на ней осекались мужские глаза, привлекаемые ее лицом и стройной фигурой. Однако не было в ней той горячей и отданно-верной любви, какую питала к нему Алевтина. Была Зинаида к Веньке порой равнодушна, но это умела скрывать: как всякая витая горем и лихом молодка боялась остаться без мужика. С таким бы успехом она жила бы сейчас с кем-нибудь и другим, относясь к нему так же ровно приветливо, как и к Веньке. Но выбора не было у нее. Уж так судьбе дано бы-

ло распорядиться, что подвернулся ей вдовый Саблин, и она его приняла, затвердив для себя, что мужчина он постоянный, до женщин не падок, умерен в желаниях, чистоплотен и может стать для ее ребенка надежным отцом.

Вспомнив сына и пасынка. Венька заулыбался. Как они рады бывают ему! Уходя поутру из дому, всякий раз поиграет с ними, состроит из пальцев быка, пободает того и другого до радостных слез, до веселого визга. А вечером, возвратившись усталым с охоты, - есть добыча, ли нет - обязательно принесет то ветку рябиновых ягод, то рябое перо глухаря, то лукавого беса с бородкой, которого вырежет из корней.

Саблин грустно моргнул. Через сердце его, оттесняя приятную думку о детях, текла и текла забота-тоска о себе, о своей так нелепо и глупо споткнувшейся жизни. Понимал он, что надо кончать ему с этой охотой. Пора заниматься работой, которой кормился он всю свою жизнь. Хорошо бы не ездить в больницу за справкой, не унижаться перед врачом, и в контору бы не ходить. Но в контору, пожалуй, придется. От разговоров с Трофимовым не уйдешь.

Сначала надо потрафить начальству, думал Венька, страдая душой. Найти под снегом залегшего зверя. А для кого этот зверь? Для Трофимова? Вряд ли.

Саблин заранее был раздражен на того человека, ради которого надо угробить безвинного зверя. Никому же он не мешает, живет не слышно-не видно в лесу, спит-посыпает себе в берлоге. Сколько лет обитает Саблин в поселке, а не слышал, чтобы медведь задавил чью-либо корову или теленка. Может, зверь от родин ничего мясного не ест, питается травкой и корешками. И нет вреда от него никому. И все же сумей, постарайся его, как врага,

отыскать в лесной захоронке, растревожить кривым бато-гом и, подняв из заснеженной ямы, навести на лохматый висок смертоносную мушку ружья.

Саблин вяло остановился, прижимаясь спиной к тол-стокорой сосне. «Чего я себя извожу, - усмехнулся, - мо-жет, и нет никакого медведя. Зря только ноги вихаю.» От резких подкрылин носа к губам опустились крутые мор-щины, и Венька дернул расстроенным ртом:

- Хожу и хожу, как раскислое тесто. А хватит!

Он приморенно взглянул на прикрытые снегом зава-лы мертвых деревьев, поникшую хвою и на стволы, уxo-дившие в серую мглистость. Лес был по-прежнему ров-ным и тусклым, без признаков жизни, и Венька, словно в натуре, представил отлет и уход всех птиц и зверей, кото-рые жили здесь до поры, но, не выдержав скуки, покинули эти места до апрельской весны.

- Какие тут к черту медведи. Тут нежити только и быть, - Саблин уселся на лежень. Снимая рюкзак, прокри-чал:

- Шарик, сюда! Шарик, давай!

В рюкзаке, кроме черного хлеба, не было ничего. Зи-наида наваливала с собой и яиц вареных, и банку консер-вов, и термос с чаем, и пачку печенья, да Венька не брал.

- Не заслужил, - объяснял ей с понурой улыбкой, - вот буду когда поудачливей, тут наберу всего по завязку.

Напахнуло дуплом полусгнившей осины. Ощущая в себе бездельного мужика, которому скучно и тупо, давно надоело ходить и хочется спать, Саблин вслушался в лес. Казалось, всем лесом правила мерзлая пустота, забив со-бою прогалы, суземки и чащи. И потому так приятен был переступ приближавшихся лап. Все быстрее. Все чаще. Все громче. И вот он сам – молодой с чуткой стойкой вос-

тренных ушей и хвостом-калачом черно-белый воинственный Шарик, ловко прыгнувший из кустов под самые валенки Веньки. Растянулся, качая хвостом. Смоляные глаза притушенно блестят. Но не радость сквозит в них, а виноватость. Виноватость послушного пса, не сумевшего выследить нужного зверя. Подавая собаке ржаную горбушку, Венька вздохнул:

- Невольнички мы, брат, с тобой! Почем зря топчем рабочие ноги. Ищем то, чего нет.

Сквозь хвойную завесь пробилась щепотка ознобленоробокого света, пошаяла пару секунд и погасла. По-над лесом спешили осадисто-толстые тучи. Стало синеть, закачался лапник, и день, как свеча на ветру, начал меркнуть и колебаться. Саблин поднялся.

- Давай-ко, Шарик, потёпали к дому!

И опять, обогнав хозяина, прыткий кобель скрылся в мгlistой теснине деревьев. Морозило, хоть и не сильно, но уши прихватывало слегка, словно кто их пробовал на зубок. Под ногами скрипела, как жнива, морозом укутанная осока. Сыпался с веток сухонький иней. Шел Венька крутым, с перевалинкой шагом, то и дело щупая уши, чтоб те нанароком не превратились в заледенелые лопушки. Усталость вилась в ногах, как худая веревка, заставляя его спотыкаться на низких пеньках, совершенно невидимых под примётом. Назойливо лезли в глаза кусты и деревья, неволя на них не только взглянуть, но еще и запомнить. Венька плевался. Ему хотелось отсюда бежать. Но куда убежишь из леса, если он тебя окружил и давит своей унылостью так напорно, что в глазах начинает пестреть.

Послышался лай – осторожно зовущий, глухой и серьезный. Саблин прикинул: «Идти с полверсты. Ну, ее к ля-

ду. Белку, поди, отыскал, Проживем и без белки Мой шаг не рубель и стоит...»

- Шарик! Шарик! -- позвал, ожидая, когда кобель с недовольным скуленьем отпустит пушистую примануху, прыгнет в сумет и припустит к нему со всех лап сквозь еловый подрост. Но пес продолжал раздражительно лаять, и Саблин почувствовал в лае нетерпеливый и властный призыв, с каким собака его подзывала, чтоб разобраться в чем-то серьезном.

Саблин свернул с визира, заковылял по хламйнику – вверх да вниз. Зацепившись брючиной за сучок, располоснул ее так, что в прореху вывалился карман. Но задерживаться не стал. Душа, предчувствуя риск и удачу, торопила его на встревоженный лай.

Скинув двустволку с плеча, он кое-как одолел баррикаду из трех буреломных осин и увидел редицу с кустом гонобели, выскорнем-пнем и коренастой рябинкой. Шарик рвал глоткой воздух и грозно глядел на примёт под кореньями пня, откуда торчали сучки сушняка, обломки кустов, деревьев и веток. В хрипотце его низкого лая, гривке надыбленной шерсти на шее, напрягшихся лапах, стоявших в снегу неподвижно и прямо, чуялась страсть промыслового пса, надежно услышавшего добычу. «Это тебе не барсук, - понял Саблин. – К нему бы мой песик живо пожаловал на квартиру, схватил бы его за штанешки, тут он и есть. А это хозяин. Завалился, поди-ко, дней десять назад. Берлогу снегом не всю запуржило. Воно провалина. Воно шерстинки. А воно, кажись, и парок...»

- Ну-ко, Шарик. – взёмом валенка Саблин подпнул разозленного пса, - уймись, а то растревожишь. Вылезет бурый – уйдет шатуном. А это для нас ни к чему...»

Но внять словам человека псу невозможно. Рвет и рвет свою голосину. И Саблин, выдернув с пояса брючный ремень, пристегнул его за ошейник.

- Не гаркай! Кончай, говорю! – уговаривал пса, таща его сквозь синеющий лес к невидимому визиру. – Мы пришли – наше и будет. Денек-другой переждем – по новой вернемся. Да не одни. С товарищем из конторы. А товарищу надо чего? Только выстрелить, только попасть. А все остáтное, значит, наше... Однако! – опомнился Саблин и, вытащив нож-складенец, начал шкурить на деревьях залыски, метя к визиру дорогу, чтобы запомнить ее навсегда.

Ступив на визир, Венька вытер исподом ушанки вспотевшую шею и закурил.

Тишина. Полусумерки. Неподвижность. Снег заносчиво выполз меж толстых деревьев, будто хранитель грибов и ягод, заморозив их до весны.

Венька выплюнул мокрый окурок. Заторопился, чтоб ночь не застала в пути. Холодная синева выстоялась над лесом и сквозь нее проступала обдуто-белая, как одуванчик, луна. Облака давно протащило куда-то к поселку, небо очистилось, и на нем вызревали крупные звезды. Были они студеные, с мертвым мраморным блеском, будто промытые в зимней реке.

Венька был необычно взволнован. « К начальству сегодня же и сгуляю! – постановил для себя и почувствовал губы, которые щекотливо, будто от мухи, поплыли в улыбке. – Не наше дело горшки лепить. Наше дело их колотить. – Но скривился в улыбке. Шаг стал спотычлив. Душа встрепенулась, насторожась, едва мелькнула недавняя мысль. – За какие грехи я хочу угостить лежебоку пулей? Кому он сделал чего худое? Не будет ли справедли-

вей, коль я позабуду про эту берлогу. Не видел ее. Нет ее. Ну, их всех ... Небось без бурого проживут... Ну, а я? – закричало горько в груди. – Или снова шастать по лесу, кое-что промышлять и сбывать добычу налево? Нет! – Саблин резко рванул ноздрями, вдыхая воздух до боли в груди. – Нет, хозяин! Я на жизнь твою замахнулся не ради страстишки. И не ради нужды. Даром бы мне твоя шкура и мясо. Да не даром совесть моя. Не хочу боле с опасью жить. Хочу смело, как раньше».

4

Какое-то время Трофимов работал мастером леса, но, показав себя организатором крепкой руки, умевшем жизнь подчиненных поставить в зависимость от работы, незамедлительно был замечен в верхах и вскоре назначен начальником лесопункта. За пять лет своего руководства дело с вывозкой леса наладил так хорошо, что лесопункт стал считаться одним из лучших. Михаил Петрович себя не считал ни службистом, ни карьеристом, однако заведомо знал, что в лесопункте ему находиться недолго. Годам к тридцати пяти он планировал перейти в аппарат леспромхоза. Большого он не хотел: умом своим, недостаточно сильным, но и не слабым, усвоил, что за хорошее место в жизни лучше бороться не без конца. Надо когда-то начать и жить, довольствуясь тем, что имеешь, без зависти к более именитым.

И вот сегодня, по вечеру, после прихода Саблина с вестью о найденном звере, Трофимов почувствовал сладостный зуд, с каким зачесались его ладони. Взглянув на

них с любопытством, он охватил ими гладенький телефон, подержал его, как кастрюлю с горячей картошкой, и, прижимая к челюсти трубку, вызвал райцентр. Заборова, как и всякого ушедшего человека, расторопного там, где надо с кем-то договориться, что-либо выпросить, вызволить или достать, он не терпел, в то же время остерегался, зная, что тот имел среди начальства заступную руку. Попадать под ее хлопок Михаил Петрович не собирался, оттого и держался с ним деликатно, не допуская, что тот в лице ли его, голосе или улыбке заметит малейшее превосходство.

- Нашли! – сообщил Трофимов, вкладывая в голос таинственность и тревогу. – В семи километрах. Можно брать. В два-три ружья. Больше не надо.

- Все шутишь, Михайло! – смеялся в трубку Заборов. – Валяй! Валяй! Однако запомни: таких неумех в этом деле не будет! Все станет о, кей! В лучшем виде! А, в общем, малина моя, большое тебе спасибо! Ай-да, Михайло! Расцеловал бы тебя, как дружка. Да уж ладно, потом. Жди гостей. Приготовься. Не подведи. И не вздумай куда ука-тить!

- Да что ты, мил-друг! – изумился Трофимов. – Что ты, Ефимыч! Не! Не!

Кладя трубку на рычажки, Михаил Петрович с мину-ту, не меньше, смотрел из окна кабинета в непроглядную темень двора. Глядел и чувствовал, как в груди зелегала, удобно устраиваясь у сердца, осуществляемая мечта. «Вот и схватил я синицу свою за хвостик! – Трофимов мечтательно улыбнулся. - Еще маленько – будет вот здесь! - Михаил Петрович сжал пальцы правой руки. – Заборов, хоть и болтун, а поможет. Теперь он должник у меня. А долги получить я умею...»

Заборов сидел на кушетке. В задумчивой мгlistости глаз его, теплом румянце, обильно расплывшемся по щекам, чуть вспотевшем носу и переборе расслабленных губ, бормотавших эстрадный мотивчик, было веселое благодушие умиленного новостью добряка, который еще не очнулся от разговора.

- Маша! – крикнул на всю квартиру. И когда молодая пышка-жена с бигудями на голове приплыла в его комнату, он объявил: - Парамонов к нам едет!

Он полагал, что супруга разделит с ним эту приятную новость, однако она обхватила руками лицо.

- К нам в город?

- Что – в город! – Заборов лихо поднялся с кушетки. – К тебе и ко мне! Вот сюда! – Герман Ефимович вывел ладонью размашистый круг. – В эту вот самую комнату! Порадуйся, Маша!

В глазах у Маши заколебалось.

- Может, Гема, не надо?

Заборов взглянул на жену чуть поостроже, даже попробовал рассердиться:

- Наоборот!

- Такого гостя? – побито вздохнула жена. – Как его и встречать?

- В лучшем виде, малина моя!- засиял Заборов всем своим обкатанно-гладким, как шар бильярда, лицом.

- Боюсь... - начала было Маша, да Герман Ефимович не дал продолжить. Сверкая улыбкой, обнял жену за пологие плечи и, развернув, вежливо вывел ее за порог.

- Потолковали! – решительно заключил. – Пока ты мне не нужна! Поди, отдохни. А я, - коснулся рукой головы, - поработаю этим вот местом.

Жена еще не успела закрыть за собой стеклянную дверь, как Заборов ее позабыл, весь, уйдя в настроение человека, который скоро встретится с другом. Разумеется, Игорь Олегович другом ему быть не мог, несмотря на то, что раньше служили в одном леспромхозе, Герман Ефимович, как и сейчас, начальником ОРСа, а Парамонов - экономистом. Однако приязнь между ними была устойчивой, сохранившейся до сих пор. Парамонов не раз предлагал Заборову перебраться к нему в контору, где будет стимул служебного роста. Но Герман Ефимович слишком сжился с людьми своего городка. Переедь он отсюда, наверно бы, многое потерял. Герман Ефимович был душой не только служебно-семейных компаний, но и отдельных людей, с кем приходилось встречаться ему по работе, умея и памятно попенять, и ругнуть, если надо, а то и взбодрить человека, помочь ему в чем-то житейском и вообще сделать так, чтоб у каждого, с кем он общался, стало приятнее на душе. В атмосфере районного центра, где он знал всех и все, и его все знали и понимали, Заборов купался, как рыба в воде.

Такой же приятной во всех отношениях жизни и Парамонову он желал, не без сочувствия сознавая, что Игорь Олегович на своей хлопотливой работе устает той усталостью, от которой портятся нервы, сердце и голова, и по этой причине он ввел за правило отпраиваться время от времени в лес. Это было не хобби. Это было спасение от нагрузки, при которой во всем организме бастует уставшая кровь.

Лелея в груди заботу о верной возможности встретиться с тем, кого он всегда почитал, Заборов плюхнулся на кушетку и, загнув рукава халата, придвинул к себе телефон. Было заманчиво, но и страшно, вот так, без промешки, словно приятелю-сослуживцу, взять да сходу и позвонить, не взирая на поздний час и то, что сейчас Парамонов, наверно, в постели и даже, может, уже заснул.

«Лучше завтра, - Заборов поднялся, пройдясь по паласу в лимонно-желтых тапочках и халате, - завтра с работы и позвоню. Так будет все-таки поприличней... А вдруг? - в голове Заборова заострилась ревнивая мысль, - вдруг кто-то другой ему пробренчит и тоже скажет: «Нашли!» Нет! До этого мы не допустим. Нельзя...

Гладкая, с частым посевом веснушек рука Заборова потянулась к столу, взяв телефонную трубку так плотно и хватко, точно могла она выскользнуть и упасть.

6

Третий день в груди Парамонова грело от мысли, что наконец-то берлога нашлась и, предвкушая облаву на зверя, он ощущал, как начинает владеть им охотничья страсть. Обнаружить себя в глазах подчиненных эдаким пылким добытчиком зимней фауны было нельзя. Только он приоткройся как мало-мальский охотник, и весть об этом пошла бы порхать по всем этажам. И тогда бы не мог он спросить ни с кого обязательных дел, на которых держится план. Чтобы не выдать себя, Игорь Олегович чаще курил, ниже обычного свешивал брови, а в разговорах вкладывал в голос металл. Надо было ему, обязатель-

но надо, хотя бы пару деньков пожить, как живут незаметные люди, у кого от сторонних забот голова не болела и не болит. Для него же эти заботы стали живыми врагами. Они шли на него отовсюду, окружали и угрожали, и нельзя было ждать ниоткуда пощады. Чувствовал Парамонов себя среди этих забот, как обложенный зверь. Он уже выдыхался. Больше не мог. Оттого-то с таким нетерпением ждал этот крайний в неделе день, чтоб, закончив его, побыстрее забраться в машину и, отдыхая душой, ехать и ехать меж заметенных обочин до бесконечно далекого Еловца.

Как и всякий любитель-охотник, к этой поездке Игорь Олегович был подготовлен еще накануне. Боевые припасы, ружье, продукты, баклажка армянского коньяка уложены в старый рюкзак. Шофер извещен. Жене, чтобы не было лишнего визгу, предложено сделать покупки каких-нибудь дамских вещиц.

Пятница, день, казалось бы, самый приятный в неделе. И тем не менее пятницы Игорь Олегович не любил. В этот день, особенно после обеда к нему в кабинет, кроме лиц деловых, пробивались неделовые. Секретарша делала все, чтоб они к Парамонову не входили. Но, вероятно, в каждой конторе есть то отборное племя особо шнырливых людей, которых никто не может остановить, и они пробиваются, словно сквозь стену. Игорь Олегович их боялся. Он сознавал, что дорос до того положения, когда начальник становится нужным для тех, кто хотел бы от жизни брать больше, чем получает. Эти проворные возникали всегда перед ним с виноватой улыбкой. Они ничего не просили, хотя и должны были что-то просить. Они приглашали прийти Парамонова к ним на какое-нибудь торжество, юбилей, событие или в гости.

Вошел Валентин Огурцов, единственный, кто может входить к Парамонову без препятствий, будь у него переключка по радио, совещание или планерка. Игорь Олегович улыбнулся, оцупав теплеющим взглядом фигурку шофера.

- Готов?
- С утрачка!
- Ко мне заезжал?
- Только-только от вас.
- Все забрал?
- Все, что велели.
- Тогда заводись.

Валентин ускользнул, а минуту спустя, натянув на лицо недовольное выражение, вышел следом и Парамонов. Его уже дожидались. Кто в коридоре. Кто на площадке. Кто в вестибюле. Кто возле парадных дверей. Каждому был Парамонов необходим в чем-то важном и неотложном. Но Игорь Олегович твердо печатал уверенный шаг, смотрел на сотрудников, словно сквозь стекла, и проходил мимо них, давая понять своим шагом и хмурым лицом, что сейчас беспокоить его напрасно. И сослуживцы смущались, глядя вдогонку с неудовольствием и досадой. Парамонову тоже было неловко вот так проходить среди подчиненных, однако иначе нельзя: непременно задержат, отняв у него то самое время, которое он берег для себя.

Провалившись в мягкую полость сиденья, услышав шуршание шин, увидев короткие руки шофера, Игорь Олегович сразу почувствовал, как с усталой его души отнялась тяжелейшая глыба служебных забот. Лицо его притомилось от напряженно стиснутых скул, и он расслабил их, улыбнулся и испытал вдруг потребность поговорить о чем-нибудь легком, необязательном и приятном.

- Как, Валентин, жизнь-то наша?

- Раньше, Игорь Олегович, - сориентировался шофер, - хуже была. Куда ни зайду – запнусь за каждый порог. А теперь и порогов не знаю.

- В гору, значит, пошла?

- Уже на горе. Выше некуда подыматься. И всё оттого, что рядышком с вами.

- Ну, ты даешь! Как будто один я и добрый. А как квартира?

- О лучшей, Игорь Олегович, стыдно мечтать. Как переехал в нее, будто во мне кто-то другой поселился. Был завистлив и зол, стал покладист и весел.

- Подхалим ты, смотрю, - пожурил Парамонов.

Шофер согласился:

- А подхалиму жить легче.

- Жена-то не сердится у тебя, что уезжаешь на выходные?

- Она с понятием у меня.

- Ну, а что, на твой взгляд, тебе бы хотелось от жизни?

- Мне бы дачу еще.

- Да я не об этом. Я о другом. Жизнь-то тебе, ну как, не особо приелась? Чего вот ты ждешь сейчас от нее?

- Не знаю, Игорь Олегович. Вроде все есть. Вот дачей обзаведусь – и хорош! – Шофер давно уже видел, что Игорь Олегович в настроении, потому догадался и сам подкинуть ему вопрос: - А вы-то, Игорь Олегович, многого ждете?

- Этот вопрос для меня слишком сложный, - сказал Парамонов и замолчал.

Времени было еще немного, однако ночь, неизвестно откуда взявшись, посылала свои потемки по всем путям и непутям белого света. Луч машины вонзился в ночное

пространство, очищая дорогу от темноты. Гладкий капот принимал хлеставшие прутья снежинок с тупым безразличием и покоем. Игорь Олегович вдруг нашел с этим снежным покоем какую-то связь, и стало ему самому безразлично и тупо. Покой сначала его убаюкал, заставил даже захлопнуть глаза, а потом – разомкнуть их, расширить и даже высветить нужную мысль. Мысль о судьбе. Парамонов был в той матерой поре, когда образованный, с трезвым умом человек становился надолго и накрепко у руля или той, или этой конторы, приобретая в ней влияние мэтра, с которым считаются все. Разумеется, он бы хотел, чтобы жизнь на данном этапе призадержалась. Он добился того, чего мог. Большого было ему не надо. Пусть продолжается так, как сегодня. До самой бы пенсии так. Пускай эти хлопоты, эти тревоги. От них, если будут они бить сильнее обычного по здоровью, можно, в конце концов, и сбежать. Сбежать, как теперь, в комфортабельной теплой машине туда, куда пожелает душа. Отдохнуть, зарядиться среди природы и, вернувшись назад, снова взять в свои руки служебные вожжи.

Залитый светом отрезок дороги все время летел навстречу машине, бросаясь отчаянно под капот. Снежинки западали чаще, скребя по стеклу белыми прутьями голика, продиравшегося из мрака, словно оттуда в полымя света его совала чья-то ночная рука. Игорь Олегович улыбнулся:

- Летим!

И шофер улыбнулся:

- Как на крыльях!

Парамонов сделал движение к дверце:

- Дай-ка я, Валентин, к рюкзаку пересяду: вроде пришел голодок.

Перебравшись назад, Игорь Олегович снял полушубок, ботинки, потом, покрутив с натужней плечами, ногами и головой, освободился и от костюма. Через минуту был в валенках и фуфайке, как простой поселковый мужик, испытав всем своим грузновато-набрякшим телом освобожденность от тесноты.

Парамонов хотел бы почаще рядиться в мужичью одежду, чтоб быть неприметным среди людей, ничем особым не выделяясь. Однако он знал, что на взрачном его лице лежал отпечаток умственной жизни, в котором угадывался руководитель конторы.

Пододвинув рюкзак, он достал оттуда стеклянную фляжку, ломоть сыра и сигареты.

Ночь обходила машину косыми углами, свиваясь в кудрявую паклю декабрьских полей, откуда сквозило нежитью и морозом. Здесь же, в салоне машины, где плавала песня Марины Капуры, было уютно, как в комнате друга, который тебя пригласил отдохнуть. «Друга ли?» - думал Игорь Олегович, возбуждаясь. – Нет, пожалуй, уже не друга. Друзей было много, но все они превратились в старых приятелей и знакомцев. В сорок лет забываешь друзей. Вернее, не забываешь, а оставляешь их в прошлом. А какие были друзья! Какие! «Гоша Секушин!» Парамонов напряг посильнее память. Вместе с Гошей он, маленький Парамонов, бегал все время в кино. А деньги они добывали, ползая, как два ужонка, под щелеватым полом базара, собирая там серебрушки и медяки.

«Теперь мой Гоша в тузах! – Игорь Олегович улыбнулся. – Страшно к нему подойти. Да и зачем подходить? Совершенно не тянет. К Лене Углову, вон, тоже не тянет. А ведь дружище-то был, дружище! Сейчас Леня где-то за Тотьмой, агентом Госстраха. И вот спрошу у себя: может

ли нас, стародавних друзей, обрадовать встреча? Едва ли. Скорей отпугнет. Чего у нас общего? Ничего. Несовместимые взгляды на жизнь, несовместимые способы жизни. Да-а, совершенно не стало друзей. Словно и не было их. Хотя все время верчусь среди народа. А кто окружает меня? Есть, конечно, немало приличных, преданных делу, трудолюбивых, эти не лезут ко мне на знакомство, напротив, бегут от него, и связь моя с ними лишь деловая. А больше все-таки возле меня разномастных завистников и службистов, лицемеров и хитрецов. Все, как один, притворщики высшего класса, которые тем и страшны, что одеты в личину друзей. И ведь что любопытно – эти притворщики нравятся мне. Потому что не спорят со мной, соглашаются, нервы не портят. И я как будто на них не сержусь, хотя бы и надо. И потому расцветают возле меня человечьи слабости и пороки. Терпеть ли их? Нет! Надо бороться! Бороться! Но как?..»

Сигаретный дым, пары коньяка, свинцовая тяжесть вопроса смешались в одно, и мозг Парамонова, не осилив нагрузки, внезапно размяк, безвольно и слабо уйдя в благодать пассажирского сна.

Открывая слипшиеся ресницы, Игорь Олегович заморгал. Приближались огни райцентра.

- К Забору, - подсказал Парамонов шоферу.

Было двенадцать ночи, бил бой курантов, когда машина, пройдя окраину городка, прирулила к забитому снежным малинником саду, в глубине которого возвышался орсовский дом.

- Перекур пять минут, - Парамонов выбрался из машины и, двигаясь вдоль забора, услышал среди тишины приглушенные стенами дома шаги. Он не успел дойти до крыльца, как навстречу в домашнем халате, тапочках на

босу ногу, с широким размахом ладоней метнулся Заборов. Узнал ведь! Узнал, несмотря на неверную мглистость двора, освещенного щучьим оскальцем луны, и то, что одет Парамонов был в валенки, ватник и ватную шапку.

- Игорь Олегович! Как я рад! Пойдем-ко, малина моя! Пойдем-ко!

По тому, как хозяин жарко приветствовал, как, взяв Парамонова за плечо, довел его до квартиры, как открыл перед ним прошуршавшую дверь, как представил его оробевшей жене и как помог ему снять фуфайку и шапку, Игорь Олегович сообразил: начальник ОРСа с ним собирается посидеть, вероятно, всю ночь.

- Ничего не выйдет, - сказал Парамонов, ступив за порожек гостиной, где был накрыт полуночный стол, при свете торшера мерцавший бутылками с пивом, шампанским и водкой.

Заборов жалобно улыбнулся, переглянувшись с женой, как несчастный с несчастной, и ушиблено произнес:

- Чем богаты...

Парамонов смутился, предположив, что на этот стол хозяева употребили, наверное, всю зарплату. Хотели на славу его угостить, а он, как палкой по голове: «Ничего не выйдет».

- Дорогие мои, пожалуйста, не сердитесь, - добавил Игорь Олегович, - но такое уж правило у меня: перед охотой ни-ни...

Снова переглянулись супруги, но теперь в их поглядке была досада провинциально-простецких людей, которые ждали от гостя застольной беседы, а получили вместо нее такой вот отказ.

- Перед сном маленько не помешает, - заговорили едва не в голос хозяин с хозяйкой, да таким виновато-потерянным тоном, что Игорь Олегович стушевался.

- Не надо меня уговаривать. Не люблю, - сказал Парамонов, чтоб насовсем отрубить дорогу к столу. – Нет времени. Надо ехать.

- Прямо сейчас? – не поверил Заборов.

- Прямо.

- Тогда я готов. Айн момент! -- Развевая полами халата, Заборов бросился из гостиной. Вернулся назад он в осеннем пальто, опоясанном патронташем, с ружьем и туго набитым портфелем.

- Стоп!- воскликнул Заборов, уже пригнездившись в сиденье машины. – Забыл Трофимову брякнуть. Вернусь, позвоню.

- Не будем время терять,- остановил его Парамонов. И так, задержались. – И, посмотрев на шофера, боднул подбородком вперед: - В Еловец!

Пока добирались до Еловца, в ушах Парамонова рокотали то голос Заборова, то машины, и ни который ему не мешал, напротив, их благодушная монотонность ласкала его, успокаивая и нежа, словно чья-то из детства забытая им родная ладонь. И было ему безмятежно и просто, хотелось ехать и ехать и чувствовать медленный взлет, с каким поднималась его душа, радуясь звездам в ночи, которые зорко смотрели с небес, заставляя о чем-то сочувственно вспомнить.

- Еловец! – шелохнулся Заборов, и Парамонов увидел цистерны за темным забором, дома без огней и цепочку почтовых столбов, уходивших один за другим куда-то за крыши поселка.

Машина остановилась, уткнувшись капотом в ворота нового дома.

- Разбудим, малина моя! – Заборов из дверцы ступил на мостки. И Парамонов ступил. Было безлюдно и тихо. Пахло подмерзлыми огурцами. Против месяца, в потьме дома мрачно чернели четыре окна.

Заборов грохнул в дверь кулаком. В одном из окон выпал свет. Жалобно пискнула половица. Дверь растворилась. В проеме, синяя фланелью исподней рубахи, - заспанно-мятый и злой Трофимов.

- Что же не позвонили? – Тяжелое, с легкой щетинкой лицо в напряженно-натужной улыбке. – Разве бы так я вас встретил!

- Все поправимо, малина моя! – успокоил его Заборов, заходя с Парамоновым в дом.

- У меня жена-то, ровно Кокшеньгские дровни! Все выходные лежит! – усмехнулся Трофимов, ступая куда-то сквозь темные шторы.

- Эй, Кокшеньгские дровни, вставай!

Вскоре из спальни, вслед за Трофимовым вышла откормленно гладкая, лет двадцати пяти беложавая баба.

- Не обессудьте, - сказала она, направляясь на кухню, - уж такая я уродилась. Поладу ни разу людей не встречала. Чего-нибудь да не так.

- Бывает, бывает, - промолвил Заборов, инспекторским взором окинув стол под клеенкой, вешалку с верхней одеждой, таз на полу, прокаленно-оранжевый выступ печи и закиданный ветошью крашеный ларь, где хранился, видать, обуви. Окинул и хмыкнул, как бы мысленно уясняя: пристойно ли здесь будет им ночевать?

Это мимо Трофимова не прошло. Он расстроился больше, однако смекнул: надо держаться сейчас бодрее, чтобы никто не подумал, что он застигнут врасплох.

- Тут у меня беспорядок, - сказал, - пойдете туда, - и, проводив приехавших в комнату с яростно вспыхнувшей люстрой, стал доставать из серванта граненые стопки.

- Ты вот что, Трофимов, - сказал ему Парамонов, присаживаясь к столу, - не звени хрусталем. Убери это дело. Наверное, глядя на ночь, пить лучше не водку, а жиденький чай. И потом надо думать о нашей охоте. С первым светом, чтоб в лес. Знает охотник о том, что мы здесь?

- Сейчас и узнает. У нас недолго. – Трофимов замешкался на мгновение, соображая, кого бы послать в край поселка. Но посылать было некого: спал Еловец, и Михаил Петрович, сопя, натянул на себя полушубок.

- Ухаживай тут за гостями, - буркнул жене.

Через минуту запел заведенный мотор. Вспыхнули фары. Снег вдоль дороги, попав под лучи, раздраженно засеребрился.

7

Не привычна Трофимову роль мальчишки на побегушках, которую он выполнял, спеша по поселку из края в край – сначала в машине, теперь вот пешком, чтоб разбудить охотника среди ночи. Где-то в душе Михаил Петрович был покороблен. Он, мужик изворотливый, гордый, отпорный – попал в зависимость от приезжих? Никогда он раньше не попадал. А теперь? Почему все так получилось? Да, наверное, потому, что решил сам же лично для

этих приезжих наладить охоту. Чтоб потом, когда будет взят в захоронке медведь, его запомнили, как человека, на кого и в дальнейшем можно делать расчет. А, запомнив, и отличили, устроив ему должностной перевод – из поселка – в райцентр. Если вмешается Парамонов, то тут уж будет все на мази. В леспромхоз! На какую-нибудь должностишку! А там он и сам разберется, поймет и решит, как способнее действовать ради успеха.

«Воспользуюсь случаем», - думал Трофимов, свернув от стандартного дома к мосткам, доски которых заборкотали, едва он сделал по ним первый шаг. Вверху, над крышами грузно теснились седые привальные облака. Казалось, они пришли сюда издалёка, спешили к намеченной цели и вот, настигнув ее, удобно и прочно остановились. Михаил Петрович моргнул, поразмыслив мало-малю о себе. Сколько ему? Тридцать лет. Шесть из них проработал в лесу. И теперь появилась опасность вот так же, как этим ночным облакам, удобно и прочно остановиться. «А что? – прикинул Трофимов. – К Еловцу я и так уже хорошо прицепился. Что мне нравится тут? Самоглавный мужик – это раз. Не нуждаюсь ни в чем – это два. Делаю план – это три. А что не нравится? Бесперспективность. Тот самый гнусный денек, когда меня сковырнут с моей должностишки. А зачем это мне? Враг я, что ли, себе? Так что лучше, пока не поздно, подготовлюсь к прыжку: лесопункт – леспромхоз. И пусть помогут мне в этом Заборов и Парамонов...»

Открывая дверь в кухню, Трофимов увидел жену и не сразу поверил, что это его Катерина, в ком он видит привык нешевелю, всегда с позовотцей, сонным движением шеи и вечным туманом в глазах, который, казалось, ее усыпляет. А тут и лицо с аппетитным румянцем, и белые

волосы за плечами, и полные руки, ловко державшие самовар с фарфоровым чайником на конфорке – все выдавало в ней первую бабу застольной гулянки, где ее ждут, где готовы за ней приударить и сказать занимательный комплимент.

Раздеваясь, Трофимов прислушался к мысли, заворотившейся в голове. Мысль подсказывала, что надо ему обходиться с женой не так придирчиво и сурово, как он привык обходиться с людьми, на кого, во имя порядка и дисциплины, он частенько покашивал свой недовольно нацеленный взгляд. Жена - все же женщина, требует мягкого обхождения, не ему бы об этом позабывать. Тем более что она, несмотря на свое беложаво-гладкое тело, не имела еще ребенка, и в этом, возможно, повинен был он. «Учту», - подумал Трофимов, ступая в комнату, где жена, нежно щурясь и улыбаясь, подавала на стол варенье, корочки с конфетами и печенье.

- Все в порядке! – оповестил Михаил Петрович, подсаживаясь к гостям. – Охотник в курсе. Утром, как штык, будет тут. Так что давайте, сударе-сударе, попьем чайку, посидим-побеседуем и бай-бай.

Командированный люд наезжал в Еловец частенько, и Трофимов привык разговаривать с ним грубовато-простым, едва не на «ты» приятельским тоном, норовя держаться со всеми на равной ноге. И сейчас он так же держался, где-то в душе полагая, что гости оценят его ретивую расторопность и с удовольствием примут в свой разговор.

Но Парамонов взглянул на Трофимова с пресной улыбкой. Заборов же длинно вздохнул, намекая на то, что Трофимов взял ноту не по себе, пусть уж лучше он помолчит, покуда умные люди его не спросят.

Михаил Петрович пригорчился, однако виду не оказал. И тут далась ему вдруг идея – поведать о главных делах Еловца, которые шли как будто не так уж и плохо. Годовой план вывозки выполнен в первых числах, и теперь лесопункт работал в счет нового года. Трофимов был убежден – узнай Парамонов об этом, и сразу весь оживится, поднимет глаза на него и начнет расспрашивать с интересом. Михаил Петрович помешивал ложечкой чай, отпивал его крошечными глотками и чувствовал, как по лицу его начинает ползти улыбка. Первым заметил ее Парамонов:

- Чего такой развеселый?

- Жить стали лучше, Игорь Олегович! – ответил Трофимов. – Особенно в этом году. Двести кубов выдали сверх программы. И еще столько же обещаю.

Парамонов вялым движением крупной руки отодвинул стакан, голова его наклонилась, лицо же, побитое сеточкой белых морщин, застыло в печальной мольбе, точно просило Трофимова: «Перестань. Я не за этим сюда приехал. Потом о делах. Без меня...»

Но Трофимов сидел на любимом коньке, и его подхватило и покатило. Он не увидел мольбы уставшего человека, вернее, увидел, но понял ее, как призыв продолжать разговаривать в том же духе.

- А ведь с людьми-то у нас не лучше, чем у других. Все дело в умении заставить работать их так, чтобы они зависели от работы, а не работа от них...

Михаил Петрович еще не закончил, как разглядел занки веснушчатых пальцев, которыми чем-то слегка уязвленный Заборов стукнул по краю стола. Стукнул и ухмыльнулся:

- Порочная практика!

- Почему? – Трофимов обиделся на начальника ОРСа не столько за то, что тот его оборвал, сколько за барственный тон, каким обычно что-нибудь отвергают.

- Малина моя! – Заборов потер платочком припотевший от чая розовый лоб. – Подобная практика восстанавливает людей против нас, руководящих работников, и потому с нею надо кончать!

Трофимов скованно шевельнулся. В груди его стало затолканно и тесненько. Он был ущемлен. И кем? Районщиком средней руки. Ну да ладно.

- Бездоказательно, Герман Ефимыч.

- Могу объяснить, в чем вред твоего руководства.

Михаил Петрович стиснул пальцами подстаканник, почувствовав, как завилась в нем холодная злость, однако сумел ее подавить и взглянул на Заборова даже спокойно:

- Объясни, объясни.

- Ты руководишь людьми по формуле хитрого вожака, который действует по расчету: ты мне – хорошо, и я тебе – тоже. Ты – худо, и я – не лучше.

- Слова, - отмахнулся Трофимов. – А где, извините, пример?

- Пожалуйста! – Заборов вытер платочком и подбородок. – Есть у вас в Еловце некий рабочий Манылов. Ты поставил условие перед ним. Если он проработает лето в лесу на вахте, то ты отпускаешь его на шоферские курсы. Манылов твое условие выполнил, но где-то с тобой поскандалил, и ты на курсы не отпустил.

Трофимов почувствовал, что попался. Действительно так все и было, и он подавленно произнес:

- Тут не спорю. Тут виноват. План горел. Завертелся. Забыл. Но это единственный случай.

Заборов качнул укоризненно головой:

- А с Саблиным, что наделал? От его жены поступило письмо. Я читал его на комиссии в рабочкоме. Сообщает, что ты целый год не даешь мужику работы. А ведь семья у него, двое малых детей. Опять, может, ты забыл, завертелся?

- Мое тут дело седьмое! Он! Он сам, курицын сын, во всем виноватый! – загорячился Трофимов, испытав потребность немедленно оправдаться, чтоб не поставить себя под напрасный удар. – Он у нас о-о-о! Чистый порошок! Скажи ему поперек – превратит в инвалида!

- Значит, не надо до этого доводить, - подсказал Парамонов, рассеянно слушая разговор, который его раздражал тем, что был зауряден, не нов и не мог закончиться до утра.

- Игорь Олегович, посудите! – Трофимов даже привстал, испугавшись, что Парамонов поймет его как-то иначе. – Этот Саблин лежал в больнице. Да по пьянке от туда сбежал. Отправлял я его и обратно. А он ни в какую! Вот и остался в поселке меж дел. Не мог же я взять на работу больного.

- Жалоба утверждает, - поправил Заборов,- что он в настоящее время здоров.

- А где медицинская справка? – воскликнул Трофимов, отлично помня, что две недели назад он собирался взять лесоруба на валку без всякой справки. – Пусть сначала ее покажет, - добавил, и сам не зная к чему и зачем. – Без справки я не имею права. – И посмотрел выжидающе на гостей.

Лицо Заборова подзакисло, однако сразу и расцвело.

- Не умеешь работать с такими, как Саблин. Надо бы так на него повлиять, чтобы он в один дух обернулся за

справкой. Здоровых людей, насколько я помню, в больницах не держат.

- Видимо, он не из тех, кто любит порхать по больницам, - заметил задумчиво Парамонов. – Говоря откровенно, я тоже туда не ходок. Мало кто знает, а ведь частенько сижу у себя в кабинете с температурой. И если б к персоне моей отнестись вот так же чиновно, то я непременно, как ваш лесоруб, остался бы без работы.

- Ну, Игорь Олегович! – Трофимов уткнул глаза в стол, сожалея о том, что сказал о справке неправду, и этим навлек на себя ненужный укор. – Вы-то дело особо!

Парамонов не согласился:

- Нет, не особо! Есть такое понятие, как справедливость. Перед нею мы все равны, если, конечно, совесть в нас не погасла. Но в том и беда, что проверить это нельзя. Уж слишком мы обожаем наши привычки, а вот поступки свои, даже самые низкие, на свет совести не выносим. Благополучно живем, - прибавил Игорь Олегович с грустной досадой и грузно поднялся из-за стола. – Хватит, отцы, тарбанить! Нашу жизнь не слова, а дела венчают. Давайте-ка спать...

8

Заслышав стук в дверь и рокот мотора, Саблин спустился с кровати, взглянув сквозь сутемень на детей, спавших валетиком на диване, поправил на них одеяльца и тихо-тихо, не одеваясь, выбрался в сени.

Так и знал: за дверью стоял Михаил Петрович в обшитом черной материей полушубке и наводил из кудрявого рукава прямо Веньке в лицо электрический луч.

- Приехали! - сообщил Трофимов таинственным тоном. – Двое. Сегодня, чуть свет, поведешь. А это ихний шофер, - показал на ступавшего к ним от машины невзрачного человечка. – Пусть переспит у тебя. Все понятно?

- Понятно, - поморщился Венька и, подождав человечка, загреб своей хваткой ручищей его суховатенькую ладонь:

- Запер машину?

- Запер.

- Тогда пошагали.

Зайдя в квартиру, Саблин едва не силой понудил шофера забраться за кухонный стол, принес из сеней вареного мяса.

- Летятинка. Сам раздобыл, - и, достав из гнезда холодильника сороковку, вылил водку в чайный стакан.

- Куда мне столько? – Шофер было заупирался, хотя выпить ему хотелось, и это было заметно по утомленным кроличье-розовым глазкам, в которых вдруг затеплилась приятная благодать.

- Пей! – потребовал Венька и, вытянув руки, снял с печки старые катанки, сунул в них ноги, и только хотел посмотреть, как шофер будет пить, тут же и удивился, обнаружив порожний стакан. «Это темпы!»

- Начальника возишь? – полюбопытствовал Саблин через минуту, едва шофер закусил, вытер губы и потянулся к пачке «Примы», чтоб закурить.

- Кому-то надо возить и начальников, - ответил он с ревностью человека, готового доказать, что дело его не такое уж и простое.

Венька тоже приткнулся к столу с сигаретой в губах и плеснувшим пламешком зажигалки. - Как тебя там? – выдохнул дымом.

- Валентин.

- По рожице по твоей, гляжу, Вадентин, ты мужик не особо бедовый. Начальник-то как? Мозги тебе не вправляет?

Шофер, осовев от тепла и стакана водки, блаженно заулыбался, миниатюрное, круглой обкатки лицо его зарыжело и было похоже на круто отдраенный старый пятак.

- Мне – нет! Я – малый не промах. Умею угадывать настроение.

- Угадывать! А на кой?

- Чтоб не попасть под горячую руку.

- Смотри-ко ходы, какие, прямо танцы-матанцы.

Валентин участливо улыбнулся:

- Маневренность. А если точнее, то дальновидность! Жить-то ведь мне. Своя воля хуже неволи. Как тебя звать-то?

- Венька.

- Податливым надо быть, Венька, - заключил вразумительно Валентин, - иначе пиши, пропало.

Отворилась дверь, и в кухню вошла приобмятая сном Зинаида. Была она в ссевшемся старом халате, как на показ, открывавшем высокую шею, пышную выемку на груди и молочно-белые чаши колен. Наверное, слышала их разговор и, поздоровавшись, сходу пожаловалась шоферу

- Применись мой Веня к воле начальства, мог бы озолотиться. А он у меня из ежиков ежик. Всех горазд уко-

лоть, лишь бы ему не мешали топтать середь лесу бродяжью дорожку. До того дотоптал, аж оставил семейку без денег.

Сердце у Саблина застучало. Эту привычку вносить постороннему в уши то, что творится у них в семье, он не терпел в своей Зинаиде. Однако редко жену обрывал: боялся скандала, причиной которого был бы он сам, как незадачливый муж, не способный семью свою обеспечить деньгами.

- Зина-а! – Саблин смотрел на ее черноглазое, в низком навесе бровей молодое лицо умоляющим взглядом. – Не станем об этом! На той неделе иду на повал. Сброжу на медведя – и сё! Стану тебе зарабатывать тити-мити. Осыплю, как листьями. Только ходить меня по начальству боле не понуждай. Я ж не холуй.

Зинаида учуяла, видимо, тот затаенно-тревожный предел, с каким сейчас разговаривал Венька, и догадалась уйти от греха, сказав, что пошла, устилать раскладушку для гостя.

Саблин поднялся. – Тебе сюда, - отвел рукой занавеску в такую же точно, как эта, с печкой, столом и посудным шкафиком кухню, где Зинаида поставила раскладушку.

Было три часа ночи. Тишина и потемки, смешавшись, давили на окна квартиры и с той стороны и с этой. Венька лежал на краю постели, пытаясь заснуть. Хотелось ворочаться без конца. Но рядом была Зинаида, и сон ее Венька нарушить не смел. Так и лежал, заломив под затылок правую руку, уставясь, как сыч-полуночник, на смутные линии потолка.

Потом услышал руку жены. Рука тормозила его за ухо.

- Ой, Веня, не идет дума из головы: где денег занять? Вот за ясли надо платить, за дрова, за свет, за квартиру.

- Завелась, - буркнул Саблин, больше всего не любивший в жене ее вечные страхи за будущий день, - сказал тебе: будут деньги. Дай время. Слава Богу, здоровье не потерялось. Возьмусь за пилу. Выправимся за месяц, ну - два.

- Ждать-то, Веня. Два месяца. Коротко?

- Ничего, - среагировал Саблин, - мы свое наверстаем. Вот ухлопаем зверя.

- А за зверя чего?

Вопрос прозвучал с жадноватым интересом, и Саблин насторожился, почувствовав, что жену захватил корыстный порыв.

- Что - чего? - недовольно спросил.

Зинаида, слезая с кровати, чтобы пойти приготовить завтрак, остановилась.

- Бают бабешки, будто за этих медведей денежки плотят?

Саблин слышал об этом впервые, однако решил жену поддержать.

- Плотят, плотят. Это вроде как премия. За отстрел, севодни взял медведя - севодни деньги на бочку. Думаю, рубликов пятьдесят. Как? Не мало?

- Да хотя бы и пятьдесят, - согласилась жена, - все лучше, чем ничего.

Подрасстроился Веня. Все-то утро, пока умывался, будил шофера, пил с ним на пару крепко заваренный чай, затем глядел, умиляясь, на разбросавшихся в сне сыновей, собирал патронную сумку, еду, топор и ружье, в голове его заостренным сучком покалывал будний вопрос: «Где бы найти пятьдесят? Кто мне одолжит их до получки?»

Он понимал, что жена на него вправе и рассердиться. Она еще молодец. Крепилась. Деньги, которые Венька добыл за сезон, как охотник, в прежнее время он получал обычно за месяц. Он жил, как худой иждивенец. Все, что в квартире имелось, - диван, телевизор, сервант, холодильник, разная там посуда и утварь, куплено было на деньги жены. Он ничего не вносил. Разве лишь рыбу. Ту он носил – щук, лещей, окуней. Летом только рыбалкой и занимался. Однако на рыбе одной далеко не уедешь. Тем более большую часть ее, еще не добравшись с реки до дому, он раздавал по встречавшим его на дороге знакомым. Ощущая себя должником Зинаиды, он отказался и от вина. Хотя жена, как правило, раз в получку покупала ему сороковку. Но он убирал ее в холодильник и распечатывал только тогда, когда приходил нечаянный гость.

Выходя впереди шофера на волю, Саблин зыркнул на дровяник, откуда слышался лай, скулёж и царапанье лап о дверцу. «Брать с собой или нет?» - безразлично подумал. – А-а, не стоит. Справимся сами...»

Отставало время от жизни рабочих лесного поселка. На улице тускло, темно и тихо, как и должно быть в глухую декабрьскую ночь. А в квартирах, за окнами царствовал свет, объявляя всем, кто не спит, что уже наступило рабочее утро, что вот-вот по всему Еловцу полетит тут и там перескрип крылечных дверей, загудит у конторы автобус, собирая всех сучкорубов, трелевщиков, вальщиков, шоферов.

Машина, давя колесами переметы, юрко вырвалась на дорогу и, взяв разбег, побежала к другому концу поселка. Саблин сидел в легковой на бархатной красной подстилке, облежавшей и пол и сиденья. Сидел, оглядывая шофера, в котором было все слишком буднично, даже скучно –

и эти волосики из-под шапки, и эта картофельно-круглая челюсть, и эти морщинисто-мелкие руки, полунебрежно державшие руль. От скуки он закурил и тут же услышал предупреждение:

- Пепел не оброни.

- Ер-кородер, - нахмурился Саблин и в полыхании фар увидел брусчатый дом, забор и начальника лесопункта, который с шапкой в руке спускался с крыльца, и еще ничего не сказал, а Венька смекнул, что торопится он к нему с чем-то глупым и неприятным.

9

Разведя ночлежников по постелям, Трофимов помог Катерине убрать со стола, чего никогда он раньше не делал, чем ее немало и удивил. И тоже прилег на кровать, наказав жене разбудить его в пол-седьмого.

Казалось, он только-только перевернулся с правого бока на левый, а ночь, запахнувшись в потемки, ушла-упорхнула из Еловца, радио вылило гимн, сквозь окно грохотнуло железными стойками тело бегущего «Маза», и Михаил Петрович почувствовал: надо вставать, пособить Катерине стготовить завтрак. Утром сойдет чего и попроще. Зато вечером можно будет и размахнуться -- с избытком вин, закусок и даже фруктов.

Выпивал Михаил Петрович мало и редко. Компаний в поселке ни с кем не водил. Не тот контингент. Но когда наезжали к нему из района, тут рюмки обычно не пропускал. Любил посидеть с привлекательным гостем, по-разговаривать с ним и, прикинув умом его должность и

положение, самому перебраться на пять минут мысленно в город, представив себя служащим леспромхоза.

Михаил Петрович услышал скрежет пружин, поворот тяжелого тела, зевок и еще раз зевок. Ночлежники, кажется, просыпались. Трофимов схватил полушубок и выскочил на крыльцо.

Еловец, желтея пятнами окон, исподовольно отряхивался от сна. И уже заржавело пропела чья-то калитка, мыкнул теленок, в глуши переулков мелькнула машина, неся, как добычу в зубах, два серебряно-белых огня.

Едут. Трофимов спустился с крыльца. Луч Фольксвагена облизал его валенки, выступ дома и палисадник. Из машины громоздким увальнем выбрался Венька.

Отведя мужика к забору, Михаил Петрович предупредил:

- На тебя, мил-товарищ, надеюсь, как на себя! Постарайся. Чтоб без осечек. Начальство все же. Да будь повежливей, покультурней.

Венька надвинул калаух шапки на переносье:

- Что я, нечёсаная шпана?

- Ты у нас конь выездной! – пошутил Трофимов, забирая его за плечо. – Все сделаю, как сказал! Завтра же прикажу взять тебя на повал в новый квартал. Идет?

- Чего сто раз об одном, - насупился Венька.

- Гляди у меня! - Трофимов выломил губы и развернулся, спеша возвратиться к гостям.

Гости сидели на кухне, закрыв с двух сторон коротенький стол, на котором шипели сморчки с картошкой, пыхтел самовар и мелькали белые руки жены, раздававшие вилки и ложки.

- Не торопитесь – успеется, - улыбнулся Трофимов, видя, что гости спешат, готовые выйти из-за стола, - медведь так и так будет ваш.

Словам его вняли да ненадолго.

- Куй железо, пока горячо, - сказал Парамонов, осаживая назад табуретку, с которой встал, не допив золотисто заваренный чай. И Заборов чай не допил. Энергично оделись, один – в фуфайку, второй – в пальто, затянулись ремнями, в кожаных гнездах которых желтели гильзы патронов.

Трофимов, поймав минуту, когда Заборов остался один, подошел к нему и шепнул:

- К вечеру как? Водочки припасти?

Заборов поморщился. Вспомнил с досадой, как Парамонов в минувшую ночь, заехав к нему, отказался от угощения.

- Малина моя, - кисленько улыбнулся, - ты бы лучше сам у него.

И опять, улучив момент, но теперь, когда Парамонов остался один, Михаил Петрович спросил:

- Игорь Олегович, что бы нам к вечеру приготовить? Может быть, коньячку? – дальше Трофимов спрашивать не решился.

Парамонов вытянул длинную с мощным запястьем правую руку, тронул хозяина за плечо, снисходительно тронул, с мягким сочувствием, но и с укором:

- Я же, кажется, говорил, что живем мы слишком благополучно. Давай хоть сегодня бросим вызов самой сквернейшей нашей привычке, от которой в глазах шатается мир. Сквороду картошки и самовар.

- Так скромно?

- Так справедливо.

- Но почему?

- Потому, что мы развратились. Угощать стали нужных людей, забывая при этом тех, кто нам был когда-то приятен и дорог. Есть, Трофимов, друзья у тебя?

Покраснел Михаил Петрович, словно спросили о за-
прещенном.

- Есть, наверно, - сказал.

- Ну вот, их ты и позови, - посоветовал Парамонов, - а меня не надо. Мы же с тобой не друзья. Так. Товарищи по работе. Ты бы мог пригласить к себе на коньяк обычного человека, скажем, Саблина твоего?

Не хотел Трофимов, да рассмеялся – сухонько, дробно, холодновато, как просыпал на стол щепотку мороженой клюквы:

- Саблина?! Что я? С ума...

- Так и меня не зови. Потому что мы с твоим Саблиным для тебя должны быть равны. Не грусти, старина! – Снова Игорь Олегович тронул Трофимова по плечу. – А к вечеру, если можно, картошечки и чайку.

10

В косо напахнутой телогрейке, в отвороте которой краснела голая грудь, презиравшая снег и холод, в шапке, надвинутой на глаза, с сигаретой в губах, с сигаретой за ухом, Саблин похож был на опоздавшего к драке мордovorота, чьи намерения в эту минуту не угадывались ни в чем. Раззадорил его Трофимов. «Ад болотный, - клял его Венька, - лакея во мне увидел. Захотел, чтоб культурненько я, на полусогнутых, по щенячьи. А шиш! Мне, грызи

твою плешь, все равно, что начальство, что нена начальство, коль артелью двинем на зверя. Артель атаманом сильна. А атаман нынче я...»

По взвизжавшим мосточкам двора в порыжелом пальто, опоясанном патронташем, в коротковорсой кроличьей шапке, с ружьем на плече и портфелем в руке торопился пузатенький человечек. Саблин признал в нем Заборова, красная из леспромхоза, умевшего, как никто, примирять самых разных людей, между которыми вспыхнула ссора.

- Здорово, охотник!

- Здравствуйте! – Саблин взял его руку, как пирожок, постарался не надавить, чтоб не сделать ей больно. Скорее не робость, а скованную неловкость испытывал он перед служащими контор, относясь к ним всегда с любопытством, как к людям особой статьи, потому что им дано право для таких, как он, простецов, выбирать не только работу, но и удачу в работе, а быть может, еще и судьбу.

- Наконец-то я вижу бывалого зверобоя! Сколько, малина моя, медведей-то ты ухлопал? – спросил Заборов тем утверждающе-бодрым тоном, каким помогают найти собеседнику нужный ответ.

Саблин поправил шапку, из-под которой порхнула в запале темная россыпь волос.

- Нисколь.

- Нисколь, а берешься вести на берлогу?

- Берусь.

- Не знаю, малина, не знаю! – Голос Заборова зазвучал с официальной жесткой тревогой, как бы давая Венке понять, что он боится не за себя, а за тех, за кого отвечал и чьей жизнью ему рисковать никто не позволит. – А если чего-нибудь там стрясется?

- Авось не стряется.

- У тебя, я гляжу, и собаки-то нет? – насторожился Заборов.

- Есть да не взял. Опасаюсь, как бы медведь ее лапой не чикнул.

- Опасаешься за собаку? А за нас, за людей?! – Глаза Заборова выпукло выбрались из глазниц и блестели натянуто, как пузыри, вот-вот готовые лопнуть. – По-твоему что? Наша жизнь дешевле собачьей?

«И чего вылупается», - с неприязнью подумал Венька.

- Не каркайте, ради Христа, - попросил. – Лучше садитесь вон в легковуху. Пора уже ехать. Где главный-то там у вас? – И опять повернулся к калитке, увидев плечистого в толстой фуфайке и загнутых валенках мужика, в котором угадывалось начальство.

- Идет, - объявил самому себе. И, пригнувшись, забрался в машину.

Автомобиль зажурчал, замурлыкал, как кот перед блюдечком молока, едва Парамонов, подав Заборову с Венькой ружье, провалился в сиденье.

Пугаясь машины, с дороги слетела семейка ворон. Потом и семейка галок слетела. И воробьев. И сорок. По всему Еловцу на крышах, поленищах дров, проводах, заборах и тропках вздували волнами стаи пернатых. Откуда их столько? К чему? Саблин догадливо усмехнулся:

- К мокрому снегу.

И все посмотрели сквозь стекла наверх, где расплывчато мглилось серое небо, скупое сея на землю тощий предутренний свет.

Парамонов, ломая на розовой шее о́колок кожи, приятельски обернулся:

- Как, ребята, медведь от нас не уйдет?

- Не уйдет, - вяло откликнулся Саблин.

- А я сомневаюсь. - начал было Заборов с желанием, видимо, объяснить, в чем причина его сомнений, однако Саблин не дал закончить:

- Кто сомневается – пусть вылезит.

И все подзатихли, призатаились, сообразив про себя, что вести разговор об этом, пожалуй, некстати. Дважды Венька протягивал руку, показывая шоферу, где надо ему повернуть. В третий раз показал на деляночный столб, куда машина, свернув, продавила в снегу две бороздки.

- Это чего?! – Саблин вытаращил глаза, когда горожане, помимо ружей, взяли с собой портфель с рюкзаком и какую-то женскую сумку.

- Чай, еда, запасные носки, - объяснили ему.

Венька просунул топор за ремень фуфайки, вскинул ружье на плечо.

- Пойдем налегке. Без носков и без чаю. А еду, коли надо, пихай по карманам.

Саблин шел по визиру размеренным шагом. Сзади слышались пышканье, кашель и треск ломаемых веток. «В гробу я вас видел», - злился Венька, ощущая ко всем трем раздражение человека, кого значай оскорбили, дав ему дело, которое он глубоко презирал. Кто они для него, эти трое, ступавшие следом? Никто. Посторонние. Их ему навязали, заставили потрафлять, быть для каждого доброй лошадкой. Чем дальше Саблин шел по визиру, тем спокойнее бухало сердце, в груди пробивался неясный протест, побуждая его сделать что-то ошибочно, что-то неверно, и этим самым сорвать весь поход. «Заблудиться! – прорезало в голове. – Прийти не туда, где медведь. Это же просто...»

Саблин чуть побледнел, словно кто-то ему совестливо и тихо положил ладонь на плечо. Не найти медведя, значит, схитрить, смириться с чем-то заведомо лживым. Один раз смириться, потом и второй... Нет! Венька был человеком поступка. Жить с раздвоенной душой не умел. «Я с лукавым не в договоре», - сказал самому себе и увидел вешку с крестиком на макушке, а справа от вешки залитую желтой смолой ду пленую ель с белевшей на ней ножевой залыской.

- Курнем напоследок, - сказал и, не глядя, присел. Присел удобно, казалось, на ровный пенек, а на самом деле на пятку правого валенка, повалив для этого ногу коленом на снег.

Вместе с Саблиным закурил лишь один Парамонов. Было десять утра. Над лесом ясна холодная синева, выгоняемая рассветом, которого не было видно из-за деревьев, но он зарождался, наощупь крадясь по-за краю земли, где лениво, будто карась среди тины, ворочалось солнце.

Венька стрекнул недокуренной сигаретой. Стречок означал: «Слушай меня».

- Обговорим, - произнес, - кто чем займется.

- Итак, вроде ясно, - промолвил с нехотью Парамонов.

- Вот именно, - буркнул Заборов.

Шофер тоже было хотел что-то вякнуть, да, поймав Венькин взгляд, промолчал

- Кто-нибудь на войне бывал? – любопытствовал Саблин и, не дождавшись ответа, добавил: - На медведя не лучше идти, чем на фрица.

Заборов не удержался:

- Откуда тебе известно?

Саблин встал, подойдя к Заборову ласково, но и властно, будто зверь-отец к зверю-сыну.

- От старых людей.

- От охотников, что ли?

- Четвертова дня выспрашивал в Тафте Варфоломея. Дед поднял из земли девять медведей. Мог бы и боле, да на десятом споткнулся. Стрелял в него, ровно в глину. Семнадцать пробоин содеял, а зверь, как пошел на дедушку, так и идет...

- Ты что, молодой человек, - перебил Парамонов, посмотрев на Саблина с холодком, - напугать нас решил?

Саблин выдержал взгляд, в свою очередь сам посмотрел в лицо Парамонова так же знобко и неприятно:

- Предупредить.

- О чем?

- О том, что убить его будет не просто. А сначала надо еще раздразнить.

- Кого? – недопонял Заборов.

Венька нехотя повернулся, свеся брови упрямо и низко, точно застреху над окном.

- Зверя. Иначе он из земли не выйдет.

- А чем дразнить?

- Батогом.

- Первый выстрел за мной! – застолбил Парамонов.

Саблин смирился:

- Ладно. Я подстрахую.

- Нет, я подстрахую, - заспорил Заборов.

Саблин кривенько улыбнулся. Был Заборов румяный и круглый, как свежее яблоко на морозе. «Ему ли стрелять из ружья?» - рассмеялся в душе и поднял глаза на шофера:

- И ты страховать?

- И я!

- Тиха чтобы! – вспахав подпятником валенка снег, Саблин свернул, направляясь по меткам в сторону лежки.

Из-за елок тянуло выморочкой болот. Лес забит был гнилыми деревьями и кустами. Упала сушина, и грохот ее был так продолжителен и тревожен, что казалось, не кончится никогда.

Улыбнулся Венька, увидев, как по куртинке подроста, сквозь буреломник и лес на соломенных ножках шло, пробираясь, овсяное солнце. С минуту, наверно, виднелось, лаская снег лилово-багровым, да тут его ножки беззвучно сломались, и солнце пропало за ветровал. И в эту секунду Саблин узнал увитую снегом редину с седой гонобелью, выскорнем-пнем и ветвистой рябиной. Обернувшись, дал знак рукавицей, чтобы охотники не зевали – взводили курки и были готовы взять зверя на мушку.

Все были сильно возбуждены, срывали ружья и рукавицы и, прижимая к плечам приклады, шли мелким шагом к опасному месту. Шли бдительно, чутко и напряженно, с глазами, в которых светился азартный вопрос: «Кто – кого?» Вопрос был, конечно, немного наивным, однако он подхалаживал грудь и рождал неприятную суетливость. Сильнее всех озадачен был Саблин. Он, самый что ни на есть затрапезный охотник, ни разу еще не выдавший медведя, должен был взять на себя руководство облавой. Кого он привел? Вроде бы тех, кто стрелял из ружья не однажды по зверю, может быть, по опасному, крупному зверю, но не более страшному, чем медведь. Вырубая стяжок, Саблин испытывал чувство неясного риска, когда не уверен не столько в товарищах, сколько в себе, как в неопытном зверобое, способном однажды не рассчитать.

С рябины, роняя из клюва желтую ягоду, выпорхнул клест. Ягода булькнула в снег перед пнем. Саблин выпустил топорище – топор стоймяком погрузился в сугроб.

Взяв стяжок вперехват, оглянулся, обмерив охотников режущим взглядом. Все были, кажется, на местах.

Вон, шагах в двадцати от рябины -- шофер Валентин с напряженным лицом и двустволкой, которую взял отчаянной хваткой, точно решил здесь стоять не на жизнь, а на смерть.

Справа от пня, широко и грузно расставив ноги, приладив приклад к крутому плечу, - весь хладнокровие, выдержка -- Парамонов. «У этого опыту слава Богу!» - отметил Саблин не без довольства. А слева от пня, победно раздавшись брюшком под пальто, слитый едино с ружьем, как с судьбой, - взволнованно-алый Заборов. В лице у Саблина дрогнул усмешливый мускул. «Раздуло, как на опаре, однако хорош!»

Подступив к невидимой лежке, Венька вытянул руки вперед, протыкая покров батогом, чтоб нащупать подснежную полость. Он зашел за пружинистый куст голубицы, обследуя место не только палкой, но и ногой. Однако под снегом -- лишь рыженький мох да сухая, как сено, осочная дерновина. Пододвинулся ближе к рябине -- и тут только мох да трава. И вдруг, холодея затылком, сообразил, что медведь, завалив берлогу, отсюда ушел, перебравшись в другое место. И настолько эта догадка его возмутила, что губы его подсеклись, он по-рыбьи хватил мозглый воздух и ощутил всемужичий позор.

Ничего ему больше не оставалось, как, швырнув бесполезный стяжок, повернуться к охотникам и сказать самое тяжкое слово: «Ушел». Но сделать этого он не мог. Глаза упрямо скользили по взбитому снегу. Около пня, поднявшего вверх земляные корни, остался нетронутым -- метр на метр -- кусочек поляны. Саблин ткнул и туда. И споткнулся, упав на колени, рука провалилась, уйдя с ба-

тогом под снежный покров, ощутив, как что-то там ворохнулось.

- Тут! – Венька резво вскочил, начал часто хлестать багатом, разрушая крышу берлоги. А когда заметил черненький проблеск когтей сивой лапы, появившейся из дыры, передернул мослами спины – и ружье, обвиснув ремнем, готовно упало на правую руку.

Снег внизу заходил, заметался кругами, и откуда-то из-под пня, словно в дикой метели, круглоскуло мелькнула гнедпя башка. Венька взял посподручней ружье. Сердце взмыло, как на обрыв, и он всей своей кровью, кожей, мышцами и костями учуял прекрасную черную страсть, с какой убивает охотник опасного зверя.

Саблин ждал. И дождался. Опять просверкнула стайка когтей, осторожно хватая дернину. И тут же, прокравшись сквозь снег, чутко выплыл морщинистый нос. Саблин едва удержался, чтоб не нажать на курок. «Сто-ой!» - приказал самому себе: должен стрелять Парамонов. Но Игорь Олегович не успел. Нос нырнул в глубину, и выстрел, который он дал, откусил лишь хвоинку над снегом.

- Не спеши! – посоветовал Саблин.

Однако в советах его не нуждались. Выстрел был бесполезным, зато он Парамонова подбодрил, заставил его улыбнуться и что-то молча решить.

- Эт я так, для пристрелки, - загоняя в патронник новую пулю, Игорь Олегович резким кивком головы потребовал всех отойти, чтоб остаться со зверем один на один. - Встаньте подальше.

Заборов этого только и ждал. Убирая брюшко, попятился от берлоги. За ним последовал и шофер. И Саблин немного подался.

Зверь поднялся коричневой бурей, взбив под лапами листья и снег. Парамонов нажал на курки. Медведь распластался среди гонобели, повел оглушенной башкой и вдруг застонал – тоскливо и скорбно, точь-в-точь сбитый с ног громила-мужик, которому некуда было спастись: его обложили со всех сторон. Игорь Олегович, прижимаясь спиной к земляным корешкам надберложного пня, снова выпалил из централки. Лобастая голова поклонилась земле, но секунду спустя поднялась, выставляя из глаз ту предсмертную боль, с какой зверь, казалось, вызвал человека к пощаде, умоляя не добивать. Заборов с шофером, не знавшие, надо стрелять им или не надо, стояли, как столбики гослесфонда, бросая взгляды за выскорень-пень. Игорь Олегович словно бы понял, что он не один, обернулся к ним с бледной улыбкой и поощряющим взмахом ружья предложил дать дуплет по сраженному зверю.

Саблин презрительно сплюнул: «На кой?» и увидел, как три дустволки, блеснув холодком вороненых стволов стали нащупывать крупную цель. Тройной, один за другим повторившийся выстрел тяжело и обломно разбил тишину.

На душе у Веньки стало уныло. Он взял сигарету губами и, зажигая спичку, нагнулся к огню. И тут перебито вздохнул, давясь неприкуренной сигаретой.

С красного снега, взмоллов гонобель, поднялся хромающий зверь. Он шел, тяжело припадая на лапы и сухо шурша провисающей шерстью. В неверной его походке, какой ковылял, собрав воедино медвежьи силы, волю и ум, было что-то до гибели роковое. Саблин смотрел вслед медведю с тревожным восторгом. Давно ли он собирался его застрелить? И вот страшно рад, что бурый уходит. На-

до было стрелять. Но Саблин ружья не поднимет. Горожане же выстрелить не успеют. Зверь застал их врасплох. Заборов пригнулся к ружью на колене, хватал и не мог захватить крепко сжатые в гнездах патронника гильзы. Шофер, волоча централку за дуло, с тонким стоном рванул наутёк, как нарочно к лому деревьев, куда, сокращая дорогу, спешил и медведь. Пармонов просовывал руку в расщелье корней, норовя поднять патронташ, который вдруг у него развязался, скользнув в ледяную трещину пня.

Медведь уходил: от рябины к ольшинкам, от них – к колодам трупелых осин, среди которых, желтея беличьей шапкой, глупо и странно метался шофер.

И тут Саблин понял, что радость его была жуткой. Дорога у зверя была меж валежин. Шофер-недотепа, как специально, по этой дороге и мельтешил. Зверь, того и гляди ткнется рылом в его головушку, сомнет на бегу и исчезнет в лесу.

Венька поднял двустволку, прижавшись щекой к ледяному прикладу. Зверь был шагах в тридцати. Однако бить его было нельзя: в створ ружья попадал Валентин, бежавший впритруску перед медведем – уже без шапки, без куртки и без ружья. Неизвестно кого, матеря, Саблин сделал десяток прыжков, заскочив на выскорки палой осины. И снова шофер находился в гибельном створе.

- Стреляй! – приказал Пармонов.

Саблин вскинул ружье с подневольной заботой, поймал на мушкуу медвежий висок, а за ним и затылок шофера и, нажав на курок, отчаянно взвыл, отчетливо видя, что выстрел его угробил обоих.

За выстрелом, как за несчастьем, приспела сторожкая тишина. Казалось, она вместе с Венькой слушала хруст, с

каким Парамонов с Заборовым шли по снегу. Не понимая зачем, Венька вернулся к берлоге. Бередливо пахло дыханием зверя, которого не было в яме, однако теплая вонь его тела держалась так стойко, что Венька присел, заглянув под прожилия пня, словно там мог таиться еще один бурый. И тут он услышал. Сначала голос Заборова:

- Наповал.

Потом – Пармонова:

- Ну-ко обоих.

Худо сделалось Веньке. В груди заболело, точно кто пнул под самое сердце тупым сапогом. Охватило горькое ощущение невозвратимости всей его жизни. Было жалко себя. Жалко и Валентина. Выстрел принес две беды. Две семьи теперь без отцов. Одного отца похоронят, второго – возьмут под арест.

Окунув двустволку прикладом в сугроб, Саблин поплелся по рытому следу. Мелькали снежинки. Крупные, словно завернутые в обнову, они тяжело и бухло ложились на землю.

Первое дело, когда он приблизился к месту несчастья, увидев среди мерзлой осоки зверя и человека, лежавших, как будто и в смерти один убежал от другого, было нагнуться над Валентином в надежде услышать хотя бы словцо. Живое, последнее, но словцо. Ведь это так непонятно, так жутко, когда человек, умирая, не успевает сказать ничего. И Саблин нагнулся, почуяв удушливо-спертый дух свежей крови, которой была заплескана шея шофера с неловко подвернутой головой. Саблин хотел бы взглянуть шоферу в глаза, но тот лежал носом в снег – низкоросленький, маленький, в красной рубашке, с торчащими серыми волосами, которые, как трава, шевелились на голове. «Жена ведь есть у него, - заговорило в Веньки-

ном сердце, - маломо́жные дети... Как вот теперь они? Кто им поможет? Я? Так-то б так, да меня верняком заберут. Грызи мою плешь. Не ему бы этта лежать...»

Саблин встал на дрожащие ноги, сжал в запыхавших пальцах борта фуфайки и распахнул ее вместе с рубахой. На голую грудь стали падать снежинки. Падать и таять, как на печи.

Рядом с Саблиным на колоде сидели два мужика. Один - крупноплечий, дородный. Второй – круглотелый с глазами, шнырявшими, точно мышки. «Откуда они?» - машинально подумал Венька и сразу опомнился, испугался, услышав голос Заборова, прозвучавший так прямо и откровенно, будто было ему все равно: слышит Саблин его или нет:

- Ничего уж не сделать: убийство.

- Да, - подтвердил Парамонов, шевельнув бровями в сторону Веньки.

- И у нас положеньице не ахти, - помолчав, добавил Заборов.

Парамонов кивнул. Лицо его выражало угрюмость застигнутого врасплох маститого мужика, который должен был что-то решить, дабы не ухудшить скверного положения, в каком еще никогда не бывал.

- И зачем теперь этот медведь? – сказал он с гнетущей заботой.

Но Заборов эту заботу снял с Парамонова, как пушинку:

- Ну-у, медведя-то увезем.

Парамонов подавленно наклонился, черпая из-под валенка горсточку снега.

- С милицией надо вот как-то связаться.

Заборов тоже нагнулся за горсточкой снега.

- Свяжемся, что ж. Это я беру на себя. И шофера отсюда вывезти – тоже беру...

Венька курил и бесцельно-невидящим взглядом смотрел на прошитый снежинками лес. От мысли, что он теперь отгорожен не только от этих двоих, прикорнувших в пяти шагах от него на мерзлой колоде, но и от дома, где Юрка с Вовкой и Зинаида, хотелось рвануть с сильным треском свою рубаху, подставить дуло ружья под сосок и покончить с собой, как с бездомной собакой, которую незачем будет и вспоминать.

Снег шел по-прежнему крупно и густо, в воздухе веяло мягким мокром. Тут и там по коре деревьев катились мерзлые капли. Такая же мерзлая капля скатилась у Веньки по жаркой спине, когда он увидел шофера с его приподнявшейся красной рубахой и завертевшейся головой.

- Жив! – вскрикнул Саблин, и сердце его застучало под самое горло, он засмеялся: - Ты что, Валюха? Никак и не ранен?

Валентин очумело поднялся, поежился, продрожал:

- Вроде бы не-е.

- И медведь тебя не царапнул?

- Черт его знает! – чихнул Валентин.

-И-и дела! А лежал, как мертвяк. С чего бы такое?

- Шок, - объяснил Парамонов.

- От перепуга,- добавил Заборов

- Слава Богу, хоть во время ожил! – осклабился Саблин. И тут же сбегал за курткой и шапкой.

Взялся откуда-то ветер, перебирая поземку и шкуру убитого зверя. Венька лихо распорядился:

- Вот что! Мы с Валькой двинем в поселок по лошадь, а вы дорогу покуд прочищайте, да так, чтобы можно проехать с санями!

- А может быть, мы за лошадью сходим? – сказал Парамонов. – Как, Герман Ефимович, ты не против?

- Конечно! Конечно! – откликнулся с жаром Заборов.

- Что ж, - согласился Саблин, - мне-ка не жаль. Только смотрите, чтоб вас лошадь в дороге не залягала.

10

Заборов внимательно, словно запоминая, уставился взглядом на Веньку. Бугролобое, с выступом скул и височных костей лицо охотника было угрюмым. От жестких подкрылин багрового носа косо спускались к губам морщины, открывая характер опасного мужика, который способен и на худое. Было Заборову непонятно. Кто-кто, а уж он-то умел разбираться в людях, знал цену каждого, с кем общался. И вот перед ним недопонятый тип, который дышал тем же воздухом, что и они, однако резко от них отличался. В том, как охотник ремнем подправлял ружье на плече, как грыз мундштучок сигареты, гоняя его туда и сюда между губ, как прошивал его с Парамоновым остро-осоковым взглядом, виделся вызов. Пробираясь по лежням к приснеженным елкам, Заборов ворчал:

- Ишь, ваше величество. Недоволен. А намек-то, намек. Чтоб нас лошадь не залягала. Или думает, служащие конторы, так и лошадью не управим. Шутишь, товарищ. Мы тоже держали когда-то и вожжи, и кнут. Запалец, малина моя, не остыл...

- Это о ком ты? – спросил Парамонов.

- Об охотнике, Игорь Олегович, не могу додумать: отчего у него к нам такая непримиримость?

- От нервишек, Ефимыч. Ты бы в шкуре его побывал, тоже был бы не лучше. Сколько минут? Наверно, десять, а то и пятнадцать он жил, считая себя убийцей.

- Все равно, малина моя, - Заборов не мог успокоиться сразу. Слишком уж был уязвлен: - Надо чувствовать разницу, с кем говоришь.

- Ладно, Ефимыч, - осек его Парамонов, - не будем об этом. Давай-ка пошире шагай, да гляди, чтоб с дороги не сбиться. Вишь, какая пошла заметуха.

Ветер шумел, пробиваясь сквозь лес. Лапы елок ссыпали опоку. Хрустел можжевельник. В свинцовом свечении туч чуялась строгая сила ненастья, которая словно бы угрожала, готовая бросить на землю свой безобразный каприз.

Может, метель, может, вздорные мысли, может, небрежность, с какой направлялся Заборов к визиру, надеясь его отыскать без труда, помешали ему следить за пробитой в деревьях тропинкой, и теперь, потеряв ее, он ступал наугад, проникая взглядом во все прогалы, так как в каждом из них был намерен увидеть протоптанный след. Но тропу, пробежавшую по визиру, словно кто специально унес за хлопавший ветками лес. И Герман Ефимович вдруг испугался: а что если он идет не туда?

Еще не поздно было вернуться к поляне, истратив на это каких-нибудь двадцать минут. Однако Заборов уперся. Вернуться назад – значит, встретить охотника вместе с его пронзительным взглядом остро-осоковых, впрозелень глаз, вместе с холодной его усмешкой и вместе с язвительной парочкой слов, от которых разве лишь олух без нервов не обидится на него. А этого Герман Ефимович не хотел. И потому он шел, хватая воздух не только губами, но и руками, и даже бортами взброс метавшегося паль-

то. Шел неестественно распрямленно, задирая голову так, словно вот-вот обнаружит визир.

- Долго еще? – потребовал Парамонов.

Герман Ефимович чуть не споткнулся.

- Сейчас,- показал на проредь берез, - вон дотуда дойдем. Там и есть.

Но проредь берез открывала не просеку, а болотце. Вересковый кустарник, осока и сосенки-недоростки, завитые хлопьями снега, гнулись вершинками и сочились, словно бы плакали на ветру. Заборов огруз в прохрустевший подтал, выдернул валенок, сдался назад, и вся фигура его с растерянным взмахом ладоней, мокрой шапкой, похожей на птичье гнездо, и губой, оттопыренной, как ступенька, объявили о том, что сделал он все, что умел.

- Значит, привел? – сухо выдавил Парамонов. И Герман Ефимович дрогнул, увидев в потных его глазницах глубокие с синей окальцей глаза.

- Сам не пойму, что такое со мной? – признался Заборов и неестественно пошутил: - Мозги, видно, залило простоквашей.

Парамонов поморщился, взрачное с крупными скулами и крутым подбородком лицо его обнажило гримасу:

- Что дальше?

- Не знаю, - честно признался Заборов и с тайной досадою вспомнил редины с медведем, куда бы сейчас он, пожалуй, вернулся, знай бы только, в какой она стороне.

Распечатав пачку «Столичных», Парамонов стрекнул по бумажному дну, и сигарета ловко влетела в губы. Прикуривая, он проследил за метнувшимся дымом.

- Прогноз погоды утром не слышал?

Заборов сказал:

- Ноль градусов обещали.

- А ветер? Ветер какой?

О ветре Заборов не слышал, вернее, слышал да не запомнил. Однако считал, раз он теплый, с мокром, то и дует, наверное, с юга.

- Южный! Южный! – И постарался понять: для чего Парамонову это надо?

- Может, помнишь и азимут лесовозки?

Азимут Герман Ефимович помнил. Слава Богу, схема всех лесовозных дорог висит у него в кабинете, и он изучил ее наизусть.

- Девяносто – сто градусов! – улыбнулся. Наклонился Игорь Олегович, прочертил на снегу комельком осинового ветки как направление ветра, так и дороги.

- Сообразил: где мы есть и куда нам надо?

- В сам деле!

- Тогда догоняй! – сказал Парамонов и, повернув от болотца направо, пошел подминать затрещавший ивняк.

Шли они долго. Верно или не верно, однако старались двигаться так, чтобы ветер хлестал им в затылок. Но ветер в лесу переменчив, то дует в спину, то вдруг в лицо, а то и совсем затихает, и Герман Ефимович, утоптавшись, в конце концов, перестал понимать, сколько прошли они, сколько осталось, и есть ли смысл вообще куда-то идти? Начинало смеркаться. По низу леса, в еловых ветвях вырвалась зеленая мгла, понуждая думать о чем-то угрюмом. На ум Заборову снова явился охотник. «Малина моя, мог бы и выстрелить, - желчно посетовал на него. – Куда мы теперь? Идем по южному ветру, а может, он северный или восточный? Не было, как говорится, печали. Может, придется в лесу ночевать... Но, но. Это я зря. Рановатенько сдался. Так не положено. Так нельзя. Нас обязаны оты-

скасть. Кто обязан? – Заборов поежился. – Может, охотник?»

Герман Ефимович плюнул. Перед ним в трех шагах ступал Парамонов. Его он взялся оберегать от неприятностей на охоте. «Оберегатель не получился. Получился шатай-раздолбай», - обругав себя, Герман Ефимович скис, затужил, вскоре увидел, что отстает и с жарким пыхтеньищем, поднял живот, который сползал со штанами куда-то к коленям, и участил свой прибежистый шаг. «Отдохнуть бы!» - подумал. Но Парамонов шел резким шагом упряма, который, если повел, так будет вести до конца. Фуфайка на нем сидела подогнанно, плотно, из ватного ворота выстала крупная шея, прикрытая сверху обрубом вспотевших волос. «Парамонову что,- позавидовал с грустью Заборов, - бывалый охотник. Не в таких передрыгах бывал. А я? Кто я? Сидячий мешок. Сижу месяцами в своем кабинете. Двигаюсь мало, ем до отвалу. Тут поневоле наешь животишко. Только с моим животишком по лесу и рыскать. И с чего это я увязался вдруг за медведем? Обожаю охоту? Вот-вот, как собака батог. И ружье-то имею лишь для того, чтоб висело оно на стене да на тот крайний случай, если кому из приезжих гостей влезет в голову блажь побродить-поохотничать в деревьях. Гости любят чего? Чтобы рядышком был кто-нибудь из старых знакомых. Заборова все почему-то знают. Знают, что я никудышный охотник, однако дай им меня. Видимо, я из общительных, с кем бывает легко и занятно. Лучше всего я умею устроить банкет, рассказать анекдот, создать соответственно случаю настроение. Такие в народе не пропадают. Однако в лесу...»

В лесу раздавался сырой гул вершин. Гул тяжелый и беспрерывный, намекавший на тщетность попыток людей

когда-либо выбраться на дорогу. И еще в этом гуле была мрачноватость, тайком подавлявшая волю и ум. Казалось, весь мир задавила еловая теснота, дыша мозглой сыростью несвободы, и чтобы в ней как-нибудь сохраниться, надо было идти и идти, понимая, что ты зависишь не только от мокрых, уставших с грехом пополам поднимавшихся ног, но и от собственной воли.

- Не могу, - простонал Заборов и, поймав за приклад надоевшее хуже болезни ружье, завалился в сумет.

Парамонов остановился. Взглянул на Заборова с тихим укором. На этот укор Герман Ефимович дернул губой, желая что-то сказать, только слов не нашел и покаянно ёрзнул плечами, мол, я не хотел, да уж так получилось. Сидел он, устало сутулясь, как зимняя галка, и весь его вид выражал желание отдохнуть. Голове было жарко. Он снял растрепанно-мокрую шапку, подставив под снег длинные пряди волос, которые были белые и сырые, как несварившаяся лапша.

Увидев это, Игорь Олегович вскинул двустволку. Выстрелил вверх. Не дождавшись ответного выстрела, закурил.

- Что же ты, Герман Ефимович?
- Нет больше мочи.
- Надо найти.
- Для чего?
- Для того, чтобы выйти.
- Но мы же, Игорь Олегович, заблудились!
- И что же ты предлагаешь?

Заборов повел глазами по лесу. Ветер стихал. Снежинки падали мельче и реже. Однако от нижней нависи веток все шире и шире распространялся настой нарастающей тьмы.

- Идти, так идти, - Заборов поднялся. Нырря плечами то вверх, то вниз, Герман Ефимович шел меж деревьев. Шел, хватая руками стегавшие вицы и ощущая гаденький стыд. «Надо же так осрамиться! – переживал. – Как обо мне будет думать теперь Парамонов? А самому? Самому каково? Как это раньше себя я считал человеком оптимистичным? В деле-то я никудашненьким оказался. А может, таким был и раньше? Был, да не знал, пока не прижал этот случай...»

Герман Ефимович был расстроен. До таких, как Игорь Олегович, кто одним своим видом являл порядочность, выдержку и упорство, было ему далеко.

Заборов не помнил, как часто он спотыкался, набирал голенищами валенок снег, слушал тресканье веточек по прикладу. Он был поражен оупелым оцепенением, когда слабеют все мысли и чувства, сникает душа и среди многих, побитых гнетущей тоской желаний трепыхается только одно - куда-нибудь, но скорее прийти, скорее!

Заборов не сразу поверил, заметив, как Игорь Олегович взмахом руки показывал резко направо, где за еловым звеном огорожи, копешкой соломы и одиноким приплюснуто-низким гумном угадывалась деревня.

- Кажется, нам повезло! – сказал Парамонов.

- Да, да, - согласился Заборов и, позабыв про натертости ног, про голод и про усталость, таким бодрячком приударил вперед, что обогнал Парамонова, вырвался в поле, приметив вскоре сквозь сивые сумерки несколько старых строений. Вид деревушки был неказист, но он успокаивал, утешал, настраивал сердце на благодарность к хозяевам этих простеньких изб, которые их тут не ждут, но которые будут им рады. В этом Заборов был убежден, как и в том,

что сразу для них найдется какой-нибудь транспорт, и через час, много – два они попадут в Еловец.

В деревушку Заборов вошел через длинный с черной банькою огород, за которым громоздко темнел нежилой пятистенки. Напротив, через дорогу с замком на дверях стоял магазин, сдавленный справа и слева завалами досок. Заборов приблизился к магазину, и тут под полами его пальто, ниоткуда возмись, завизжала, как на огне, сухомордая собачонка.

- Дамка, уймись! Закрой орало! Не разоряйся!

Заборов мешкотно развернулся и увидел в соседнем дворе, за поленницей толстошеего мужика в стеганой куртке с откинутым капюшоном.

- Послушайте, - начал было Заборов.

- Здря! – перебил толстошей, не сомневаясь, что Герман Ефимович хочет попасть в магазин. – Продавщица в район уехала по товар.

Подошел Парамонов:

- Приятель, скажи, Еловец далеко отсюда?

Мужик показал на тот самый лес, из которого только-только они подвалили:

- По прямой верст пяток, а по дороге – все десять. А на кой он вам?

- Значит, надо, - сказал Парамонов. – А как добираетесь вы туда?

- Кому как способней.

- А все-таки? – снова спросил Парамонов.

- Больше ходим пешком.

- А начальство какое есть? – продолжил Заборов, решив Парамонова заменить.

- Есть.

- Председатель колхоза?

Мужик усмехнулся:

- Будет вам жить он в экой дыре!

- Бригадир?

- Бригадира не. Есть бригадирка.

- И где же она?

- Бока калит на лежанке. Простыла. В поту, как в аду.

Вон в этой храмине живет. – Мужик кивнул на высокий, в обнове бревен под окнами пятистенок. – Не заразитесь только. Болезнь приставучая у нее.

К бригадирке Заборов пошел один, настояв, чтобы Игорь Олегович покурил, дожидаясь его под крыльцом пятистенка.

- Ко мне никакая зараза не пристаёт! – сказал Парамонову с бодрой улыбкой и ныром скользнул в коридорную темь.

Бригадирка стала спускаться с лежанки, как только услышала громкое: «Здрате!», которое Герман Ефимович произнес, обращаясь одновременно к сухолицему мужику в долгополой, поверх брюк рубахе в горошек, и к русской печи, где приметил крупную с яростно-красным лицом и воспаленными веками бабу.

Бригадирка слезла с печи, поглядела на мужа:

- Давай-ко, Паля, налей самовар!

- Нет! Нет! – отказался Заборов от самовара. – Некогда нам! А то бы со всем удовольствием! К тому же я не один! С Парамоновым! Очень высоким начальством. Вы, я вижу, больны? – Заборов кивнул в сторону рослой с мужскими плечами хозяйки. – Неудобно вас беспокоить, но нам, понимаете, надо добраться до Еловца. Может, как-то поможете нам?

- Чем она вам поможет? – вмешался хозяин.

- Машиной, - сказал Заборов, или, на крайний случай, лошадкой.

- Лошадкой никак, - ответила бригадирка, - как сдали на мясо двенадцать годишек назад, так без них и живем. А машиной можно. Только она в городе. Покудова не вернулась.

Пригорчился Заборов:

- Что же нам? Что же?

- А вы ночуйте! – снова вмешался хозяин.

- Ага! – поддержала его бригадирка. – Оставайтесь! Побеседуйте с нами!

Побеседовать Герман Ефимович был не прочь. В этом деле он – настоящий профессор. С глазу на глаз, конкретно или абстрактно, за вечерним столом, с лесорубами на делянке, с первым ли встречным, с кем угодно и сколько угодно мог бы он поливать словесами, лишь бы только ему внимали. Однако сейчас ему было не до беседы. Там, под крыльцом пятистенка, его дожидался Игорь Олегович, и он с сожалением улыбнулся:

- И рад бы, да времечко, время, малина моя... - Он позабыл, что хотел и сказать, так как взгляд его ненароком поймал телефон. Подбегая к нему, спросил:

- Работает?

- Ровно с радива подает!

- Как деревня-то ваша?

- Изониха.

Герман Ефимович поднял трубку. Минута потребовалась ему, чтоб связаться с конторою лесопункта и, услышав голос Трофимова, сообщить, куда за ними надо приехать.

Не знали хозяин с хозяйкой, что атмосфера приготовлений была для Заборова милой стихией.

- Вот что, Паля! – поймал хозяина за рубаху. – Из-под земли, а найди! На вот! – нащупал в кармане десятку.

Паля денег не взял.

- Есть у нас! В холодочке!! – открыв шкаф «Свяги», достал оттуда бутылку «Сибирской».

Герман Ефимович хлопнул в ладоши:

- Что и надобно доказать! Айн момент! – улыбнулся хозяину и хозяйке и нырнул в холодные сени – позвать Парамонова на согрев.

11

Сходив к рябине за топором, Саблин начал отаптывать снег, намечая дорогу там, где могла бы проехать лошадь.

Было два часа дня, однако редина, кусты, облака над макушками елок принахмурились, как в предвечерье. Замелькали в воздухе снежные хлопья. Ниоткуда взялась крылатая тень, прометнулась и, выкрикнув горлом, как может выкрикивать лишь голодающий ворон, нырнула меж веток.

- Учужал поживу, - сказал Валентин.

- Тут и есть. На готовое рад. На то и стервятник, - Саблин вернулся к туше медведя, разделся до пояса, снова оделся, а майку, которую снял, накрутил на стяжок, воткнув его тупиём в подмерзлую землю. – Человечиной пахнет. Небось, не посмеет.

Отдавая шоферу ружье, Венька сказал:

- Будь руженосцем!

Валентин засмутился:

- Я бы тоже мог порубить.

- Топор есть?

- Не.

- Так какой же ты рубщик!

Топор поблескивал, с хряском вонзаясь в сушняк, вицелоины и ольшаник. Хороших деревьев Венька не трогал: их можно было и обойти. Прорубил сотню метров – в руках набухла горячая тяжесть. И эта тяжесть была предвкушающе-сладкой: напоминала работу, какой занимался всю жизнь и опять к ней вернулся, правда, пока не с моторной пилой, а с простым топором, топорище которого так и ходило в его ладонях. Шел он, заранее метя взглядом, какое деревце лучше срубить. Съезжала шапка, и он повернул ее так, что один калаух хлестал по затылку, второй – болтался вверх-вниз, открывая буграстый с зализамми лоб.

- Погреться-то дашь? – спросил Валентин, когда разошедшийся рубщик пробился к визиру и собирался было без отдыха двинуть вдоль заметенной тропы.

Венька взял у шофера ружья, отдал топор, глянул в лицо проясненно и чисто, как смотрят после стакана крепкого чая, и улыбнулся:

- Поработай-ко-счись, разбодрись!

Шофер едва не вприпрыжку, бодрым шажком заскакал по кустам. Топор тюкнул раз, тюкнул два и давай выколачивать дробь. Саблин подумал: «Спешлив, да смешлив. Через четверть часа папоротки надсадишь». Венька сочувственно усмехнулся, всем его существом завладело чувство опеки, и он приготовился взять у шофера топор.

Но прошло с полчаса. Валентин все с тем же старанием продвигался по створу вешек. Мерцавший в снежинках топор стал, казалось, стучать еще чаще, точно пробовал доказать, что попал в настоящие руки, из кото-

рых не хочется уходить. Удивился Саблин: «Эстоль задора! Рубит, ровно в четыре руки. А выносливости-то сколь? Ну, отлёт! Где он этому научился? Да, поди-ко, нигде. Такому не учатся. Такое берут у родителей по наследству».

Просеку вел Валентин широко, не только лошадь могла проехать, но, пожалуй, и грузовик. Венька шел с сигаретой. Курил и думал: «Во бы с кем мне на валке-то постараться! Да не-е. Не я Валюху открыл. До меня. Парамонов. А может, кто и другой. С таким отлётом не пропадешь. Такие в высокой цене у начальства. Бери их с собой хоть куда. Они тебе и костер, и ночевку, и всё на свете...»

Топор стал выстукивать реже и глуше. «Устал», - понял Венька и вдруг с горячим мужским состраданием изумился, приметив, как мал и тщедушен шофер, особенно ноги его в коленках настолько тонки, что, казалось, еще один шаг, и они переломятся, будто ветки. «И дети такие же у него», - почему-то подумал Саблин и дернул плечом, снимая с него на локоть обе дустволки.

- Хватит, Валюха! Гуляй!

Шофер смущенно остановился.

- Чего?

Венька весело объявил:

- Скороспелка бойко растет, еще бойчей пропадает!

Валентин был выжато-мокрый и красный, будто только что вышел из бани.

- Мужиком быть – дело нелегкое!

- Во! Во! – подхватил с удовольствием Саблин. – Им надо не столь родиться, сколь изловчиться!

Венька вытянул шею из ворота телогрейки, стараясь вслушаться в говор вершин. Разобрал отдаленный шумок мотора, боркот коника и цепей.

- Лесовоз протаранил, - кивнул Валентину, - а и лошадь должна. Подойдет, а дороги нема. Э-эх, зарублю! – Топор сверху, с косым поворотом вонзился в податливый ствол. Заломались сучки. Все у Саблина было в движении: ноги, плечи и голова, а лицо, искаженное парой морщин и поджатыми внутрь губами, выражало строгость азартного мужика, который отдался работе и, словно глухарь на току, упоен ей, как собственной песней.

Несколько раз Валентин канючил у Веньки топор. Но Саблин, будто его и не слышал – рубил и рубил. Надо было быстрее. Он не мог допустить, чтобы лошадь пришла до того, как они для нее прочистят дорогу. И он торопился, ширя визир от стеснивших его можжевельников и ольшинок.

Прорубившись к зимнику, Саблин взглянул на часы. Ровно четыре.

Завечеревшие тучи шли низко, набухая густой синевой. Темнело не только в лесу, но и на длинном взъеме дороги, по бокам которой кипел нагретенный угольником снег.

- Сейчас подъедут, - Венька снял отсыревшую шапку, провел исподом по мокрой груди и забрался вслед за шофером в Фольксваген.

Валентин удивился:

- Вроде, их тут и не было. Вон, гляди, ни рюкзак, ни портфель не задет. Да потом, у шефа ключи от машины. Наверняка бы на ней укатил.

Саблин сходу предположил:

- На лесовозе махнули. Вышли, наверно, к дороге, а он тут и есть. И увез их с веселой душой. Так что, Валюха, пока они там на рысях к нам спешат, перекусим чего-нибудь.

На перекус ушло каких-нибудь десять-пятнадцать минут. Сунув в рот сигарету, Саблин сладенько затянулся:

- Много ли нашему брату надо? Поразмял костьё, поел, покурил – и добро!

- Сейчас бы домой! – возмечтал Валентин.

- Эк, незадача, будешь и дома. А вот, Валюха, скажи мне: был бы на свете живой настоящий Бог, не тот, кому наши старухи молятся, а он вроде бы их и не слышит, а тот, что у него ни попросишь, он то для тебя и содеет. Чего бы ты для себя попросил?

- Зарплату в три раза боле, - ответил шофер.

- А я бы его уломал, - Венька ласково умилился, - чтоб он меня через сотенку лет оживил. Хотя бы на пару минут – зыркнуть в полглаза: какая она там стала житуха?

- Зачем? – изумился шофер.

- Интересно!

- Это же, Веня, ненатурально.

- Все одно охота узнать. На наших правнуков поглядеть. А, Валюха?

Валюха высунулся за дверцу, стал слушать мозглую тишину.

- Черт его знает! – сказал с расстройством. – Ну, где они? Где?

Саблин выбрался из машины.

- Может, они заблудились? – предположил Валентин.

Венька спорить не стал.

- Пожалуй.

- Тогда их надо искать!

- Надо. Да только не на ночь глядя.

- Ждать до утра?

- До утра.

- Но они же замерзнут?

Венька думал не больше секунды:

- Гони! -- И вытянул руку в белую муть задорожных лесов, за которыми прятался Еловец. -- Может, они там чаи распивают? Узнаем хоть точно.

Шофер заморгал:

- А если их нет?

- Тогда передай Трофимову, чтоб посылал по медведя лошадь!

- А с ними-то? С ними-то как?

- Пропасть не дадим!

Валентин вставил ключ зажигания.

- Ну, а ты?

- Этта останусь, на всякий случай.

Автомобиль, полоснув прожекторным светом, взлетел на дорогу, дал крен поворота и, проурчав, пропал в темноте.

Саблин поежился. Странно стало ему, неловко и напряженно, точно кто-то следил за ним из-за елок. Пройдясь по свежему следу колес, оглянулся туда и сюда. И догадался, что сбило его с покоя от резко нахлынувшей тишины, которая тем и была неприятна, что выплывала из темноты. «Не хватает мне, чтобы волки еще завыли», - насупился Саблин. Он добрел до еловой опушки, наломал охапку сучков, выбрал тихое заветёрье и привычно, как делал тысячу раз, подпалил под костром кренделек запищавшей бересты. Хорошо, когда рядом огонь, у которого можно согреться, высушить ватник, носки и штаны, расположиться барином на колоде и, размяв уставшими пальцами сигарету, прикурить ее от костра. Ветер, видно, свернулся, притих до утра. Снег не падал. Запахло нагретой ватой.

Померещилось Веньке, будто и птицы, и звери, и вообще все живое куда-то ушло, оставив в лесу лишь нагие деревья, суметы в кустах да берлогу под выскорнем-пнем и того большого медведя, который так храбро спасался и все же не мог спастись от людей. Поморщился Саблин: «За ним еще ехать... Мороки же будет. Да неизвестно, как лошадь пойдет?..»

Саблин поднялся с колоды, прошел в холодок. И тут на полого спускавшемся небе увидел фигуру громадного человека, который стоял, будто тень, среди туч и, склонив большую голову в шапке, кого-то высматривал на земле. Саблин развел ладони по сторонам. И великан их развел, едва не заняв руками все небо. «От я даю!» - осклабился Венька и, повернувшись виском к костру, услышал игрушечный рекоток. «Валюха!» - понял по золотистому всполоху фар, покотившемуся над лесом.

Фольксваген не съехал еще с дороги, а Саблин, взглянув на искусственно-красное от приборного света лицо шофера, определил: в поселок охотники не являлись. Но все же спросил Валентина, едва тот, выключив двигатель, выбрел на снег:

- Нету?

- Нету.

- А с медведем чего?

- Велел без медведя не возвращаться. Послал по лошади какого-то Висю.

- Виську, грызи его плешь! Завхоза!

В ожидании лошади Саблин вернулся к костру. Привалился спиной к березе.

Было тепло и покойно, рядом, обняв руками колена, сидел Валентин. Шофер показался ему примелькавшимся, в доску своим, как если бы знал его Венька с самого дет-

ства. В душе у Саблина зазнобило, едва он подумал, что мог сегодня его и угробить.

- Каково там, Валюха, на том-то свете? – спросил.

- Даже не помню. Наверно, там нет ничего.

- А я вот помню. Тоже раз было такое. Так я с женой-покоенкой тамо встречался. Ходил с ней по самому краешку неба. И только бы взять ее руку в свою, как возьми да и оступись. Падал на землю целые сутки...

Шофер разговора не поддержал. Саблину сделалось скучно, и он подзатих, а вскоре клюнул, приткнув подбородок к голой груди в отвороте фуфайки. Сказалась бессонная ночь, и Венька, зажмурив глаза, провалился в ласкающий сон.

Осторожно и робко, как скорлупа, ломались каленые угли, посвистывал пар, вылетая с искрами из-под сучьев. Потом тишина. И вдруг тупое и грубое буханье конских подков, скрип копыльев, привязчивый голос:

- Ишь, размори вашу жизнь! Приклеились, ровно на печке!

Валентин виновато поднялся, а Венька выставил руку ладонью вперед, как загораживаясь от жара:

- Чего расшумелся!

Грудастая, в вороную масть кобылица по кличке Цыганка, жуя губами колечко узды, встала возле костра.

Сюда же, спрыгнув с саней, подскочил и проворный завхоз. В затянутой бабьим ремнем фуфайке, стеганых брюках и валенках с толстой подпяткой, Виссарион был похож на караульщика лесобазы, который здесь потому, что ошибся дорогой.

- Я что! Я ничего! – зачистил он, искательно жмуря косые глаза. – По мне бы и вовсе сюды не ехать. Да как? Кому-то, кажись, ведь и надо. Правильно, верно я!

- Волков не боишься?

Завхоз засмеялся:

- Это с тобой-то? С тобой-то лешева в шкуре не испугаюсь! С тобой я, Веня, готов...

- Хватит вздорки молоть! – перебил его Саблин, почувствовав, что завхозу, по меньшей мере, нужна минута, чтобы выразить комплимент. – Айда-ко! Садись! Я пойду в поводу! – И, намотав на правую руку кольца вожжей, пошагал серединой проруба.

- А я? – спросил Валентин, удивленный тем, что о нем позабыли. Саблин взмахнул рукавицей:

- Давай в легковуху! Чего зря шагалки вихать! Шпарь в Еловец!

Виссарион, едва в роспуски заскочил, как тут и начал мучаться от поездки. Его швырнуло вперед, после – взад, хорошенько стегнуло кустами и стало захлестывать комьями снега, который взлетал из-под ног вороной, залепляя усы и горло. Ослепленно моргая, завхоз закарабкался к заду саней.

- По такой дороге только жмуриков и возить. Покуд жив, надо слезти. – И он, вывалившись на снег, суетливо поднялся и, рвя на косых срубках пней подпятники валенок, бросился вслед за санями. Боясь остаться в лесу один, Виссарион умоляюще вытянул руки, намереваясь сказать, чтобы Венька вел лошадь не больно ретиво. Но только открыл окруженный усами мохнатенький рот, как тут и споткнулся, и перешел поневоле на бег. Бежал мелковатой рысцой, как задохшийся песик. Падал. Вставал. При этом серчал на родителей, вспоминая отца и мать: «На кой прах с короткими ножками сочинили. Век свой и мучайся из-за них. Догоняй таких долгодонов, как Венька. Черта лысого их догонишь...»

На речину Виссарион прибежал запаренный, как ма-
рафонец. Саблин дал ему отдышаться. Сам, пихнув в кар-
ман пропахшие лошадей рукавицы, выправил вожжи и
закурил.

Начинало морозить. В прояснившемся небе, будто в
черной запруде под мельничной сланью, хищно щерилась
пасть бледно-белой луны. Был поздний вечер. Задавлен-
ный тьмой и озвученный гулом деревьев, он, казалось, со-
чувствовал мертвому зверю и, скорбно жалея его, выво-
дил на макушках и ветках свой погребально-унылый
причет.

Медведь был не особо тяжелый, пудов под девять, од-
нако поднять одними руками возчики не смогли. При-
шлось вырубать сухие жердины и только, выважив тушу
через колоду, свалили ее на разводья саней.

Завхоз потрогал рукой по загривку медведя, уставился
взглядом на Веньку.

- Сколь тебе за это заплатят?

Саблин не знал. Назначать самолично себе оплату, не
доводилось. Да и мысли об этом не возникало. Сколько
дадут ему, столько и примет. Не его голове об этом ту-
жить.

- Твое-то какое дело?

Виссарион облизнул калачик усов:

- Мое это, правильно, никакое. А все же думаю про
себя: чего с этим мясом ты ладишь делать?

- Не я хозяин ему.

- Кто же тогда? – удивился завхоз. – Вон шофер гово-
рит, что ты отличился. Кабы не ты, ушел бы Мишка от вас
из-под самого носу.

- Мало ли кто там чего говорит. Нас четверо было.
Значит, на всех и клади.

- А шкуру?

- На кой она мне. Бери, коли надо. Шубняк хоть сошьешь для своей Евдокии! – Саблин насмешливо хохотнул, представив бабу в медвежьей одежде.

- Веня?! Ты это всерьез? Да ежели выйдет, как ты говоришь, доусмерти упою!

- Лишнее это! – Саблин задумался на мгновение, потом встрепенулся, хватил завхоза рукой по спине так, что тот, огорбатеясь, присел. – Слушай. Виська! Даешь мне полсотни? Я с понедельника - в лес. Через полмесяца будет аванец. Верну!

- Баш на баш?

- Говорю!

- А горожане твои?

- Что они? Все, как надо. Найдутся.

- Да я о другом.

- А-а! О шкуре! Да брось! Как и мне, до лампочки им эта шкура! Возни с ней, такой нечесаной и вонючей... Тебе отдаю!

Завхоз улыбнулся. Он был доволен. Так дешево и легко доставалась медвежья шкура. «А Веня дурак, - отметил Виссарион, - мог бы эти полста взять с меня безо всякой отдачи. Ну и дубина.

- Тогда я сам, как приедем, ее и сыму.

- Ладно, Виська! Хватит нам с тобой талалакать! Пора и домой! Веди теперь ты Цыганку!

Виссарион мотнул головой, мол, все понимаю, все правильно, рад стараться. От мысли, что не придется больше дробить в потемках прогивной рысцей, лицо его расцвело. Он поднырнул под рыло кобылы, укоротил витками намерзшие вожжи и неторопким старушечьим шагом направился к елкам.

Небо снова взялось облаками, а заснувший поселок был тѣмен от выключенных огней, когда вороная свернула к дому начальника лесопункта, единственному жилью, где с огорода горел в два окна электрический свет. Встречали Веньку с завхозом возле раскрытых ворот. Тут был и Трофимов, и Валентин, и Заборов, и Парамонов. При виде охотничков-потеряшек Саблин не мог удержаться от беглой усмешки:

- Живые?

Ему никто не ответил.

Трофимов принес электрический кабель с патроном и лампочкой в двести свечей, повесил на спицу в стене – двор осветился, открыв высокий, из досок забор, багажник машины по-за сарайкой, складку новых тесин, а на ней баррикаду из ящиков и кадушек.

Саблин провел Цыганку в ворота, накинул вожжи на зубчик заборной доски.

Медведя стащили с саней. И не успел он еще привалиться к земле, как из оскаленной пасти хлынула кровь, марая валенки и перчатки. Запах крови был тяжек и свеж. Кобыла глотнула его, как отраву, - и морда, звеня удилами, вскинулась вверх, обрывая с забора вожжи. И в то же мгновение лошадь метнулась, сшибая роспуском мужиков, да так неожиданно и опасно, что кто-то свалился на тушу медведя, кто-то присел, а Трофимов, сгружавший добычу с саней, здесь же, в розвальнях и остался, взмахнув ногами над передком.

Калеча полозя об угол крыльца, кобыла пустилась вдоль кадок и ящиков к огороду.

- Держи! – приказал неизвестно кому соскочивший с медведя Заборов.

А лошадь неслась уже огородом, таща на санях обломки забора, который, как борона, бороздил по земле.

- Тпрр-ру-у! - тужился в крике Трофимов, хватаясь рукой за головку саней. Но кобыла ему не внимала. Дикое взяло в ней верх, и она, ослепленная страхом, скакала кругами, таща сани так, что их заносило, кидая с треском то на забор, то на выступ бревенчатой бани.

Стоявший в разломе забора Виссарион суетливо и час-тенько бормотал:

- Изуродует, изломает или оставит без головы.

Парамонов с Заборовым мрачно молчали. Шофер для чего-то махал кулаком. А Саблин ощупывал взглядом разметанный двор.

Черная грива кобылы стелилась, словно крыло покалеченной птицы. Слышался храп и тупой стук копыт. Трещали копылья, и несколько досок швыряло по роспускам так, что было еще удивительно, как Михаил Петрович от них отбивался.

Виссарион по-старушечьи ойкнул: от складки тесин к огороду в обнимку с кряжом, точно в драку, бежал раскрасневшийся Саблин.

- Ты с ума! – прокричал изумленный завхоз.

Но Венька не слышал. Все его существо было там, в огороде, где, разбивая полозьями землю, носилась, не зная, куда себя деть, лошадиная смерть. Человек, чья жизнь зависела от кобылы, мог в любую секунду вылететь из саней и остаться навек уродом. И на эту опасность Саблин не мог смотреть, как свидетель. Он был взвинчен почти сумасшедшим порывом, швырнувшем его навстречу оскаленной морде, подковам, дуге и убийственно-

твердым торцам оглобель. «Искалечу кобылу», - подумал с досадой и метров с пяти пустил под копыта внакат по гряде покотившийся кряж. А сам за миг до удара виском об оглоблю прыгнул в сторону и назад. Цыганка споткнулась, но не упала и вновь устремилась в диком скачке, да сдержал ее кряж, ударив по задним ногам и выюном завертевшийся меж полозьев.

Секунду замешкалась лошадь. И Венька успел подскочить, заграбастать за морду и, круто сдаваясь, схватить в обе руки обрывок вожжей.

Пахло взрытой землей, конским потом и взмолотым снегом. Саблин стоял, дожидаясь, пока не пройдет у кобылы выпляска ног, дрожь под кожей и гневное ржанье.

Подходили Заборов и Парамонов, за ними – завхоз и шофер. Все они были в эту минуту простецкими мужиками. Казалось, это родные братья. И пришли они тоже к брату, который нечаянно пострадал. И каждый из них был готов его чем-то утешить, а если надо, то и помочь.

Но помогать Трофимову было не в чем. Он слез с саней без единой царапины, не хромая, и только руки в черных перчатках прыгали каждым отдельным пальцем, однако и это должно было скоро пройти.

Тут к Веньке приткнулся Виссарион.

- Уведу во двор! – протянул было руки – взять кобылу за вожжи.

Саблин мотнул головой и погашенно улыбнулся, где-то в душе его отдалось участием мужика, которому жаль любого из этих людей, кто бы мог невзначай пострадать. И казалось не Саблин, а это участие и сказало, когда он повел кобылу на поводу:

- Я уж сам. А то кто его знает...

На хозяйственный двор, где, кроме трех лошадей, стояло с десяток коров, Венька пришел только-только живой, ощущая в себе такую усталость, точно медведя везла не кобыла, а он. Распряг Цыганку, освободил от упряжки, поставил в денник. Потом принес из дощатой пристройки охапку зеленого сена. Затем и вторую решил принести. Захватил уже было ее руками, да в грудь, голову и глаза ударило всполохом лета. Мягко ударило и блаженно, сбилось с ног, повалив мужика на живот, и Венька, чуя в себе глухоту безвольного тела, сразу отдался жадному сну.

Очнулся не скоро. Было темно. По шороху сена над головой и тихому храпу определил, что он на конюшне. «Сморило», - сказал, поднимаясь, и вышел в ворота.

Поселок сидел в потемках так глухо и затаенно, точно хотел в них упрятаться навсегда. Венька ступал, оскользаясь.

За длинным забором, сквозившем полосками света, слышались стук, кряхтенье, говор и гомон. Казалось, сама суетливость распорядилась людьми, заставляя их заниматься секретной возней. Саблин лязгнул кольцом калитки, сделал шаг, забирая глазами всех, кто тут был.

Трофимов орудовал топором, разрубая тушу на части. Заборов, мурлыкая песенку, складывал мясо. Шофер относил его к желтой клеенке, постеленной возле крыльца. Виссарион на карачках ползал вокруг перевернутой шкуры и что-то делал на ней ножом. Парамонов курил, вероятно, и он бы хотел чем-нибудь подзаняться, однако ему не давали. Удивился Венька, не обнаружив в себе ни обиды, ни злости, ни раздражения. «Почему?» - постарался понять. И не мог. Зато почувствовал: надо мириться с тем, что живут на свете разные люди, такие как Парамонов, Заборов, Трофимов, завхоз и шофер, с кем судьба для того

всех вместе их и столкнула, чтобы каждый мог разглядеть сам себя и понять: насколько он для других привлекателен или несносен.

Михаил Петрович отставил топор, посмотрев на Веньку с неодобрением:

- Мы уж тут все почти сделали, ночь не спали. А ты?

Саблин вытащил сигареты.

- Я спал.

- Мяса-то надо, небось?

Шапка у Веньки сама поехала по бугристому лбу, а лицо отвердело суровостью мужика, который что-то не понимает.

- Мяса? – угрюмо спросил.

И Михаил Петрович сообразил, что разговаривать с Саблиным надо иначе.

- Ладно, ладно, не будь петухом. Возьми-ко лучше топор.

Забирая топор, Саблин посетовал на себя, что и он подключился к этой возне. И он старался с ней поскорее покончить, чтоб взять свою долю и сразу уйти. Впрочем, Трофимов был прав. Сделано было все до него. И Веньке дали топор для проформы, чтобы и он поучаствовал в суете.

Распластав последний мослак, Венька нагреб ворох снега, растер до воды и старательно вымыл ладони. И тут внимание Саблина привлекла рука Валентина.

Шофер на коленях сидел возле шкуры и пальцами правой руки щупал мех. Щупал так старательно и жестоко, что казалось в руке его бился котенок, которого он душил и не мог задушить. Венька спросил в полголоса у завхоза:

- Чего это он?

- Проверяет на прочность.

- На кой это надо. Шкура-то, вроде, твоя?

Виссарион спустил с усов к подбородку большую улыбку:

- Ихняя, Веня.

- Ер-кородер! Я же тебе ее отдал!

- Отдал да не свое! – подъерыкнул завхоз.

Венька сердито выломал брови.

- Омморошили?!

- Правильно, верно.

- А я разберусь! – Венька вспльчиво повернулся и, пройдя полдвора, шаркнул ногой по распластанной шкуре.

- Не себе ли хочешь? – спросил у шофера.

Ответить вызвался Парамонов, выйдя к Саблину из-за машины. Был он такой же широкий в плечах и высокий, как Венька, только постарше его, поосанистее и толще. «Чего это он?» - загорелся в глазах у него неприятный вопрос. А секунду спустя и ответ загорелся: «Нужна компенсация за услуги».

- Сейчас! – сказал Парамонов и обернулся, коротеньким сдвигом бровей подзывая Заборова к шкуре. И когда тот, пышкая, подошел, посмотрел на него с укоризной.

- Вы что же, товарищи дорогие, - Игорь Олегович мягко кивнул головой на Веньку, - ему ничего насчет шкуры не объяснили?

Саблину стало неловко, и он отошел вглубь двора, уселся на вылом забора и закурил.

Игорь Олегович, проводив его взглядом, сунул руку в карман, где бумажник.

- Надо бы как-то с ним рассчитаться.

- Не беспокойтесь! – Герман Ефимович жестом ладони остановил порыв Парамонова вынуть бумажник.- Все сделаем в лучшем виде! Прямо сейчас! – И пошел-побежал, трепыхая лапами пальто. Подхватил на ходу Трофимова за рукав, отвел подальше его к воротам:

- Как с охотником-то решили? – тихо спросил.- Надо бы что-то. Старался, малина моя.

- Все предусмотрено! – бодро заверил Трофимов и, улыбнувшись, как улыбается человек, желающий сделать приятный подарок, сам придержал Заборова за рукав: - А насчет посидеть? Насчет водочки под печенку? А, Ефимыч? Уговори!

- Сомневаюсь, - сказал Заборов. – Парамонова не собьешь. Лучше даже и не пытаться. Ты же знаешь его. А словцо за тебя я вставлю.

Трофимов вздохнул:

- Я тоже тебя не забуду! – И снял свою руку с руки начальника ОРСа. Затем повернулся и зацепил жестким взглядом Виссариона.

- Выпишешь Саблину, стал быть, наряд за какую-нибудь хозяйственную работу, - сказал, подойдя вплотную к завхозу. – Заслужил мужик. Надо.

Виссарион кивнул. Под усами его, как сквозь лес, прокабалась опытная улыбка. Кивнул и на пару с Заборовым начал сгибать чуть подмерзшую шкуру, стараясь ее не испачкать мездрой.

Хлопнула крышка багажника. Шофер и Заборов уселись в машину. Уркнул мотор. Кажется, все было сделано так, чтоб никто не остался в обиде. Мясо поделено на шесть частей. Шкура свернута и уложена в задний багажник.

Парамонов сдернул с правой руки перчатку и подошел к мужикам. Благодарно стиснул ладонь Михаилу Петровичу, после – завхозу. Повернулся было и к Веньке. Да тот убрал свою руку в карман. И рука Парамонова стиснула воздух. Усилием воли Игорь Олегович выжал искусственную улыбку.

- Обижаешься?

Саблин дернул плечом.

- Сожалею.

- О чем?

- О том, что гладко живешь и житье на вытьё не сменяешь.

Парамонов надел перчатку, не показав никому, что слова мужика ударили в самую душу. С чувством смятения Игорь Олегович грузно уселся в Фольксваген.

- Гони! – приказал шоферу.

Над бампером вспыхнул малиновый свет, и машина, давя переметы, шмыгнула с легким рокотом в зимнюю ночь.

Морозило слабо-слабо, точно дразнило. Однако дышалось легко. В воздухе плавала волокнистость, в которую были погру-

жены дома и бараки, заборы меж ними, заснувшие птицы на ветках, дорога с сугробами по краям да ущербный осколок луны над поселком. Ночь неподвижно висела над миром, отдав человечеству все свои сны, и жили в ней, прикасаясь к покою, высокие штабели бревен над зимней рекой, иссиня-темная, мраком забитая кромка недалевого леса, да он, Венька Саблин, ступающий по дороге. Сзади послышался оклик:

- Мясо-то, мясо-то заведи!

Но Венька не обернулся. Он шел домой, ощущая приятное облегчение. Словно сбросил с себя обузу и сразу почувствовал прочность свободного мужика, которому роль услужителя не подходит. Душу его подхватило рывком и взметнуло в такую огромную высь, что он увидел всю Землю, и где-то на ней, на самой ее середине - одетого в ватник и валенки мужика, в груди у которого ровно сияла любовь ко всему, что он потерял и сейчас обратно себе возвращает.

Часть третья

1

Забродили соки земли, выгоняя наружу нежные травы. Весна! Особенно жаркими были два дня, за которые Ляля разбухла и посинела. А на третий день стал трещать и лопаться лед. Тысячи ручейков потекли из белевших снегами лесов, впадая в реку, которая стала в три раза шире, чем летом.

На четвертый день, когда льдины пошли шипящими косяками, с правого берега, где таился темнеющий ельник, к левому, на котором стоял Еловец, поплыла рогатая голова.

- Лось! Лось! – понеслось от воды, где проворная стайка ребят трелевала саками рыбу.

Вскоре на берег высыпало десятка два мужиков и баб.

Саблин сидел на девятом венце недорубленной бани. Он первым увидел, что зверь попал в западню. Дергаясь мордой от проносившихся льдин, заплыл в белоснежное сало и, ослепленный, начал метаться, ослабевая. Тут же его прибило к торчавшему из воды топляку. А нависшая где-то чуть сзади над льдиной льдина съехала вниз и уперлась лосю в рога.

«Ёр-кородёр! – всполошился Саблин, откладывая топор, - сейчас ведь потонет». Он прыгнул на землю, поднял веревку, которой затаскивал бревна, и споро спустился к реке.

Перед ним расступились. Кто-то вдогонку:

- Пустое, Веня! Не выволочь! Зря!

Саблин с разбегу вскочил на льдину, одной стороной вылезшую на берег, другой – окунувшуюся в реку. Собрал веревку в несколько колец, сделал провислую петлю и хотел уже было швырнуть, да почувствовал: не добросит.

Рядом, шагах в четырех проплывала большая, но рыхлая льдина. Все так и ахнули, когда Саблин взлетел над водой, перепрыгнул, но поскользнулся и тут же пошел вместе с нею ко дну. Когда поднялся, льдина осела, и он оказался по пояс в воде. Льдину несло возле лося. Примеряя петлю, чтоб кинуть ее поточней, Саблин сделал шаг под водой. Послышался треск, с каким льдина раскалывалась на части. Проваливаясь, Саблин выбросил руку, и петля змеей оплела рогатую голову зверя.

Посельчане устали на стремительно плывшие по воде ледяные разломки. А потом и на Веньку устали. Все-таки он не остался в подводной хляби реки и вызволился оттуда. Кто, смеясь, кто, ругаясь и матюгаясь, наблюдали за тем, как он плыл в снежной жиже, шумно отплевываясь от льдинок. Плыл он грузно, с веревкой в руке, которая дергалась, извиваясь.

У самого берега Саблину помогли – взяли веревку и в несколько рук стали тащить на себя. И-и! Топляк наклонился. Стукнуло по нему под водой костяное копыто. И лось подался, поплыв среди рыхлого сала туда, куда направляла веревка.

На берег он выходил на дрожащих ногах, хотя и большой, но какой-то весь слабый и жалкий, не способный сопротивляться крикливой кучке людей, в которой видел опасность.

- Куда его? Может, на трактор да в город, а там к Садовишенскому, на бойню?

- Лучше, едрена-ворона, сдать в зоопарк!

- А как ты его? До этого зоопарка? По воздуху, что ли?

- А что! Воно, в Африке даже слонов перевозят на вертолете!

- Кончай базарить! – К сохатому подошли братаны Чечулины Шурка и Ваня, коренастые, в кепках с длинными козырьками, оба уверенные в себе, со смеющимися глазами, знавшими лучше всех, куда и зачем уведут они зверя.

Саблин, лежа на теплой гальке, пока поднимал свои ноги в набухших кирзовых сапогах, выливая оттуда воду, глядел вдогонку братанам, как те повели за веревку сохатого вдоль реки, а потом - и к белевшим на взгорышке трем недостроенным баням, где и пропали из глаз.

Как и плотники-избострой, сидевшие с топорами на срубках, эту белую, из отборного леса баню Саблин строил не для себя. Подрядил их на это строительство Михаил Петрович Трофимов, выполняя заказ приезжавшего в их поселок зама главы Бумлеспрома Заборова, которому нужно было четыре бани - одну - для себя, и три – для солидных людей областного центра. У всех у них были загородные коттеджи с земельным наделом, где было оставлено место для бани.

Такая халтурка для мужиков, не имевших к весне постоянной работы, была очень кстати. Тем более деньги были обещаны сразу же, как будет построена баня. Кто первый ее закончит, тот первый их и получит. Это подстегивало, и каждый старался пораньше начать свой плотницкий день.

Саблину было жаль времени, которое он потратил на лося. Хотел сегодня поставить стропила. Но, кажется, не

успеет. Одежда на нем, словно он в Ляле и не кутался, нагрелась от солнышка и работы и вскоре стала сухой.

После обеда примчался Юрка, младший Ве́шкин сын. Он у него восьмиклассник. Забрался к нему на верхний венец. Взял топор и давай делать вырубь для стропил. Потом, сияя глазами, спросил у отца:

- Чего с сохатым-то будем делать?

Саблин не сразу и понял:

- А мы тут при чем? Его ведь Чечулины увели. А куда и зачем? Этого я не знаю.

- Но, пап. Ты чего? Он ведь у нас во дворе. Туда его привели. А мамке сказали, что это ты его изловил. Ты – ему и хозяин.

Какая уж тут работа после таких новостей! Саблин направился с сыном домой. По дороге расспрашивал:

- Как там, в школе-то у тебя?

- Нина Егоровна, ботаничка, говорила о наших елках.

- А чего говорить-то про них, коли, все их, вырубил вчистую, - сыронизировал Саблин.

- Вот и она тоже самое. А еще она говорила, что елки надо сажать. И предложила в эту субботу урок провести не в школе, а на делянке. Будем сажать там еловый подрост!

Саблин задумался. «Не биологу бы надо голову-то ломать над этим, а министру лесного хозяйства. Сколько вырубок зря пропадает, сколько бывших полей! А подрост, что сосны, что елки, тут и там, на каждой делянке. Бери их тысячами оттуда. Высаживай, знай. Занимай посадками бросовые уголья. За каждую елочку – десять рублей. Даже не десять, а пять. Я бы первый пошел на такую работу. Каждый бы день высаживал штук по сорок. И не только бы я, весь поселок бы ворохнулся. А глядя на

нас, и весь бы район. А там бы и весь деляночный север...»

- Нина Егоровна у вас - голова, - вымолвил Саблин, - быть бы ей не учителем, а министром.

Юрке смешно:

- Ну, папа, кто туда ее пустит?

- Это и худо, что ходу туда для нее не будет. А то, что вы елки начнете сажать – самое то! Был бы я восьмиклассник - тоже бы с вами...

Разговаривая, они не заметили, как прошли всю дорогу. При виде сохатого, стоявшего в глубине двора с насторожившейся головой и глазами, в которых светилась звериная дума, Саблин спросил у себя: « Ну, куда я его? Что я с ним?»

И Зинаида, выйдя из сеновала с оханкою сена, спросила его о том же:

- Слишком велик для нашего хлевушка. Куда мы его?

- Пускай постоит на воле, - ответил Саблин. – Там видно будет. Может, я его приручу, и он будет у нас, как лошадь. Хоть гряды пахать, хоть бревна возить. Как ты думаешь, Юрка, дело я говорю?

- Еще бы не дело! – Юрка горяч и азартен. Мысль отца ему по душе. Подхватывая ее, весело добавляет: - Может, завтра на нем я в школу поеду! Верхом, как наездник!

- Да он тебя сбросит в первую лужу! И печать на тебе копытом поставит, чтоб ты никуда из лужи не вылезал! – Это Вовка. Он только что с улицы. На большом, как у взрослого мужика, лице – ироническая улыбка. Считает себя остроумным и не упустит случая, чтоб не подтрунить над братом, которого ставит всегда ни во что.

Саблину важно понять: почему один сын о животном – с такой откровенной радостью и весельем, а второй – с нелюбовью и даже злом?

- Тебе, чего, он не нравится, что ли? – спросил он у Вовки.

Вовка так и уставился весь на зверя, пренебрежительно замечая:

- Конечно, не нравится! Он, как пугало, в нашем дворе! Такой рогатый и некрасивый! Да и воняет, как от болота! Была бы воля моя, я бы его в один миг превратил в пылающего танцора!

- Пылающего? – Теперь уже Вовку не понимает и Зинаида. – И почему в танцора?

- Да потому, что я бы горячкой его облил. И поджег! Во бы он выпрыгнул! Прямо в небо! И поскакал бы по улицам, как танцор!

- Ты с ума сошел! – в три голоса, как в один, вскрикнули Юрка, Саблин и Зинаида.

Сохатый продрог спиной, и копытом ударил о мягкую землю, точно услышал Вовку и он, и стало ему от этого неприятно.

- Ладно. Пойдемте отсюда. Шумим. Оставим его. Пусть от нас отдохнет, - бросив сено к ногам животного, Зинаида взошла на крыльцо.

А Саблин вернулся. Снял с головы сохатого спутанную веревку. Погладил его по широкой шее и подозрительно поднял глаза на чернильную тучу, откуда упало несколько капель. «Будет гроза, - понял он, - может, укрыть его чем? - И тут же коротко улыбнулся. – Это же зверь. А разве зверя кто укрывает?»

Дождь расходился, и Саблин взбежал на крыльцо. Стоял, зорко всматриваясь в поселок, там и сям устилае-

мый сумрачными тенями, сквозь которые пробивались электрические огни. Не просто поселок был перед ним, а нечто большее, уходившее вдаль и вширь на бесконечные километры, и в них, отражая себя огнями, высвечивалась, как совесть, насторожившаяся Россия.

- Как там лосик-то наш? - спросила его Зинаида, как только Саблин ступил за порог.

- Все нормально, - ответил он ей, - набирается сил. Отдыхает. Дождь ему нипочем.

Так и было. Уже на исходе ночи по нижнему слою несущихся туч протащился и верхний. Гремнуло. И в свете молнии лось разглядел ближний лес, который был для него притягательным домом. Постоял, повернув тяжелую голову к человеческому жилью, где серебристыми иглами падали в черные окна плети дождя, подумал о чем-то своим благородным умом и пошел огородами в лес.

Утром, увидев вместо сохатого прорезь следов от копыт, отпечатавшихся на глине, Саблин не огорчился. Так и должно было быть. Так даже лучше.

Подставив лицо порывам апрельского ветра, Саблин шел через весь поселок на Лялю, чтобы там, на высоком ее берегу забраться на сруб и продолжить строительство бани.

2

Поредел Еловец. И народу в нем стало мало. Кто уехал. Кто попрошайничал и спивался. Кто попался на воровстве. Оставались лишь те, кто на пенсии или в бригаде, кто держал корову и поросенка или жил за счет клюквы,

картофеля и грибов. И еще оставались универсалы, которых можно пихать на любую работу – то ли строить чего-нибудь по заказу, то ли лес дорубать в недорубленных лесосеках, где он не значился в документах, и можно было считать его неучтенным.

Это был уже тайный бизнес и занимался им Михаил Петрович Трофимов. Когда-то он был начальником лесопункта, теперь – ответственное лицо акционерной компании Лесбумпром, кому давалась из области разнарядка: куда, с кем и сколько везти заготовленный лес.

Трофимов умел оценивать обстановку и видеть будущее свое. Когда-то стремился попасть из поселка в райцентр, чтоб продолжить свою карьеру. Но тут в структуре лесных сообществ пошла сплошная неразбериха. И он решил: никуда не соваться, остаться там, где работал. Однако время от времени напоминать о себе, как о единственном в Еловце исполнительном инженеру, кто знает, что надо делать во имя будущего поселка.

Первым, кто Трофимова оценил, разглядев в нем полезного человека, был бывший начальник ОРСа Заборов, кто держал широкие связи со всеми чиновниками района, а потом, с переходом на должность зама главы компании Лесбумпром, стал своим и среди высоких чинов областного центра. К Парамонову Герман Ефимович мог зайти в любые часы.

- Ценное в этом Трофимове что? – вносил Парамонову в уши. – Умеет воздействовать на людей, исходя из сложившейся обстановки. Исполнителен и усерден. Словом, наш человек. Он нам будет очень полезен.

С подачи Заборова Парамонов и сделал Трофимова хозяином Еловца.

Многое изменилось в поселке за эти годы. Изменился и сам Трофимов – стал солиднее, скрытнее и хитрее. И видел будущее свое не в поселке среди вымирающего народа, а в районном маленьком городке, где строил каменный дом с гаражом, водоемом, садом и баней.

Квартиру в поселке менять Михаил Петрович не стал. Ни к чему. Тем более жить собирался теперь в райцентре. Через месяц-другой особняк его будет готов. Станет ездить туда и оттуда на собственной Ниве.

Дома – порядок, покой. В холодильнике все, что надо. И спиртное всегда на выбор: дорогая водка, армянский коньяк, чача, горилка, ликер и виски. Сам Михаил Петрович особо к вину не тянулся. Однако нужные люди бывали в квартире его частенько.

Смушала, правда, жена. В последнее время стала его Катерина чаще, чем надо, прикладываться к спиртному. И за гостями стала ухаживать так, как если бы кто-то из них был обязан за ней приударить.

- Жируешь, подруга, - говаривал ей не однажды Трофимов, - слишком сыто живешь. Может, тебя на особый режим? Без всяких там балычков, рюмочек и колбасок?

- Спасибочки, - огрызалась жена, - я кто у тебя? Женщина без изъяна. И жить должна так, как хочу, а не как заставляют.

Трофимов не спорил. Жена устраивала его. Была она очень приметной. Округлые плечи, локти, как два батона, и эта зовущая грудь, что пробивалась сквозь платье с наглым вызовом и напором – все было в ней и сдобным, и аппетитным, как у дворянки-барыни из романа.

В Еловце она славилась тем, что была самой яркой бездельницей, никогда никуда не спешила, любила поспать и поесть, и все у нее получалось успешно и ладно. К

тому же была она доброй, и многие нищие бабки, которым тайком от мужа совала она десятки, благодарили ее, желая ей оставаться такой постоянно.

Детей у них не было. Всего скорей виноват был в этом Трофимов. В постели была Катерина горячеей. Настолько горячеей, что муж ее преждевременно млея и слабя. Но она никогда его в этом не упрекала. Зато в глубине запряжанных чувств мечтала о грубом мужчине, который однажды возьмет ее всю, и она, ни о чем не жалея, сполна испытает греховную страсть.

Впрочем, такое уже состоялось. Нечаянно. В это же лето. Как-то Трофимов велел Катерине съездить на глади, где было болото, надрать для строительства бани с десятков мешков долгогривого мха. Глади в трех километрах от Еловца. Дорога туда лишь зимой. Потому и отправил Трофимов бульдозер.

Драла Катерина мох не одна, вместе с Сажиним – здоровенным, лет сорока пяти трактористом. Потому и управились с делом поспешно. А после сидели на мягких мешках. О чем-то болтали. Было тепло, даже жарко, и как-то так получилось, что Катерина нечаянно расстегнула пуговицы на платье, и грудь, обнажась, вся так и выплыла, нагло сверкая на солнце своей крутизной. Сажин было смутился, однако глаз не убрал и жадно вонзился взглядом в распах ее платья. Катерина, само собой, поняла, что она задела Сажина за мужское.

- Может, позагораем? - Сказала ему, и стала снимать с себя платье.

И Сажин, краснея, стал раздеваться.

Ах, какой он был крупный и сильный, ну точно сам бык с поднимавшейся в нем немереной силой. Она отдалась ему сразу. И наслаждаясь запретной любовью, впер-

вые за всю свою жизнь испытала жадную женскую нена-
сытность.

Случилось такое в начале июня, месяц назад. С тех самых пор не было дня, чтобы она не вспомнила эти глади и эти мешки с теплым мхом, и этого мощного тракториста, так близко склонившегося над ней, что ближе, пожалуй, и не бывает.

Был ранний вечер. Солнце стояло еще высоко, играя лучами на лужах, налившихся от дождя, вслед за которым в поселок ввалилась парная истома.

Катерина скучала. От нечего делать она с одного открывала матовый холодильник, наливая себе за рюмкою рюмку. И тут услышала тракторный лязг. Повернулась к окну. «Генерал!» - узнала волнистоволосого, в красной футболке, с плечами, как у штангиста, высокого тракториста. Открыл калитку и по тесовым мосткам, вдоль куртинки цветов – к крыльцу.

Катерина знала его Глафиру, как вздорную с громким голосом тощую бабу, которая вечно была недовольна - и тем, что живут они кое-как, и что нет у нее работы, и что супруг приходит домой подшофе. Василия же ее знала она, как кота, кто тайком от жены время от времени пропадал в покоях какой-нибудь посельчанки.

Катерина заволновалась, когда тракторист ступил за порог, и по лицу его с мягкой бороздкой на подбородке скользнула стеснительная улыбка.

- Мне б Михаила Петровича. - тихо сказал.
- Его нет, - ответила Катерина.
- Тут дело такое...
- После расскажешь, - посоветовала она.
- Тогда я пошел...

«Не уйдешь!» - подумала Катерина и, потянувшись руками, вынула из зачесанной головы черепаховую гребенку.

- Я сегодня немножко пьяна, - как похвасталась, - и тебя угощу.

Засмутился мужик. Все же рядом была не простая бабенка. А жена Михаила Петровича, слишком жесткого человека, кто был не только начальник, но и ревнивый супруг, не допускавший и мысли, что Катерина может ему наставить рога.

- Ни к чему, - отказался он, - я ведь, кажется, не за этим.

Но Катерина открыла уже холодильник. И фужер со стола взяла. Налила до краев коньяка. И себе налила, но в рюмку.

- Хочу с тобой выпить на брудершафт!

Сажин махнул рукой, мол, чего уж тут, подчиняюсь. И сразу выпил. А Катерина опять наливает и голосом сладким:

- Ну, почему ты такой непослушный! Я же сказала: на брудершафт!

Сажину было скованно, робко и неприлично. Но второй фужер коньяка и горячие губы наглой красавицы-бабы, чьи соломенно-белые волосы обмели трактористу лицо, сделали с ним такое, что он передернулся всем своим телом и ощутил, как по-черному, страшно и вольно заиграла в нем кровь. И опять, как тогда на мешках, стало Сажину сладостно и блаженно. Роскошная баба, право, требовала его. Обнимает его, приникая к нему руками, грудью и животом.

Прямо здесь, на столе в разметающемся халате, почти нагую, с бесстыдно раздвинутыми ногами он и принял ее,

погружаясь в такую прекрасную бездну, такой чудный рай, что забыл самого себя и понял, что лучшего в жизни, чем это, пожалуй, уже и не будет.

Потом он сидел, приходя в себя от греха.

- Не робей, Генерал! – Катерина смеялась. Ей было легко, шаловливо и дерзко. – Никто не узнает! Тем более мой муженек!

Говор бегущей машины врасплох ни которого не застал. «Нива» мягко остановилась, наехав одним колесом на крыльцо.

Трофимов, понятное дело, когда вошел в приоткрытую дверь, то хмуро насторожился, требующее пройдясь глазами по трактористу.

- Я, Михаил Петрович, - вымолвил Сажин, - пришел сказать, что нашел воровскую машину.

- Где? – встрепенулся Трофимов.

- За поселком. У бывших скатищ. Дожидается, гад, по-темок, чтоб по-тихому смыться и никто бы случаем не осветил.

Михаил Петрович чуть поугрюмел. В то же время и чуть посветлел. Весть была не из лучших. Лес воровали давно. Но чтоб кого-то застать с поличным, такого он не припомнит.

- Едем! – решённо сказал.

К речке Ляле, что огибала поселок большим коленом, и уходила потом, как по створу, на юг, они подъехали осторожно, чтоб не вспугнуть таившийся лесовоз, стоявший с края заброшенных скатищ среди черневших шишечками ольшин.

Оставив машины в тени от покрытого мхом и травой полусгнившего штабеля мертвых бревен, они подошли к лесовозу одновременно.

Сажин встал позади Трофимова, как его личный телохранитель. Михаил Петрович прутиком, как, играя, настойчиво поцарапал стекло у кабины.

- Кто такой?

Стекло опустилось, открыв лысоватого, в майке крупного мужика с насторожившимися глазами.

- Иван Караулов. А что такое?

- С проверкой! – зычно ответил Трофимов.

- С какой еще там проверкой?

- С такой, что я тут начальник. И это моя территория. Потому хочу знать: что за бревна везешь? От кого? И куда?

- Не скажу, - насупился Караулов.

В ладони Трофимова высветился мобильник.

- Тогда милицию вызываю!

Лицо Караулова помрачнело. Он утомленно вздохнул.

- Ладно. Мне что. Натё, читайте. – И протянул Трофимову накладную.

Михаил Петрович нешуточно изумился. Внизу накладной стояла подпись, где переломно, как, падая, - так расписывался лишь он – лежали восемь раздерганных букв: «Трофимов».

Прочел и уставился на кабину.

- Кто тебе это сунул? – Он потряс листочком перед шофером.

- Мой шеф!

- А как зовут его?

- Герман Ефимыч.

- Кто-о? Заборов?! – Трофимов похолодел, настолько дико было узнать, что за спиной его, словно тать, орудует тот, кого он считает своим консультантом. Но вслух воз-

мущаться не стал. Известие о лихой махинации первого зама компании было громоподобным и лучше об этом не знать пока никому. Лишние уши – лишние нервы.

Определенно, такие ходы Заборов делает не впервые. «Вот так и живут господа-чиновники Бумлеспрома», - подумал Трофимов и сплюнул.

- А лес тебе кто грузил? - спросил Михаил Петрович. Хотя и так было ясно, что бревна эти с нижнего склада и отгружал их, его же, трофимовский крановщик.

«Ну и дела. Вор на воре. И в тюрьму нельзя никого...» – Михаил Петрович вспотел от тяжелого передумья и, не зная, что делать, снова уткнул глаза в накладную. Стоял он под дверцею лесовоза и не заметил, как из нее вынырнула рука, три пальца которой взяли в щепотку читаемый им документ и тут же скрылись обратно в кабине.

- Э-э! – Трофимов смутился. – Ты чего это, Ваня! Куда-а? Ну-ко, живо отдай!

Караулов расхохотался:

- Не отдам!

- Отдай, говорят! – подстал, придвигаясь к кабине, и Сажин. И рванул посильнее за ручку, чтобы силой забрать документ.

Дверца даже не дрогнула, словно закрылась с той стороны навсегда.

- Всё, ребята! Поговорили! – Караулов принял решение, как десантник. – Некогда мне! – И стал заводиться.

По лицу Трофимова судорога прошла. Он не привык, чтобы с ним с такой наглостью обходились. И в ту же секунду стало ясно ему, что этого быстрого Ваню он не пропустит.

- Сюда его! – показал трактористу на штабель сгнившего леса, в тени которого прятался трактор. – Вставай перед ним! Загороди ему путь! – Рука Михаила Петровича описала круг, выразительно тыча в сторону старой дороги, по которой вот-вот был готов пойти лесовоз.

Минута, пока тяжелой побёжкой Сажин спешил к своему агрегату, взбирался в него и плюхался на сиденье, незамедлительно пролетела. Но Сажин был классным бульдозеристом, и вторая минута, когда он завел горячий мотор и направил машину так, чтобы встать впереди лесовоза, застала его у самой дороги.

Но и водитель не спал. Пуская лохмотья вонючего чада, включил передачу, и лесовоз покатил, отрезая бульдозеру путь.

- Тарань! – приказал Трофимов, да так свирепо, покомандирски он приказал, что Сажин почувствовал в нем жоака, которому можно лишь подчиняться. И бульдозер с поднятым грозно отвалом громоздко врезался в лесовоз.

Посыпались искры, колеса яростно засвистели, и Сажин, к ужасу своему, увидел бревна, которые грузно заборкотали и, дав перевес, всей своей тяжестью завалили машину на бок, опрокидывая ее.

Ревущий двигатель, бампер, колеса, рама, выхлопная труба взметнули кверху, и сразу пропали, с утробным плеском и грохотом бухаясь в воду.

Трофимов так и присел.

- Что ты наделал! – крикнул скачущими словами. - Ведь ты человека угробил!

Подождав, пока Сажин спускался на землю, он сделал к реке пару робких шагов. Пнул носочком ботинка по кому земли, и, когда тот упал в желтое месиво масла, воды и глины, тяжело и надсаженно застонал.

Плавали бревна. Вода, куда грохнулся лесовоз, кипела и пенилась, как живая. У среза реки торчали колеса. Кабина была под водой.

Сажин поежился. Он был не только растерян, но и раздавлен, словно этот огромный в четыре десятка тонн лесовоз лежал сейчас не на дне, а на нем, ломая ему суставы и кости.

Трофимов панически думал. Как ему быть? Ведь это ж огромных масштабов беда! Утопить, пускай и чужого, но человека! И за это придется теперь отвечать. Начнется служебная канитель. Разбирательство. Следствие. Суд...

Он огляделся вокруг. Ни души. Слышно было, как, раздирая кору, поднимались со дна между стоек еловые бревна и плыли одно за другим к рябившему стрежню реки.

- Генерал! - Михаил Петрович позволил себе улыбнуться, хотя улыбаться и не хотел. – Понимаю тебя! Наверно, думаешь о тюряге. Так и так, мол, туда собираться. Так вот, говорю тебе, как советчик, - не думай!

Сажин тяжело переступил с одной ноги на другую. Лицо его незаметно, но посветлело, выражая крохотную надежду на то, что Трофимов его не оставит в печали и придумает нечто такое, отчего ему станет не так погано.

Трофимов прошелся по кромке обрыва. Остановился и сделал четыре шага к дороге. И опять пошагал, но назад, параллельно реке.

- Это я для тебя, - объяснил, - обозначил зону твоей работы. Всю эту площадь – туда! – И показал на чернеющие колеса.

- Зачем? – не допёр тракторист.

- Чтоб никаких тут следов, и никто не узнал про эту могилу.

Суглинистая земля была податлива и мягка. Нож отвала брал ее глыбу за глыбой, торопливо сваливая в реку. Гремели катки с башмаками, двигатель пел, как поет горький пьяница громкую песню, перевирая ее мотив.

Лицо у Сажина было и жалким, и виноватым, с глазами, в которых сквозила тоска собаки. Мучался он оттого, что взначай утопил человека, и вот зарывает его в воде, как последний злодей.

Далеко за Лялей адело большое облако, а на нем румянился поздний закат, опускаясь сквозь лес куда-то за землю. В своей красоте и спокойствии вечер был бесподобен. Однако измученная душа не принимала его, пропуская мимо себя все чудесные прелести теплого лета.

Сажин сделал свою работу, свалив в реку целый берег. Сдавая бульдозер назад, услышал голос Трофимова, раздававшийся, как из ямы:

- Мил, Генерал! Слава те господи! Шито-крыто! Все концы теперь в воду! А на воде - полуостров. Гляди – тут и не было ничего. Ни лесовоза, ни этого Вани! И никто не узнает, где могилка твоя...

Последние слова Михаил Петрович пропел, радуясь делу, скрывшему преступление.

Сажин не стал вылезать из бульдозера. Сидел, разминая ладонями не отошедшее от расстройства лицо. Было ему непонятно: как это можно радоваться и петь, когда рядом зарыт человек, который только что жил, и вот загремел, провалился, сгинул. Сгинул вдали от дома, и никто из родных никогда к нему не придет.

Сажин вывел бульдозер к дороге. «Нива» с Трофимовым обогнала его и, клубя низкой пылью, скрылась за поворотом. Было сумеречно. На кольях забора играли вороны. «На земле, как в аду, - думал Сажин, - а может, еще

и гаже. Там в аду одни неживые, никому ничем уж не навредят. А что на земле? Страх, страх, страх. Сатана гуляет в обликии человека. И толкает таких вот, как я, в липучую грязь, от которой уже не отмыться. Что сегодня я натворил? Пил коньяк. Мял чужую жену. Человека убил. Простится ли это?..»

Бульдозер Сажин оставил около почты: здесь за ним могли присмотреть. В центре поселка, где мост над ручьем и курганная свалка древесного хлама, от которой тащило запахом то ли худого вина, то ли невызревшей браги, встретился Сажину Саблин, такой же громоздкий, как он, в просторной футболке, старых кирзовых сапогах, с пилой на плече, как морской автомат, торчавшей в сторону неба. Обрадовался ему Генерал, как собрату по невезенью

- Откуда? – спросил у него.

- С шабашки. А ты?

- С зарывашки.

Они понимали друг друга без слов. Улыбнулись невесело и расстались.

Дома у Сажина взрослая дочка, жена и ветхая, с палочкой мать. Все трое унылого вида, но вскипчивые на слово и вечно любившие поучать, отчего он старался их видеть как можно реже.

Он ступил на крыльцо. И стоял, разглядывая поселок.

Пролетели веселые ласточки, радуясь теплоту воздуха, небу и тишине.

По той стороне дороги прошла с водой от колодца в белом платочке и тапочках на босу ногу светловолосая Зинаида, жена Веньки Саблина, кому он завидовал, видя во всей ее тонкой фигуре, лице и даже походке какое-то скрытое обаяние, что всегда притягивает мужчин.

Где-то за старыми гаражами, где дремал березняк, выползли то ли белесые сумерки, то ли тени. Постояли, как обитатели леса, и вдруг поспешили к поселку, чтоб затопить вечереющим воздухом и летающих ласточек, и красавицу с коромыслом, и его Василия Сажина, стоявшего на крыльце, как караульщика ночи, которую он смиренно ждал, чтобы в ней забыться и раствориться и не чувствовать ничего.

3

На своей пятидверной Трофимов объездил всю ближайшую местность. Запал в голову разговор с Заборовым, когда тот еще по весне приезжал в Еловец, проворачивая дела по строительству бань.

- Местечко бы надо открыть такое, - глаза в глаза улыбался Заборов, - где бы было красиво, тихо и первозданно. И обязательно: лес, луговина, река. Просил об этом меня Парамонов. Мечтает в таком уголке построить себе деревянный дворец. Все-таки он и рыбак, и охотник, и возраст к 60-ти подходит. Денег на это он даст, сколько спросишь. У него эти деньги лежат просто так, он не знает, во что их вложить. А, малина моя? Порыщи, поезди, полюбопытствуй...

Ездил Трофимов по старым дорогам, просекам и проселкам едва ли не месяц. И вот как-то взял и свернул на расчистку, которую кто-то гнал от бетонки сквозь лес. И диво его охватило, когда он въехал на раскорчеванное угодье, напоминавшее луговину, которую с трех сторон окружал хвойно-лиственный лес, а по южному склону ее бежала река с островками и омутами. Река неширокая,

метров на сорок. Понял Трофимов, что это Ляля, когда-то сплавляли по ней хвойный лес. И домик он здесь разглядел. Красивый такой, недавно поставленный, видимо, кто-то в нем время от времени жил. И разные маленькие постройки, и огород, огороженный по-крестьянски, - все говорило о том, что открыватель этого места был человеком бывалым

В этот же вечер он позвонил Заборову на квартиру, сообщив о своей находке. Еще более удивился Трофимов, когда в субботу, буквально на третий вечер после звонка к нему в Еловец прикатил на джипе сам Парамонов – дородный, расплывшийся в шее и животе, с лицом, в котором проглядывала усталость.

За рулем его Джипа – тот же самый маленький Валентин, с кем сюда приезжал он лет 15 назад на медвежью охоту.

Решили сразу отправиться в эту местность. Тут и езды-то всего ничего. Пока ехали по бетонке, потом по грунтовке с низко срубленными пеньками и лапником в волглых ямках, Игорь Олегович успел закурить, но не успел выкурить сигарету, как машина остановилась, почти наехав на прясло недавно поставленной огорожи.

Парамонов еще из салона не вылез, а глаза его заморгали, в пол-взгляда забрав открывшуюся окрестность.

- Это же рай! – сказал самому себя, проходя по берегу к ближнему лесу.

Веселая вольная речка, елки на той стороне, сама луговина с черневшими тут и там корневыми кокорами пней, зеленые тени, что падали от опушки, запах прохладной листвы – все устраивало его.

- Но-о? – Парамонов взглянул на Трофимова недовольно. – Здесь, по-моему, кто-то живет? – И кивнул, чуть

прихмурясь, на белый домик, постройки и зеленеющий всходами огород.

Трофимов пренебрежительно посмотрел на обжитое место.

- Сегодня живет, завтра – нет.

- Это как? – недопонял его Парамонов.

- Что-нибудь да сообразим. Выковырнем отсюда.

Парамонов взглянул на Трофимова, как учтивый учитель на лихого ученика, поймав его на чем-то недопустимом.

- «Выковырнем», - не надо, а вот подумать-сообразить, это ты правильно, в самую точку. Надо так в этом деле пошевелить мозжечком, чтобы он, этот самый хозяин, уехал отсюда, не обижаясь. В наше время с такими делами успешно справляется только его величество Рубль. Заплати ему столько, сколько он спросит.

- Не знаю, - замялся Трофимов, - может, спросит он тысяч сорок.

- Сорок ему и отдашь. - Парамонов готов был к подобному повороту. Полез в карман пиджака и, достав пузатый кошель, отсчитал ровно 40 купюр. - Если мало – добавим, - И отдал деньги хозяину Еловца.

- Еще погуляем! – Игорь Олегович повернулся к реке, с удовольствием подставляя мягкому ветерку рыхловатое, с бледным натеком стареющее лицо, выражавшее благодушие человека, удачно закончившего работу, после которой можно и отдохнуть. И пошел впереди Трофимова берегом Ляли. Остановился шагах в тридцати от реки. Топнул желтым полуботинком, пробивая в дернине ямку.

- Вот здесь и постройте мне избушку. В два этажа. С 12-ю окнами на реку. Чертежи привезет Заборов. И деньги он привезет. Для начала тысяч 500.

Так быстро такие вопросы Трофимов еще никогда не решал. Он смотрел на первого мэтра компании Лесбумпром с обожанием и любовью, как глядят на щедрого богача, кто умеет не только сорить деньгами, но и спрашивать за работу, а если надо, то и наказывать, не щадя. Ясно было Трофимову, что эту стройку он не затянет.

- А из чего будем строить? Из кругляка? Или, может, из бруса?

- Из бруса! – сказал Парамонов

- Будет дороже.

- Не важно. Главное, чтобы домик был, как из сказки! И новоселье встретить в этом году!

Парамонов уселся в машину, только-только, что не счастливый.

Был поздний вечер. Играли тени и свет. Там, где сидилось солнце, были зеленые сумерки, там оставалось само бывшее, там шли друг за другом остановившиеся века.

И вдруг из теснины осин на прорубку вышел с большим рюкзаком на спине высокий мужик. Валентин улыбнулся, узнав в нем того Веньку Саблина, кто когда-то спас ему жизнь, застрелив взбесившегося медведя.

- Игорь Олегович! – Голос водителя был взволнован - Это же Сабля! Тот самый охотник! Остановиться?

- Нет, - Парамонов мотнул головой. И тут же почувствовал неприютность, вспомнив ту давнюю зимнюю ночь, когда во дворе Трофимова потрошили медведя, и этот охотник не пожелал на прощанье пожать ему руку и на вопрос «Обижаешься?», усмехнулся: «Сожалею, что гладко живешь и житьё на вытьё не сменяешь».

Было видно, как Саблин шагнул чуть в сторону, уступая машине путь. При этом лицо его было сердитым,

словно спрашивало у них: «Кто такие? Чего вам тут надо?»

Парамонов чуть шевельнул уголочками губ, посадив на них снисходительную улыбку. «Вот кто тут поселился. Получается, я претендент на его территорию. Да-а. Не хотелось бы мне такого соседа. Впрочем, чего это я? Не хотелось, так и не будет. Все решено. Все схвачено. Не моими мозгами думать о том, как изгнать отсюда этого человека...»

Успокоился Парамонов, вычеркнув Саблина из своей головы, как помеху, которая раздражает. Стекло у дверцы было приспущено, и Игорь Олегович всем своим обонянием, всей кожей лица принимал в себя остро пахнущий лесом ласкающий воздух, а в нем и дорожный покой. Веки его расслабились. С кончиков губ ушла снисходительная улыбка.

4

От леса кормился весь лесопункт, и была эта жизнь достаточно сытой, никто на нее никогда не роптал. Но когда это было? Не в прошлом году. И не в прошлую пятилетку.

Наступила пора прозябания тех, кто не мог устроиться на работу. Едва лесопункт распался, каждый второй оказался без дел. Исключение составляла комплексная бригада, уезжавшая время от времени в лес на вахту.

Заготавливать, трелевать, отправлять древесину туда, куда повелит разнарядка из Лесбумпрома – всем этим циклом командовал Михаил Петрович Трофимов. Одно-

временно он регулировал вывоз того неучтенного леса, который сбывал наезжавшим в их Еловец представителям разных коммерческих фирм.

Михаил Петрович знал людей своих хорошо. Допускал к потаённому бизнесу самых надежных, кто свой нос не сует не в своё. Вальщик, трелевщик, шофер лесовоза – вот три фигуры, которые делали то, что прикажет им он. Чаще всего становились ими Саблин, Сажин и Ваня Чечулин.

Деньги шли в карман Михаила Петровича косяками. Было их много. За какие-нибудь полгода обзавелся он новенькой «Нивой» и носился в ней по поселку, как черт, пугая пенсионеров.

Михаил Петрович, хоть и сумбурно, но сознавал, что стал мошенником маленького масштаба, что, угнетая своих подчиненных, ведет себя слишком смело и многим рискует. Знал, что его за глаза ненавидят, в глаза же к нему – с пристойностью и улыбкой. И это устраивало его. Главное, думал он, оставаться на должности, чтоб никто никогда с нее его не спихнул. Потому что без должности быть ему, как и в юные годы, снова безденежным и безликим.

Но пополз по поселку слушок, дескать, наше начальство путает лес государственный с лесом личным, и что об этом известно уже в департаменте, и оттуда вот-вот нагрянет с проверкой контроль.

Слухам Трофимов не очень-то верил. И все же решил от греха отойти. Росчерком ручки по документу все неучтенные бревна вывел в учтенные, а добытчикам леса, работавшим на него, посоветовал отдохнуть до тех пор, пока не найдет для них нового дела.

Непривычно и странно видеть в центре поселка среди бела дня возле закрытого клуба отдыхающих мужиков. Сидят на скамье с прочно поставленными ногами в горячих резиновых сапогах. Курят и не торопятся никуда, убивая ненужное время.

- Ну, куда мы теперь?

- А прах его знает.

- Хоть выходи на большую дорогу...

Унылее нет человека, оставшегося без дела. Какое-то время Саблин ходил по поселку, справляя шабашки. Кому-то распилит дрова. Кому-то выправит баню. Потом и шабашить не стал. Заманил к себе дедовский хутор, где у Саблина были уже и собственный домик, и огород, и маленькие постройки. Впервые сюда он пришел четыре года назад. В ту пору с работой, как и сейчас, было прескверно. И вот как-то вечером, размышляя о том, о сем, неожиданно вспомнил старого Елизара. Вспомнил со слов своей матери. Та когда-то рассказывала ему о нем, и о бабушке Варе, и об отце, и чуть-чуть о себе. Рассказывала с такой стеснительно-кроткой улыбкой, с такой жалостью и любовью, как если бы все они были живы и скоро встретятся для того, чтоб никогда друг с другом не расставаться.

Думы, думы... Они-то и стронули Саблина с места, толкнули его за пять километров на бывший дедовский хуторок. Сначала сбродил он туда просто так. Ознакомиться, присмотреться. Потом явился с бензопилой.

Здесь, как в запятанном государстве, где струилась спокойная Ляля, в бегущие воды которой смотрелись с крутобережья осины и елки, Саблин вытвердил для себя: «Коли нет работы в поселке – тут ее будет невпроворот...»

Саблин дернул пускач. И пила, как, ругаясь, взломала застойную тишину. Роняя первую из осин, он уже знал, что будет здесь ставить свой дом. И место расчистит для огорода. И дорогу прорубит сюда через лес.

Пластался он целый день. Перед тем как пойти в Еловец, вскипятил на костре кружку чая. Кружка и раньше была его спутницей в переходах, которые он совершал по лесам, заготавливая на недорубах тот самый лес, который значился неучтенным. Кружка была литровая, и он варил иногда в ней похлебку, но чаще всего заваривал ягоды, листья и стебли, которые были всегда под рукой.

Пахло щепками и рекой. В прореди елок за Лялей, как золотистые пилы, порхали полотна вечерних лучей. Саблин уселся на спиленный пень. Взял кружку с чаем, поставил, как башенку, на колено, и стало ему комфортно, будто сидел не на вырубке, а в хоромях, где на десерт подают душисто заваренный чай. Было спокойно, и в голову, мягко пьяня ее, лезло бывшее.

Кто он такой, Вениамин Алексеевич Саблин? Внук хуторянина Елизара, кого в 30-м году приписали к кулацкой верхушке и вскоре отправили по этапу куда-то на Воркуту. Виной тому было разросшееся хозяйство – две лошади, три коровы, десяток овец. Были заводец, где из берестовой скалины гнали деготь, своя маслобойня, мельница на реке, теплая, с печью, столярная мастерская, в которой хозяин по зимней поре мастерил на продажу осиновые долбленки, плел еще из нащепленной драни корзины и бураки. За Елизаром явились в позднюю осень, когда с берез отлетали последние листья. Увезли в его же собственном тарантасе. А хозяйство с живностью, домом, постройками и полями передали колхозу. Жене арестанта, еще не старой, в зрелых годах Варваре Ивановне Сабли-

ной жить на хуторе воспретили. И она с восьмилетним сыном Алешей, будущим папой Вениамина, перебралась в Еловец, где им выделили жилье в пустовавшей избе, хозяин которой, тоже попавший в число кулаков, бежал неизвестно куда и назад не вернулся.

Как и многие вдовы, оставшись без средств и кормильца, Варвара Ивановна стала ходить с топором на делянку. Десять лет обрубала сучки. Сын Алеша рос с добрым сердцем и с годами стал для Варвары Ивановны в помощь.

Мать не могла нарадоваться тому, что сынок вышел весь в своего отца — крупно скроенным, сильным и работающим. Вскоре стал он ходить в лесосеку. С топором и лучковой пилой. Возвращался домой только после того, как выполнит норму. Такое ценилось и ставилось даже в пример. Появились в доме достаток и деньги, на которые были куплены самовар, медный бак для воды и иссиня-серый, военного кроя с двумя накладными карманами китель. Жить бы так им и впредь. Да вмешалась война. Алексея призвали.

Возвратился в поселок он в 45-ом. Варвару Ивановну не застал. Умерла. В том же памятном 45-ом Алексей женился на дочке бухгалтера лесопункта миловидной, с робким характером крайне стеснительной Катеринке. Здоровьем Катя не отличалась. Пять раз приносила она детей, и все они, не успев встать на ноги, умирали. И только последний, шестой ребенок, радуя мать и отца, оказался живым. Маленький Веня рос крепким, ничем не болел, ничего не боялся и стал для родителей баловнем и утехой.

Однако век у родителей был недолог. Отец работал в лесу на валке и однажды не уберется. Комель спиленной

им осины, прыгнув с пня, развернулся и, падая, с маху ударил вальщика в грудь. Больница спасти лесоруба была не в силах.

Веньке было в ту пору четыре года. И Катерину, до этого не работавшую нигде, вынудило пойти в контору просить какой-нибудь работенки.

Без специальности женщина в лесопункте годилась лишь на подхват. Потому и катала она по слёгам пиловочный лес или пни корчевала под лесовозку, в лучшем случае, отгребала с путей пилорамы кору и опил. В 40 лет сорвала на спине становую жилу. Поболела неделю и отошла. Саблину было тогда 14 лет. Один-одинешенек в целом мире. Куда ему было деваться? Разумеется, в лес.

Костер потухал. Саблин не стал его оживлять. Ельник за Лялей, качая макушками, шел и шел куда-то на юг, пока не смешался с мреющим горизонтом, откуда, подкрашенная закатом, летела веревка красных гусей.

Давно ли Саблин шумел здесь пилой, одно за другим укладывая деревья, под которыми млела когда-то живая земля, отвоеванная у леса старательным Елизаром. И вот вместо леса – зеленая луговина, на краю которой, как парус, белел поставленный теремок, уставясь веселыми окнами на реку, где, усевшись на краж, как матрос, проплывал дерзкий ястреб-тетеревятник.

Четыре года ушло, чтобы выполнить эту картину. Саблин здесь ночевал и дневал. Там, в Еловце, была у него зависимость от работы. Здесь же не он от нее зависел, а она от него, потому и справлялся он с нею радостно, как художник, отдавая работе весь пыл.

Иногда приходила сюда Зинаида. Помогала сажать огород, собирать в лесу рыжики и бруснику. В дни ее посещения Саблин испытывал скрытую нежность, и было

ему желанно видеть чистое, как у девушки, без морщин и дряблых пометин лицо, и ладно сидевший на ней сиреневый джемпер, под которым, как белка, пряталась чуткая грудь, слышать, как она говорит, нажимая на «о», поправляет рукой прядку светлых волос, отправляя ее с невысокого лба куда-то за шею.

Перед сном они отдыхали на лавочке около дома. И раскладывали, как карты, мечтательные слова.

- Заведем корову, а может, и лошадь, - планировал Саблин.

Зинаида не убавляла:

- Можно и поросенка. А еще бы лучше гусей. Они вольную воду любят. Вон тут сколько ее!

Саблин млел:

- Сад разведем!

- С цветами! – млела и Зинаида.

- Заберемся сюда на целое лето!

- Вместе с сынками!

- Да, с сынками. И будем жить припеваючи.

Зинаида смеется:

- Как кулаки!

- Нет! – не согласен Вениамин. – Кулаков выселяют.

- Но это раньше! При Сталине! – поправляет его Зинаида. – Что ты, Веня! В наше-то время? Это же дикость!

- Может, и дикость. Это я так, не подумав... - Саблин покладист и добродушен. Очень рад, что жена у него с мозгами и знает не хуже его, чем живет сегодня простой человек, надеясь, в первую очередь, на себя, а потом – на идейных вождей и уж, в крайнем случае, – на начальство.

Как всегда, провожал Зинаиду Вениамин рано утром по светлой росе. Провожал до бетонки, которая шла от поселка к райцентру. Тут Зинаида одна уходила домой. А

Саблин - обратно на свой хуторок. Здесь, как в очереди стояли, постройка бани, обшивка сарайки, устройство хлевушка. Бревна для этого разноделья были ошкурены и лежали на берегу в штабелях, подсыхая на солнцепеке.

Главный строительный материал – осина. Ее тут не вычерпать, как и море. К тому же была она прочной, легка в обработке, способна служить сорок лет, хоть в стене, хоть в крыльце, хоть в крыше, хоть в огороже.

Хорошо, когда руки сами хватаются за топор. А топор, словно желна на старой сосне, долбит и долбит, погружаясь в плоть податливой древесины. Поглядеть на строителя в эту минуту – значит, увидеть его переломные брови, под которыми светятся жарким азартом чуть прищуренные глаза, обегавшие сразу все то, что делает мастер сейчас, и все то, что будет делать через минуту.

Не только домик над Лялей, но и забор, и сам огород, где росли лук, морковь, огурцы и свекла, обустроивал Саблин с доброй душой, готовясь обрадовать всех, кто будет сюда приходить, как на праздник. А приходить, он уверен, будет и Зинаида. И сын его Юрка. «И пасынок Вовка», - чуть было не вымолвил про себя и вздохнул, сожалея о том, что не может думать о парне теплее.

Сколько раз он пытался наладить с ним сносные отношения! Даже брал специально на дедовский хутор. Неделю ходили они втроем. Отец, сын Юрка и пасынок Вовка. Вовка низенький, но широкий, с большелобым лицом, на которое нет-нет и выскочит что-то в себе скрывающая усмешка, а в ней, как в норе, тайно прячущийся подвох. Юрка, хоть и моложе брата на год, ростом был его выше, худой, с поворотливой шеей и очень живыми доверчивыми глазами, в которых таяла синева.

Юрка старался работать, как взрослый. Бензопила и топор в руках его не скучали. Вовка же, словно с надрыва, что бы ни делал, все неохотно, и вид при этом понурый и злой, будто его завалили работой, и он от нее изрядно устал.

Саблин терпел. Лишь однажды, не выдержав, рассмеялся:

- И в кого ты, Вовка, эдакой бубень?

- Не в тебя! – огрызнулся большак. - А в отца своего!

Саблин так и поник. Пасынок больно ударил его, попадая в ранимое место. И ответить на это ничем он не мог. Мальчик был – не подарок. Обидчивый, нервный, он давно затаил на Саблина злобу, ибо знал, что тот ему – не отец. Как и жена, Зинаида, Саблин скрывал от пасынка то, что его настоящий отец был в бегах. И знать, что Саблин ему не родной, было, конечно, парню не надо. Но нашелся сторонний, с улицы язычок, кто открыл недоростышу эту правду.

Саблин старался не обижаться. К тому же он очень хотел пробудить у пасынка интерес хоть к какому-то ремеслу, хоть к какому-то делу. Однако Вовка этого было не надо. Как был он скучающим в первый день прихода на эту стройку, так скучающим и остался.

Саблину было обидно. Ведь не работы он требовал от ребят. Со всеми делами здесь справится он и один. Любопытства хотел он для них. Любопытства к той жизни, которая в них и около них. Без любопытства может лишь бросовый человек.

«Неужто Вовка такой? Неужто беспутко?»- печалился он. И тут же радовался за Юрку: - Ничего ведь не заставляю. А гляди, как он шьёт топором! Руки, право, бегом! Видно, парень в меня... А Вовка? Тоже, значит, в отца?

Угрюм. Слова клещами не вырвешь. Молчит, как бирюк. Зато к ночи повеселеет. Потащится к уличным отморозкам. Дом для него – тюрьма. А улица – воля. А что в этой воле? Побранки, рысканья, свист и хохот. Словом, поиски приключений».

Саблин не удивился, когда увидел, что Вовка тюкает топором по бревну так, как если бы собирался сломать топорище или ногу себе подрубить. Он подошел к нему. Отбирая топор, показал на осиновую опушку:

- Сходи-ко лучше в болото. Моху надергай!

Забрав пару белых мешков из-под сахара, Вовка нехотя двинулся в лес. И пропал.

Часа через два, поставив с Юркой стропила на баню, Саблин отправился на болото. Ста шагов не прошел, как увидел пасынка, распластавшегося на кочке.

- Спишь, как чупа! – присвистнул и, плюнув в сердцах, возвратился назад.

А после обеда заставил Вовку убрать из-под тесаных бревен щепьё. Вовка только и сделал, что наклонился. И сразу отпрял, словно увидел на вземе ноги налезавшую на него лесную гадюку. Даже спнул сапогом, как бы стряхивая ее.

- Чего еще там? – потребовал Саблин.

- Скакухи! – Вовка зябко поежился, показывая на двух серых с прозеленью лягушек.

Больше Саблин его ничего не стал заставлять. Усевшись в светлую тень от дома, прищурил глаза. Невдали, над макушками елок, как чья-то потерянная душа, маячило рыхлое облачко, уплывая сквозь марево к Еловцу. Методично и сочно тюкал топор – старается Юрка. И выплеск воды от летящих ракушек, тоже старается, только Вовка, не зная, куда девать себя от безделья.

До вечера было недалеко, и Саблин прошелся по берегу до опушки, где скрылся в молоденьких елках и обомлел, увидев такое нашествие мелких маслушек, что встал, чтобы их не топтать. «Пусть порастут еще ночку. Утром приду».

Ребят он отправил домой, в Еловец, а сам задержался.

- Скажете мамке: завтра грибов на жаревое принесу, - сказал им вдогонку и поспешил с длинной удочкой к темному омуту под обрывом.

Здесь, шагах в сорока от крыльца, где дышала прохладой даже в жару трехметровая впадина Ляли, Саблин редко когда не вытаскивал крупных лещей. Эти лещи и стали подспорьем в семье, особенно в те незавидные дни, когда у них не было денег.

Облака над рекой. Плывающая с суком, как с рогом, сухая кокора. Берега с нырнувшими в воду колоннами елок. Сколько здесь неосвоенного, глухого!

Клюнуло. Поплавок повело, потащило вдоль берега. Саблин, как это делал тысячу раз, дернул удочку вверх и сразу почувствовал тяжесть сопротивляющейся добычи. Чтобы лещ не ушел, поднял его серебристую голову над водой, и тот поперхнулся от воздуха и затих. Рыболов спокойно вывел его на берег. За какой-нибудь час клюнуло трижды. Три леща серебрилось на берегу.

Вечер сгущался. И поплавок уже был еле виден. А Саблин сидел и сидел, не смея расстаться с тихой рекой, на которую опускалась погожая летняя ночь, принося с собой, как из сказки, небывалых размеров луну и покрытое тайнами звездное небо.

В Еловец Саблин выбрался к вечеру нового дня. Задержали маслушки. Было их густо, и все одинаково мелкие, как монетки. Часа три собирал, наполняя просторную, в пять крупных дранок корзину.

Зинаида была довольна.

- Все-таки ты у меня добытчик! – говорила, раскладывая грибы.

Саблин сидел за дымящимся супом. Ел с аппетитом и улыбался. Было ему хорошо. Зинаида то уходила куда-то на двор, то приходила. Приходила, как вынырнув из лучей, вся уютная, светлая, с высоко посаженной головой, аккуратно спеленанной красной косынкой. Усталость после пяти километров дороги с ношей давала знать о себе. Но прошла какая-то пара минут, и усталости нет. Саблин вглядывался в свою нестареющую супругу, поднимаясь душой, и думал: «За что же Бог меня удостоил такой женой? Красивая, что тебе верба в мае».

Потом они оба взялись за грибы. Высыпанные на стол, они пугали своим количеством. Слишком много и слишком долго с ними возиться, снимая с каждой маслушки скользкую оболочку. Однако грибы были первыми в это лето. Очень вкусны. И можно было их жарить и парить, и даже готовить из них консервы. Так что стоило покорпеть.

Саблин расспрашивал:

- Как тут у нас на поселке? Все так же?
- Все так же.
- О работенке какой-нибудь там не слыхать?
- Не слыхать.

Зинаида была одета, хотя и в опрятный, но старый халатик. Денег не было на обнову. Она, как и муж, была сейчас без работы. Хорошо, что держала трех коз. Молоко от них продавала приезжавшему через день из города на своем Москвиче пожилому ветеринару, у кого болела жена, и он брал его, как лекарство. На эти деньги пока и жили, и то, покупая один только хлеб.

- Как сынки-то тебе помогли?- спросила она.

- А как иначе, - ответил Вениамин, - только вот Вовка чего-то не слушается меня.

- Да и меня слушается не боле.

- Переходный возраст?

- Может, и переходный, - Зинаида сняла косынку. Повела тонкой шеей. Прошлась, поправляя, ладонью по волосам. Но те упрямо вернулись назад, развалив себя на два края. Этот развал волос и эта тонкая шея, выражавшие муку хозяйки, не знающей, как уйти от безденежья и забот, задела Вениамина, утяжеляя в груди дыхание, и он почувствовал сердце, в которое, как иголка, впилась заострившаяся тоска.

- Кто из него получится, право, не представляю, - добавила Зинаида.

Саблин слушал жену, опустив глаза на свои ходившие по столу с перочинным ножичком крупные руки, точно искал в них, как в книге, необходимый ответ, который бы мог Зинаиду утешить и успокоить. Но ответ, как нарочно, не открывался. И он страдал, принимая душой беспокойность Зинаиды.

- Связался с Матвейкой Оболиным, а тот из колонии вышел. Научит неделю.

- Да, - выдавил Саблин, - надо бы как-то с парнем покрепче. Поговорить, чтоб пробрало до селезенки.

- Не говоркой он у нас.

- Это дома такой, а на улице – бубен.

- Как бы чего худого не натворил, - задумалась Зинаида. - Вон дедко Рома жалуется. Уходил в магазин. Дверь закрыл на батог. И ходил-то какой-нибудь час. А вернулся – в квартире, ровно Батый побывал. Всё перевернуто. Литра водки была – не стало. Медали и орден Отечественной войны хранил в шифоньере – их тоже как сдуло. Это наши мазурики эдак его. А первый мазурик Матвейко Оболин. А где Оболин, там и наш охломон.

- Ну, это еще неизвестно, - сказал неуверенно Саблин, забывая о том, что супруга бывает крутой, когда ей в разговоре не уступают.

- А то, что наш сын домой возвращается только под утро и только пьяным, - тебе известно? – вспылила.

Вениамин растерялся.

- Ты это чего? Это серьезно?

- Ты там, на хуторе, как отшельник, не знаешь, поди, и того, что Вовка с Юркой уже подрались!

- Ёр-кородёр, - обдивился Вениамин. – С чего бы такое?

- С того, что Вовка тебя при Юрке эксплуататором обозвал. Вот и сцепились, как два волчонка. Один за тебя, другой на тебя. Еле их разняла.

Саблин чуть было не улыбнулся. Из-за чего в расстройство входить? Такая мелочь. Подумаешь, пасынок обозвал. Да и прозвище, право, совсем пустое. Сколько их, этих прозвищ, он получил на своем веку! Как его только не обзывали – Саблей, Еловым фашистом, Извергом, Лютым и даже Ельцинским пнем! И Юрке бы тоже не надо на это сердиться, тем паче бросаться с боем на брата. Но чего уж теперь? Проехано. Все забыто.

Грибы были все, наконец, очищены и помыты. И Зинаида взялась за рыбу. Чего-чего, а готовить разные кушанья, даже деликатесы супруга умела. Не зря какое-то время она служила в столовой, как повар, и все блюда ее были на славе, как самые-самые, без которых, пожалуй, уже и нельзя. Но столовая в пору развала орсовского хозяйства долго не продержалась, и Зинаида осталась без дел. Верней, без зарплаты, так как дел, когда оказалась вне службы, не убавилось у нее. Даже стало их больше: надо было изобретать из почти ничего все то, что годилось бы на еду, на обувь и на одежду.

Это качество русской женщины выправлять жизнь семьи за счет сил своих, своего характера, обаяния, расторопности и умения умиляло Вениамина. И он сам старался, как мог, помогать супруге своей в том, чтоб им обязательно выжить и даже жить, не завися ни от чего. Потому он и был всегда начеку, когда дело касалось работы, или ягод с грибами в лесу, или рыбного клева на Ляле.

Зинаида пошла встречать своих Марту, Калину и Куклу, которые вместе с другими козами Еловца паслись на вырубках за поселком, и теперь по позднему вечеру возвращались домой.

Саблин тоже пошел. С крыльца уже бросил жене вдогонку:

- Ребята-то где у нас? Чего-то не вижу?

- Один шляется где-то, второй – в козьем стаде, - ответила Зинаида.

- Пастуши-ит? Уж не Юрка ли?

- Он!

Саблину слышать такое приятно. Юрке 16-й год. И на! Взял и сам отыскал себе работенку. «Это он ради нас. Чтоб помочь Зинаиде и мне. Принести в дом собствен-

ную копейку. Так когда-то делал и мой отец. Да и я через это прошел. Порода. А в породе - фамильная кровь. Притекает из древних времен. Ведь когда-то текла она в дедушке Елизаре. После – в бате моем. А сейчас она, значит, во мне и в моем кровном Юрке...»

От приятных раздумий Саблин мягко расслабился, подобрел. Проводил теплым взглядом одну за другой всех троих желторогих, с бородками коз, за которыми шла, играя веточкой, Зинаида. Ей доить еще их и поить, заставить в хлевушек и давать, глядя на ночь, траву. «Скоро я вас на хутор, на нетронутый травостой», - думал Саблин, спускаясь с крыльца.

В калитке он встретился с Юркой. В джинсах, засканных до колен, без рубахи и майки, весь коричневый от загара, с лицом быстрым и возбужденным, был похож он на юного футболиста, который только что отыграл с ребятами матч. Саблин хлопнул его по плечу:

- Откуда, парнище?
- С поскотины!
- О-о! Пастухом, что ли, там?
- Подпаском!
- И как тебе работенка?
- Самое то!

В стороне, где мостки, послышался грохот, точно кто попытался взломать забор.

Да это Антонов! Маленький, седенький, с чемоданом, который грохнулся о забор оттого, что хозяин его споткнулся, едва и сам не упав на мостки.

Саблин свесела:

- Василий Львович, не в город ли уезжаешь?
- В город! В город! – блеснув вставными зубами, зычно, как прежде, когда работал мастером леса, откликнулся

старикан. – На автобус бегу! Как бы не опоздать. – Он наклонился за чемоданом, поднял его и, краснея лицом, погашил, как невольную ношу.

Отец с сыном переглянулись. Поняли сразу друг друга без слов. Саблин махнул Антонову, мол, пока, будь здоров, счастливой тебе дороги, а Юрка, вежливо улыбаясь, взял у старого чемодан и пошел рядом с ним к автобусной остановке.

До автобуса далеко. Весь поселок надо пройти. Юрка, сломавшись в поясе, тащит окованный на углах белыми бляшками чемодан. Антонов еле за ним успевает. Автобус тут же и трогается в дорогу, едва Антонов забрался в него, принимая из Юркиных рук чемодан.

И тут откуда-то из-за трактора, что стоит истуканом здесь целую пятилетку, качнулась стайка шнырливых ребят. Каждый с бутылкой дешевого пива. А Матвейка Оболин – с двумя.

- Кто он будет тебе? – спросил у Юрки Матвейка.

- Никто.

- А чего чемодан-то ему ты нес?

- Так.

- Он чего? Попросил тебя?

- Нет. Тяжело ему, вижу, вот взял и понес.

- А заплатил он тебе? Дал хотя бы на пиво?

- Не-е.

Тут и Юркин братан выделился из стайки. Тычет бутылкой в сторону Юрки:

- Он у нас кто? Тимуровец! – И смеется. Смеются и все остальные, радуясь случаю поглумиться над неотесанным простачком.

- Так ты тимуровец, в самом деле? - подхватывает Матвейко.

- Никакой не тимуровец! – сердится Юрка.
- Тогда почему ты его не хряпнешь? – Матвейка показывает на Вовку.
- За что-о?- изумляется Юрка.
- За то, что он тебя Тимуровцем обозвал!
- Очень-то мне это надо пачкаться о него.
- Он - трус! – Вовка делает к Юрке заносчивый шаг.
– Бойтся, что я рассыплю его о трактор, как эту вон склянку! – И взмахом руки отправляет бутылку туда, где стоит развороченный трактор.

Звон расколовшегося стекла на какую-то долю секунды поверг всех в смятение, а потом и в восторг. Вовку схватили, подняли на руки, как героя, и стали подбрасывать вверх.

- Поди, пока цел! – Матвейко взглядом отправил Юрку домой. – Сейчас недосуг! После с тобой разберемся! Катись!

Юрка ушел с ощущением человека, которого так и так должны были бить, однако не били, и стало ему от этого гадко. Словно его проверяли на прочность, и он проверку не выдержал до конца.

6

Стайка юнцов, не имеющих ни профессии, ни желания, чтоб чему-нибудь научиться, слоняются по поселку туда и сюда. Украдут у кого-нибудь бензопилу или плотницкий инструмент, продадут на сторону за бутылку, выпьют и снова рыщут, как бобики, по поселку. Могут слить и бензин у машины, если хозяин оставит ее без присмотра хотя бы на десять минут. Могут в проулке подкараулить

кого-нибудь из неместных, кто здесь проездом, и отобрать у него сумку или портфель.

Будущего у них нет. Да оно и не надо им. Потому что будущее заставит задуматься: как жить дальше?

Без лишних раздумий шагают они по жизни, не понимая, что плохо, а что хорошо. Могут избить человека не потому, что он сделал для них что-то очень худое. Избить просто так, без умысла и без цели. И этим отметить свое присутствие в этом мире, как недалеких, но вредных и даже опасных людей, которых надо остерегаться.

Сын Зинаиды Вовка именно в эту компанию и попал. Шел ему 17-й год. Кое-как на тройки и тройки с минусом одолел восемь классов. Дальше учиться не стал. И вот с такими, как он поворотливыми шнурками, почувствовал волю и злое желание портить, гадить и разрушать.

- Зря братанчика отпустили, - сетует он, сжимая с досадой мстительный кулачок, - надо было хотя бы пинков ему надавать!

- Успеем! - смеется Матвейко. – Теперь покумекаем о другом! Чего бы хотелось тебе и тебе? – тычет пальцем на развалившихся около трактора, в травке снулых под-ростков. - А-а? Думайте, думайте, остолопы!

- Горла промочить! – угождают ему.

- А митьки? Хотя бы сто рэ? Имеем?

Денег не было у ребят. И тогда Оболин командует:

- Туда, где есть Ваше, а будет Наше! За мной!

Это было одно из любимых занятий маленьких хулиганов. Собиралось их до 15 человек. И бежали по темным улицам Еловца, наводя на каждого встречного страх, да такой, что от них шарахались, как от духов.

Засадку делали около магазина. Шаря глазами из темноты, дожидались, когда откроется дверь, и выйдет с

продуктами покупатель. Бросались стаей и, вырвав из рук тяжелую сумку, таяли, как невидимки, оставив ограбленного ни с чем.

Сегодня они грабанули дедушку с клюшкой, который с пенсии разжился пятью бутылками водки (брал ее сразу на месяц), и вот, опрокинутый к штабелю ящиков за крыльцом, поднимается на колени, шарит ладонями по траве, куда упали очки и клюшка и, не найдя ни того, ни другого, встает и гортанным голосом, со слезами:

- Это чего такое-е? За что-о?

А недорóстыши снова бегут за своим жожаком, правясь туда, откуда явились. Им вольно, весело и забавно, и каждый себя ощущает завоевателем скрытого сумерками поселка.

Возле старого трактора, где поросший кустами и дикой рябинкой пустырь, ставший для юных налетчиков станом, устроили пир. Сидели кружком, в центре которого врыта в землю канистра, а на ней, как на троне, их расхристанный предводитель. Оболин открыл замочек хозяйственной сумки, свалил оттуда водку, хлеб, сигареты и мыло. Мыло тут же швырнул куда-то к дороге:

- Покупают, чего не надо! А где, извините, лук? Перышки, перышки лука? На закусь?

Тут же двое мальцов, кого он выделил взглядом, рванули к ближайшему огороду.

Пили из горлышка. Сразу из всех бутылок. Оболин после второго глотка спросил, обращаясь ко всем:

- Кто в поселочке-то у нас самый-самый богатый?

Захихикало из травы:

- Михаил Петрович Трофимов.

- Вот его мы и грабанем!

- А когда?

- Не сегодня. Сегодня он дома. Да и мы подустали чуток. Вот когда на своем Мерседесе увалит в райцентр, тут его и почистим. Харлам?

- Чё? – откликнулось из-под ивы.

- Ты у нас очень глазастый. Дашь сигнал о его отъезде!

- Лады, - согласился Харлам.

-А ты Волчонок, - Чечулин вытянул руку к сидевшему рядом с ним головастому Вовке, - скажи еще раз, сколько до вашего хутора метров?

- Пять километров.

- И чего, говоришь, там такое, абы нам пригодиться могло?

- Бензопила, спиннинг, удочка, два топора...

- Не густо. Да ладно. А фатер твой где?

- Здесь, в поселке. Сегодня приперся.. И там никого сейчас нет.

- Значит, завтра туда! На Вовкину дачу. Собираемся в 10 утра. Поняли, оглоеды?

Вовке, как никогда, умилительно и блаженно. Сам Оболя обходится с ним, будто равный. И вообще ему нравится то, что сейчас он в компании ухорезов, и играет в ней важную роль, уступая в первенстве лишь Оболе. А ведь было когда-то все по-другому. Помнит Вовка колхоз. Это было, когда он учился в четвертом классе. Был он мальчиком образцовым. Уважал дисциплину и делал все, что его заставляли те, кто был опытнее и старше. Приехав в тот день со своим четвертым в колхоз, он готов был работать много и честно, поднимая в поле льняную тресту. Класс разделился на две половины. У девочек, хоть и не бойко, но дело пошло. У ребят же – застопорилось. Накидав под себя побольше тресты, они отдыхают. Час ле-

жат. Полтора... Наконец, кто-то из девочек строго кричит:

- Хватит валяться-то! Вон председатель едет на мотоцикле!

Встал лишь самый сознательный, он, Вовка Саблин. Стал наклоняться и ставить льняные султанчики, не обращая внимания на остроты, в которых старательно изощрялись его насмешливые дружки.

- Зря стараешься! Все равно о тебе не напишут в газету!

- Вовчик, кончай! А то мослы свои надорвешь!

Вовка как бы ребят и не слышит. Однако работать стал напряженно.

- Не выделяйся! – крикнули снова ему.

И Вовка остановился. Стало стыдно ему, что он выделяется, как показательный мальчик. Махнув на работу рукой, потянулся к дружкам, на ходу распинывая султаны, дескать, я не такой уж и образцовый – сам работаю, сам и ломаю.

- Молодцом! – похвалили его лежебоки.

Девочки той порой перешли на другую сторону поля. Подростки же все продолжали лежать. Наконец, и лежать надоело. Встали. Поставили по снопу. По второму хотели. Да кто-то с кем-то схватился в дурашливой схватке. Работа забыта. Кто кувыркается. Кто хохочет. Свист, мельтешение рук. В воздухе – в клочья растерзанная солома. Со стороны поглядеть – дикариная пляска.

Проходившая мимо старушка всплеснула руками:

- Что же вы делаете, вжата? Для того, что ли, лен-от растили, чтобы вы его – в грязь?!

- У нас перекур! – гогочут ребята.

-Тьфу, беспрokie! – возмутилась старушка. – Не шefы, а кабаны! Бесстыдники, право! Вред от вас, а не польза! И откуда такие берутся? Как не от матери родились!

«Какой я был маленький и наивный, - думал Вовка, - не понимал ничего. Готов помогать был какому-то там колхозу. Где он теперь тот колхоз? Да и все остальные хозяйства с их фермами и полями? Испеклись, как один. И верить некому стало. Разве отчиму моему папе Вене? О-о, нет. Лучше уж буду я верить Оболе. С ним хоть не скучно. Да и делать не надо того, чего не хочу».

Вовка тычет Оболина в бок:

- Слышь, Оболя. А, правда, что ты человека убил?

Оболин треплет Вовку по голове:

- Не человека. Всего лишь бомжа.

- Он что, был с большими деньгами?

- Какие там деньги. Не было их у него. Просто я проверял свою силу. Силу удара ноги. Я ведь боец. Знаю сотню приемов, как сбить человека с копыт. А этот, который загнулся, совсем дохляком оказался. И пнул-то его я всего пару раз.

- Пнул?

- Не под задницу, не подумай. В голову, возле уха! А там, понимаешь, мозги. Он и затих...

Оболин вдруг повернулся, схватил Вовку за уши:

- Для чего ты спрашиваешь об этом?

- Тоже хотел бы, как ты, стать бойцом! Чтоб кого захотел, того и отделать!

Оболин поверил, почувствовав в Вовке несостоявшегося злодея, кому действительно хочется стать таким же, как он. И это ему поглянулось

- Сделаю! – твердо сказал. - Обещаю! Не бойсь! Я тебя к прабабушке не отправлю. Почему? Потому что ты нра-

вишься мне! Быть тебе, Волче, головорезом! Таким же, как я! А может, и полюбей!

Отдыхала братва. Думали о запретном, и о том, что когда-то будет праздничек и у них. И гулять они будут не так, как сейчас, не в сумерках около пыльной дороги, среди развороченных банок из-под тушенки и осколков стекла в измятой траве, а в престижном, с высокими люстрами ресторане, с податливо-добрыми кралями на коленях и пить из рюмок французский коньяк. А пока... Да, пока в их мозгах шевелились лишь отблески чьих-то успехов и угрюмые напозди мстительных дум. Они ненавидели всех, кто их лучше живет, кто зарабатывает помногу, кто не ругается матом, не курит и начинает свой день не с выпивки, а с работы.

Было поздно уже. Вечер вылился в ночь. Можно б было и по домам. Да тут невдали, где будка автобусной остановки, слышали тихие голоса. Парень с девой. Неместные. Оболин потряс обоими кулаками, чтоб все молчали и ждали, что будет дальше.

Сквозь сумерки было видно, как парень лапал девушку за бока, целовал ее, прижимая к себе. И она его целовала. Потом он снимал с нее платье, поднимая его за подол куда-то к плечам, а она у него расстегивала ремень и лезла, лезла на парня, пока, наконец, не ушла под него.

Матвейка не выдержал. И бегом, торопясь, - к автобусной остановке. Следом за ним - вся его шантрапа.

- Красиво гребетесь! - крикнул Оболин.

Будто от молнии осеклись парень с девой, оттолкнули друг друга ладонями и начали одеваться.

- Правильно, - Оболин приблизился к парню, - брючки свои подтяни. И середьш закрой. Молодец! А теперь, вон отсюда! Чеши!

Молодого самца, как и не было здесь. И дева хотела бы следом за ним. Да тут перед ней, как живая запруда, - орава похотливо-пьяных мальцов, хватают ее, кто за бедра, кто за плечо, кто за грудь.

- Ребята! Не надо! Не трогайте! Отпустите!

Оболин, самый высокий, спортивно сколоченный, сильный, проходит возле юнцов, облепивших со всех сторон деву, садится на лавку и голосом требующим и резким:

- Венера Милосская!

Несчастливая девушка, плача:

- Я не Милосская. Вы меня спутали с кем-то.

- С жёнкой, наверно! – смеется Оболин. – Так как насчет этого?

- Это чего?

- Чтоб я на тебе поженился!

- Сум-ма... сумашедший!

- Ну, это уж слишком! – паясничает Оболин. – Ты оскорбила меня! При свидетелях! «Сумасшедшего» я тебе не прощу! Приведите ее ко мне!

Ее развернули и привели, толкнули Оболину на колени, и он, сопя, набросился на нее. Девушка не кричала. Просто ей не давали кричать, закрыв рот несколькими руками....

После Оболина девушку брали, кто только мог. 15 юнцов истязали бедное тело В воздухе плавал запах насилия и порока. Наконец, дева с привизгом рухнула, распластавшись на грязном полу.

Оболин с циничной веселостью объявил:

- Сеанс закончен! Кто мы теперь? Греховодники! С чем вас, уважаемые окурки, и поздравляю!

Кто-то ехидно хихикнул. Кто-то с кем-то переморгнулся. Кто-то сбегал до трактора, и вот уже мчался, неся две недопитые бутылки. Оболин был в центре. Ему показали на девушку, шевелившуюся в углу.

- А эту куда?

- Пусть одевается и уходит. Ты, Волче, - Оболин вытянул руку с бутылкой, - на-ко, глони, и проводи ее к дому. На всякий случай. Чтоб не свалилась в канаву.

Но девушка, кое-как запахнувшись в измятое платье, встала на зыбкие ноги, взглянула на всех, кто тут был, как на выходцев страшной страны, и вышла из будки.

- Будет молчать,- сказал уверенно Вовка.

Оболин вздохнул:

- Ты уверен?

- Иначе развратницей прослышет, – прорезюмировал Вовка. – А такая, хоть в золото наряди, замуж не выйдет. Так что нечего нам бояться...

Было поздно уже. Ребяшня, чуть пошатываясь, шла от автобусной остановки. Последними уходили Оболин и Вовка. Шли в обнимку, как два закадычных дружка, у кого впереди будет много таких вечеров, как этот, и они покажут себя, покажут бравыми фраерами, кого не только будут бояться, но и думать о них, как о силе, способной, как гром, оглушить и подмять под себя.

Сзади послышался топот – тяжелый и быстрый. «Не за нами ли это?» - подумали тот и другой. Обернувшись, оледенели. Шагах в тридцати, в обнимку с колом бежал по дороге седоволосый, в кальсонах мужик, в котором признали они тракториста Ивана Ленькова, отца, получается, той самой девы.

- Мотаем! – крикнул Оболин. И припустил, забывая о том, что он сильный, владеет приемами каратэ и каждого, кто на него замахнется, готов завалить.

Вовка мгновенно отстал. Он уже слышал дыхание мужика и голос его, острый и напряженный, обещающий злую расправу:

- Испортили девку мою! Мразята! Да я за Лизу свою каждого порешу!

Вовка бежал, чувствуя, как тяжелеют туловище и ноги. Дыхание сбито. А дом, где он мог бы спастись, далеко. «Папка! – вспомнил отца, которого дважды предал. – Ну, где ты? Скорей...» Суется, расстегнул верхнюю пуговку на рубашке. И вторую хотел расстегнуть...

Кол, настигший его, перешиб позвоночник, и мальчик упал, зарываясь лицом в дорожную пыль.

Иван Ленков был в неистовом гневе. Там, впереди, бежал, спасаясь, еще один фраер, кого он тоже не пощадит. Сердце его колотилось. Не выходила из сердца красавица-дочь. Учится в Вологде в институте. В Еловец приехала, чтоб пожить у родителей, вдоволь выспаться, отдохнуть. И на! Иван, как только увидел ее, всю урванную, в пятнах и ссадинах на лице, в разорванном платье, с косо взбитыми волосами, так и понял все до конца. Он лишь мрачно спросил:

- Кто?

- Мальчики-отморозки, - с рыданьем ответила дочь.

- А где это было?

- В автобусной будке.

Не одеваясь, в чем был, лишь засунув ноги в галоши, он метнулся за дверь. У крыльца задержался, пока вырывал из забора осиновый кол.

Был Иван преждевременно поселевшимся, среднего роста и средней комплекции мужиком. И бояться его, как грома, казалось бы, было не надо. Но вышел он из себя, из того человеческого предела, за которым разверзлось само безрассудство, и он готов был на все.

Понял Оболин свою обреченность. Понял с унынием и тоской, ибо видел, как Вовка на полном бегу упал под колом и больше не поднимался. Теперь такая же участь ждала и его. Пиво и водка, выпитые не в меру, связывали шаги, и он бежал, крупно размахивая руками, не уверенный в том, что сумеет уйти.

Леньков клокотал:

- Не уйдешь!

Он видел перед собой зыбкий холмик волос, тесно прижатые к голове мясистые уши и две лопатки спины, которые так и прыгали под рубахой, как два на берег выброшенных леща.

И все-таки был Оболин быстрее. Перемахнув через складку кряжиков у дороги, он круто свернул к столовой, за которой теснились дровяники, а за ними и огороды. Леньков, досадуя, вывел руку свою назад, бросив кол, как копье. Спина у Оболина обломилась, и он споткнулся, но тут же судорожно вскочил и, как хорек, рванул зигзагами к огородам.

Леньков угрюмо остановился.

- Мразь! Все равно я тебя достану! И тебя и тех, кто обидел мою дочуру...

Ночь. Несколько звезд на небе. И чья-то собака. Она лаяла так настойчиво и уныло, словно хотела всем сообщить о случившейся драме.

Три дня плакала Зинаида. С той минуты, как Саблин поднял мертвого мальчика с пыльной дороги, понес его на руках, зашел с ним в квартиру и положил на длинный кухонный стол, чтоб приготовить его к хороненью, до этой, такой же печальной, когда обитый синей материей гроб опустили в могилу, и комья земли застучали о крышку, и вскоре поднялся здесь глиняный холм, куда воткнули оструганный крест, обвесив его с обеих сторон искусственными венками, она находилась не столько в жизни, сколько возле нее, отказываясь поверить, что сын ее умер, и что никогда уже больше она его не увидит, не выругает за шалость, не разбудит по солнышку, чтобы он, как и все, встретил новое утро, обещавшее будущее и жизнь.

На похороны пришли братья Шурка и Ваня Чечулины, пожилая соседка Анна, да Вася Сажин. Больше не было никого. Отпугивал слух, что малый с такими, как он, огольцами, промышлял грабежом, а теперь изнасиловал дочь тракториста Ленькова, за что так страшно и поплатился.

Был безутешен в горе и Юрка. Мягкое сердце его не могло примириться с тем, что брат его выбыл из жизни, уйдя в страшноватый покойнический мир.

И Саблин страдал. Больше всего его досажало то, что он не сумел найти к парню родительского подхода, не отвел его от шпаны, не зажег настоящим делом.

На хуторок свой Саблин ходил каждый день. Иногда там и ночевал. На душе его было спокойно.

Но как-то по вечеру, на закате, сворачивая с бетонки, увидел блеснувшую бампером и стеклом роскошную иномарку, которая шла в его сторону, как с прогулки. «Кто такая? Зачем она здесь?»

Тут и вторая машина ему навстречу. А в ней – Трофимов. Остановился около Саблина и сказал:

- Работу даю. Гнать из бревен пиловочный брус. 50 рэ за штуку.

Саблин знал, что такая работа ценилась в два раза выше. Понял, что разницу в сумме Трофимов оставит себе. Но что было делать? Другой работы никто ему не предложит. И он согласился, спросив:

- Когда начинать?

- Да хоть сегодня, мил-друг!

Как готовить из бревен эти подрезанные пилой с четырех боков долгомерные брусья, Саблину было знакомо. Раньше их пилили на пилораме. Теперь же, когда ее продали за долги, обработчицей бревен стала бензопила. С ее помощью кое-кто в Еловце подрабатывал на шабашках, вырезая не только брусья, но и пластины для пола, и даже доски. Саблин в этих делах был искуснее всех.

В этот же день и вернулся он в Еловец. Хуторок подождет. Правда, смущали его машины. «Чего они тут искали? Или затеяли что?»

Работал он за поселком, на эстакаде, куда бревна были завезены еще с прошлой зимы. В первый же день подготовил он двадцать брусьев.

Как-то к нему подвалил, как всегда, что-то знающий про кого-то, Шурка Чечулин, работавший рядом подручным на кране.

- А ты знаешь, кому этот брус? – деликатно осведомился.

- Не знаю, - ответил Саблин, - какая мне разница. Лишь бы платили.

- А я, едрена ворона, знаю. Босу тут одному. Он где-то в наших краях подглядел шикарное место, и будет ставить себе дворец.

- Из этих брусьев?

- Из этих!

- Да мне что до этого, - отмахнулся Вениамин. - Ставь хоть четыре дворца!

- Все дело в том, - улыбнулся Чечулин, - что эти брусья, все, как один, попадут в мои ручки!

- С какой это ходки?

- С такой, что Трофимов меня, как бывалого плотника, ставит главным на эту стройку. И меня, и Вовку-крановщика, и лесовоз вместе с Ванькой моим! Все пихает туда. Так что, Веня, шуруй! Каждый брус – моя будущая работа!

Дней 10 Саблин работал на эстакаде. Домой возвращался лишь к ночи. Было неловко встречать Зинаиду с глазами, в которых стояла тоска, а в ней - непрерывная дума о Вовке.

Саблин умел забываться в работе. Ходил и ходил с заведенной пилой вдоль бесчисленных бревен. Брусьям своим он и счет потерял. Через день подъезжал на Камазе Иван Чечулин, забирая брусья на новостройку.

В воскресенье Саблин взял передышку. «Рыжик пошел! Первый слой!» - понеслось по поселку.

Народ так и хлынул к грибным островкам. У каждого были свои заповедные елочки и полянки, где рыжик рос каждый год.

Саблин направился в хуторок. Там рыжик гнезвился по старым выпасам около Ляли, и рос он в еловом подросте, где месяц назад стояли мостами маслушки. Сворачивая с бетонки, при виде прорубленной им дороги со свежими колеями от многих колес, он невольно насторожился, почувствовав что-то недоброе для себя. А когда подошел к расчищенной луговине, на краю которой стоял его теремок, то расстроился не на шутку. В другой стороне расчистки, куда бежали следы от тяжелых колес, он увидел выкладку брусьев. «Брусья-то, вроде, мои. Ну, конечно, - узнал их, приблизившись к ним. – Значит, Шурка не врал, когда говорил, что они попадут в его ручки. Кто-то из шишек решил стать соседом моим. Хочу ли я этого? Спрашивать не пожелали. Взяли и въехали, не церемонясь. Здесь жили мои старики. Их вытолкали отсюда. Насильно спровадили с их же земли. Но это тогда... Ад болотный. Чего же мне делать? Неуж-то смириться и жить с моим новым соседом? Ни я не буду его беспокоить. Ни он мне не будет мешать...»

Саблин в лес не пошел. Не до рыжиков стало ему. Подбрав двухкарманный с широкими лямками из брезента пузатый рюкзак, он зашел на крыльцо. На крыльце и перекусил, пожевав неохотно хлеба с соленым лещом.

Сидел он долго, пытаясь взять себя в руки. Всматриваясь в завесь осиновых листьев, вдруг уловил рокоток приближавшегося мотора. Кто-то едет сюда. Трофимов! – узнал по синему цветку его пятидверную Ниву, выплывшую из леса и с поворотом, сминая траву, по периметру огорода рванувшуюся к избушке.

Михаил Петрович вылез из-за руля. Увидев Саблина, не поздоровался, но воскликнул:

- Вот кто тут поселился! А я-то думал. Так, так! – Голос его был не только громким, но и пеняющим, словно Саблин был перед ним виноват. - Милое дело! И на что ты рассчитывал, когда строительство затевал?

- Жить, Михаил Петрович, - ответил Саблин. – А что такое?

Трофимов прошелся по травке. Длинный в тулове, но короткий в ногах, с лицом строгим и затаенным, был он в эту минуту сосредоточенным, даже важным, как и всякий власть имеющий человек, кому доверили поручение, и он его выполнит так, как надо.

- Смелый ты, человек! Один среди леса – и не боишься? – начал Трофимов издалека, еще не зная, какую тактику в разговоре было надежнее применить.

- Кого бояться-то мне?

- Верно, верно, - Трофимов присел на стоявший возле него березовый кряж, хлопнул ладонями по коленям и обдуманно улыбнулся, сопоставляя улыбку с несказанными словами, которые могут Саблина и расстроить. – А документ на поселение в эту местность, надеюсь, ты мне покажешь?

- Какой еще там документ! - Саблин почувствовал, как в груди его зашевелилось и стало расти раздражительное волнение. – Нет документа!

Трофимов сообразил, что тактику разговора он выбрал верно. Напролом, напрямую с Саблиным было нельзя. А вот так, исподволь озадачивая, чуть смущая его, в чем-то, может быть, и пеняя, можно было и укротить, поубавить в нем пыл и добиться того, что станет он выглядеть виноватым. Виноватый – значит, послушный. Именно так Ми-

хаил Петрович и правил в своем Еловце, добиваясь того, чтобы все перед ним одновременно были послушны и виноваты.

Лицом Михаила Петровича владела уже не улыбка, а легонькая усмешка, с какой было проще вести разговор, направляя его туда, куда надо.

- Значит, ты самовольно сюда?

- Именно так! По собственной воле!

- Саблин! Саблин! Это же незаконно!

Вениамин поднялся. Рукой, как слегой, вывел круг, забирая в него реку, чищёнье, свой теремок и белевшие брусья.

- Здесь когда-то жил со своей семьей и своим хозяйством мой дед!

- Ну и что! – Михаил Петрович пожал плечами. – Если бы эту землю тебе передали в наследство – тогда бы другой разговор. Верней, никакого бы разговора. Живи бы тут – поживай. А так – извини.

Саблин уже начинал заводиться. Чтоб прекратить затянувшийся разговор, недовольно спросил:

- Чего хотите-то от меня?

Михаил Петрович растолковал:

- Эта земля имеет истинного владельца. Его права на нее охраняет закон. Получается, ты поселился в чужом угодые. За это можно и наказать. Мой совет: съезжай-ко отсюда. Да-да. По добру по здорову.

Саблин внимательно посмотрел на Трофимова. На какой-то момент показалось ему, что сидит перед ним явившийся из былого сотрудник НКВД, почему-то одетый не в гимнастерку работников этой службы, а в современный серый пиджак, чуть раздутые на коленях серые брю-

ки без стрелок и длинные, будто лодки, полуботинки с аккуратными бантиками шнурков.

- Как это так съезжай? – спросил он недоуменно. – А дом мой куда? Постройки вон всякие? Огород?

Михаил Петрович попробовал Саблина успокоить:

- Поможем! Чего уж ты сразу заволновался. Выделяю тебе я для этого целый Камаз.

- Нет! Нет! – заупрямился Саблин. – Столько сил во все это вложил! Столько времени! Столько жизни!

- Компенсируем, - улыбнулся Трофимов. Покладисто улыбнулся, душевно, как другу, кого в ущербе он не оставит. – Сколько бы ты за это хотел?

- Чего это сколько? – недопонял Вениамин.

- Рублей! Скажем, тысяч пяток?

Саблин почувствовал: то, что отсюда он должен съехать – уже решено. И решил это тот, кто здесь ставит дворец. А Трофимов, видать, у него в услуженцах и сделает так, как сказали ему.

- Так пяток, говоришь? – принахмурился он.

Трофимов, чья грудь была оттопырена от лежавшей в кармане его пиджака стопки денег, которую дал ему Парамонов на то, чтоб хозяин избышки съехал отсюда, не обижаясь, повел, как ни в чем не бывало, расчетливый торг.

- Ну, давай тогда десять тысяч!

Вениамин промолчал.

- Ага! И этого мало! Пятнадцать!

Грустно стало Вениамину. Повернулся к реке. Брови свесились, как две стрехи, а в запавших глазах тускло высветилась обида.

- Ты меня, Михаил Петрович, выселяешь, как кулака. А ведь я работаю на тебя, как батрак на скупого хозяина. Или тебе и этого мало?

- Но! Но! Тоже не забывайся. Батрак...

- А еще спрошу, - перебил его Саблин, - перед кем прогибаешься? Перед этим, кому на моей территорииставишь дворец? Он, наверно, тебе хорошо заплатил. И ты дал ему слово, что выпинаешь отсюда и меня, и мой дом, и мое хозяйство.

- Так и будет! – Трофимов поднялся так резко, что кряжик под ним зашатался и, падая, покатился к реке. Пятидверка стояла рядом, и Михаил Петрович уселся в нее. Завел. Решительно развернулся и по ходу движения высунул голову, чтобы сказать:

- Даю тебе ровно два дня. Разбирай свой шалаш – и со всем барахлом в Еловец! Там устраивай дачу...

Уехал Трофимов, как инквизитор, которого надо остерегаться, ибо в любое время он мог возвратиться и выгнать Саблина с хуторка.

Скверновато было у Саблина на душе. Чтоб отвлечься от черных думок, выкурил парочку сигарет, выпил кружку воды и занялся хозяйственными делами.

И стало ему чуть спокойнее, даже бодрее, когда он отправился в огород, повоевав там с лютыми сорняками, когда, позванивая ведром, спустился к Ляле за холодяной... И даже сейчас, когда отдыхал, вытянув ноги с порога домика на крыльцо, ощущал себя так, как если бы кто-то хотел ему выразить благодарность, а он на это лишь слабо отмахивался рукой и застенчиво улыбался.

Там, над Лялей, где мирно лохматился ельник, летали клесты, и падали друг возле друга вечерние тени, - вставала луна, немая и красная, как фантастический глаз, ко-

торый рассматривал землю, чтоб подарить ей свою неземную печаль. И чем выше луна поднималась, тем темней становились леса, а река зеленела и на самой ее середине, будто рыба спина, серебрилась игривая рябь.

Сейчас бы сюда собеседника, думал Саблин. Поговорить бы, как с другом. Облегчить бы душу.

Поговорить не получится. Много в России душевных людей. Но как далеко один от другого. Словно стоит между ними глухой промежуток лесов, и от сердца к сердцу не докричаться.

9

Был Заборов общительным человеком. И любил связываться с людьми, умевшими при любых режимах жить не только благополучно, но и азартно, ничего не смущаясь и не боясь. Тянулся к таким уверенным он потому, что хотел пройти у них школу и стать таким же, как и они. Парамонов – вот кто был для него великим примером. Трофимов же неотесан, наивен и слишком прост. Его при случае Герман Ефимович мог использовать и по необходимости оставить. В то же время Трофимов его удивлял. Каким-таким образом этот, в общем-то, недалекий лесной служака смог наладить в своем Еловце, обходя Парамонова, скрытный бизнес, приносивший ему постоянный навар.

Герман Ефимович был за то, чтобы жил Трофимов в поселке всегда. Тогда и он, Заборов, будет время от времени что-то иметь. Вот и нынче из этого Еловца Герман Ефимович получил для себя и своих покровителей не-

сколько свеженьких бань, которые были так кстати в их загородных коттеджах

По натуре своей был Заборов авантюристом. Обожал иномарки, поездки куда-нибудь к морю и рестораны. Деньги на это имел не всегда, но умел их найти. Постоянно связывался с людьми, которые попадали в скользкую ситуацию и не знали, как выбраться из нее. Герман Ефимович знал. И еще он дотошливо знал самое слабое место у тех, кто ворует.

Легкие деньги Заборов, как правило, зарабатывал там, где были неразбериха, бесхозяйственность и бардак. В Еловце он использовал подпись Трофимова в накладной, которую он подделывал аккуратно и получал, таким образом, с нижнего склада готовенький лес. Частный предприниматель, кто был и водителем и владельцем мощного лесовоза, заранее ждал от него звонка. Таких водил у Заборова трое. Связь держал он с ними через мобильник. Все они ждали его звонка, благо хотели подзаработать.

Нуждался в деньгах и Иван Караулов. Да вот споткнувание вышло. Уехал Иван в Еловец на своем лесовозе – и сгинул. Прошло с той поры месяца полтора. А назад, в условное место, где его ждали Заборов и покупатель, Иван не приехал. И он, и машина его пропали. Заборов предполагал, что к загадке исчезновения водителя с лесовозом причастен был Михаил Петрович Трофимов. К нему он и ехал в своей Мицубиси. Ехал, понятно, как парамоновский порученец, взяв для Трофимова деньги и чертежи.

- Подшевели его! Пусть разворачивается покруче! – давал наставление Парамонов. – И чтоб соседа с его новостройками не было там...

В Еловец он приехал днем и задержался в поселке на то лишь недолгое время, какое ушло на скромный обед.

Заборов был ниже среднего роста, но выпуклый в животе и лице. Вылезал из своей Мицубиси, как мяч. Мячом и подкатывал к дому хозяина Еловца. Здравовался он с радужной улыбкой, нажимая пальцами так, как если бы этот нажим намекал на серьезную власть, с которой Трофимов должен считаться.

- Как поживаем?

- Спасибо, - ответил Трофимов, - хотя...

- Что? – встрепенулся Заборов – само соучастие и приятность.

- Лес поворовывать стали. И что характерно – воруют с подложными накладными. Кто-то копирует мою подпись. С ней и орудуют, как бандиты.

Заборов виду не подал, что поднапрягся. Наоборот, напустил на лицо сочувствие и заботу. Однако Трофимова не обманешь. Он видел глаза Заборова, а в них, по самому дну - скользнувший испуг.

- Да, малина-калина, - покачал головой Заборов. – Дожили, что называется. Вор на воре.

Так, разговаривая, они зашли в квартиру, где полнолица, в пышной, с оборками кофточке Катерина уже поставила на столе миску с наваристым супом, колбаски, грибки, огурчики, хлеб.

- Хотел уж в милицию обращаться, - продолжил Трофимов.

- Думаешь, что, поймают?

- А вдруг!

- И я вот в милицию тоже хочу, - Заборов намеренно построжал, - вместе с шофером пропал где-то в ваших краях один лесовоз. Представь себе, дело не рядовое. Может, ты чего знаешь об этом?

Теперь Трофимов уже поднапрягся, даже губы поджал, отчего они впали куда-то в его бритый рот, и лицо его стало почти безгубым.

- Нет. Ничего. Ничего не знаю.

Заборов неверяще улыбнулся:

- А чего всполошился-то весь? А, Михайло? Или чего-то скрываешь?

Холодный пот проступил на спине, и Трофимов сообразил, что если он где-то выдаст себя ненароком, то Заборов его обязательно сдаст, и тогда все изменится в этой жизни, и он, как последний изгой, почувствует время, отмеренное ему по жестокому лагерному режиму.

- Не надо, Герман Ефимович! Не кощунствуй! Я ведь тоже могу допустить, что эти фальшивые накладные, по которым воруют мой лес, знакомы не только тому, исчезнувшему шоферу, но и тебе!

- О-о, нет! – поперхнулся Заборов, услышав в трофимовском голосе что-то опасное для себя.

Чтоб поправить неладно поехавший разговор, он сказал:

- Не будем искать виноватых. Не гоже друг друга подозревать. Тем паче – топить. Оставим это. Замнем...

Взгляды их встретились. Потеплели. Возникло доверие, как у всех пронирыливо-умных людей, знающих друг про друга меньше хорошего, чем плохого, и понимавших без слов, что ворон ворону в глаз не клюнет.

10

Одна за другой бежали машины. Первым ехал Трофимов. Заборов – за ним. При повороте с бетонки ус-

лышали тракторный лязг. Это бульдозер. Его Трофимов послал еще утром, чтоб Сажин готовил площадку под парамоновский дом, убирая с нее пни и коряги.

Домик Саблина, как стоял на краю поляны, так и стоит до сих пор, и два смотревшие в огород уютных оконца были окутаны тенью, как тайной, в которой лежала и крайняя к домику грядка, где зеленел тяжелыми перьями репчатый лук.

Увидев это, Заборов пробормотал: «Дисциплинка, малина моя. Что-то тебя худенько слушаются, Трофимов».

Михаил Петрович, словно его услышал; остановил у брусьев свою машину, выбрался из нее, подождал, когда подъедет сюда Заборов и, как бы оправдываясь, сказал:

- Совсем не слушается, мерзавец! До сих пор ну-ко тут. Вчера еще надо было отсюда. А он как прирос.

Заборов слова не проронил, однако всем своим видом и выражением глаз с промелькнувшей в них искоркою укора выразил неудовольствие служащего конторы, которого подвели.

- Дал ему я два дня, - продолжил Трофимов, - и Камаз специально сюда пригонял, абы он загрузил в него этот свой теремочек. И на те! Ни с места.

- Такое Игорь Олегович вряд ли потерпит, - отметил Заборов.

Трофимов расстроено оглянулся, забирая взглядом притихший бульдозер, брусья с сидевшей на самом верху лохматой вороной, реку и белевший над ней теремок.

- Как тогда быть?

- А никак, - Герман Ефимович поднял руки, умывая ими лицо, на котором вызрели капельки пота, - раз ты с этим своим мужиком не управился, то и стройку тут нечего затевать. У меня, вон, с собой чертежи и деньги. Хо-

тел уже, было тебе их отдать. Однако не буду. Обратное, с собой заберу. Потому как дворец Парамонову строить будем, но получается, что не здесь!

Трофимов растерян.

- Петр Ефимович, обижаешь!

- Надо, Михайло, не спать, не тянуть резину! Из-за тебя и машину свою я, выходит, сюда зря гонял!

Трофимов взмолился:

- Ефимыч, прошу! Не пори горячки! Завтра же он убеется!

Заборов позволил себе удивиться.

- А почему не сегодня? – поставил вопрос и немигающе, словно шука, уперся зрачками в горло хозяина Еловца.

- Сегодня? – смутился Трофимов.

Заборов спросил:

- Как его, всё забываю?

- Саблин.

- Так вот, дорогой мой Михайло! Ты с этим Саблей – как с несворотливым пнем! Раз – и выкорчевал отсюда! И не когда-нибудь, а сейчас! Бульдозер-то вон у тебя, под боком.

- А что?! Это мысль!- Трофимов отмашисто прогулялся ладонью по лбу, точно смахивая с него не только прилипших к нему комаров, но и свою неуверенность, и рука его с поднятым вверх указательным пальцем уже качалась над головой, повелевая сидевшему за рычагами бульдозеристу ехать следом за ним.

Трактор, вывернув из-за брусьев, где чернела расчищенная земля, погромыхал, пересекая чищение с запада на восток. Трофимов шел впереди, показывая дорогу. Выйдя к изгороди, перебрался через нее и направился

далее, прямо по грядке с цветущими огурцами. Остановившись, взмахом ладони вывел в воздухе ломаную кривую:

- Сюда!

Сажин высунулся из дверцы. Большое с канавкой на подбородке лицо его было в недоумении:

- Огород же тут! Как это я?

- Огород ликвидируем! Ну-у?

- Не поеду, - уперся Сажин.

- Вылезай! – Трофимов приблизился к трактору, посмотрел на Сажина снизу вверх и, когда тот спрыгнул с гусеницы на землю, сам забрался за фрикционы и повел машину вперед.

Захрустело с треском звено огорожи, и, как черная кровь, потекла из-под гусениц грядка с цветущими огурцами.

Повернувшись, бульдозер, как танк, побежал поперек зеленеющих гряд, перемалывая с землей корешки и вершки беззащитного огорода. Остановился на пару секунд перед домом, проревел, как неистовый бык, и, скрежеща вскинувшимся отвалом, устремленно вошел в избяное нутро. Дом разъехался на два края, образовав в середине страшный пролом...

- Ломать – не строить, - невесело пошутил Трофимов и, встав на гусеницу, проводил глазами несколько бревен, как те скатились с крутобережья и хлестко, словно стреляя, хлопнулись в воду и, развернувшись, поплыли по смирной реке к ее ближнему повороту.

- Остальное доделаешь ты! – приказал подошедшему Сажину, спускаясь с гусеницы на берег. – Всё! Всё в реку! Так надо! Это постановление!

В красной футболке, с руками, как подтоварины, в полуботинках 46-го размера, Сажин был схож с громилой, рядом с которым Трофимов выглядел, как подросток.

- Постановление? – Сажин смотрел на Трофимова, как на черта, который имел над ним власть. – Чье?

- Директора Бумлеспрома, - ответил Трофимов голосом человека, с которым спорить запрещено.

Сажин попробовал возразить:

- Но я не могу.

- Можешь! – рявкнул Трофимов. – К тому же есть у тебя и опыт, как надо сбрасывать с берега то, что положено сбросить!

- Нет, нет, - упорствовал тракторист.

Подсказывать, как надо воздействовать на людей, о которых Трофимов знал не только хорошее, но и плохое, было ему не надо.

В недолгом раздумье он заступил на ступеньку раздавленного крыльца, повернулся спиной к трактористу, сделал два шага от него и спросил:

- Помнишь тот лесовоз и того шофера, которого ты утопил и зарыл?

- Помню, - ответил мертвым голосом Сажин.

- Хочешь, чтобы об этом никто не узнал, кроме тебя и меня?

Вместо ответа Сажин вскинул тяжелое тело на гусеницу машины. Минуту спустя руки его лежали на рычагах, направляя бульдозер на развороченный дом.

Стены и крыша тряслись и громко сползали вместе с осколками стекол к реке, осыпая ее осиновыми венцами.

Трофимов, как дирижер. Кепку снял с головы, сжимает ее в руке и знай, себе, машет, направляя бульдозер туда, где стояли у Саблина дом, огород и хозяйственные

постройки. Часа полтора потребовалось ему, чтобы все эта площадь сделалась ровной и черной, как пашня, над которой дымилась древесная пыль, тяжело и горько пахнущая осиной.

11

Блеснуло, и в высверке света вздрогнули окна домов, обнажая незащищенность. Допотопно и глухо, как из библейских времен, протащился с грохотом гром. Запахло сырым огородом.

Шел дождь, разливая по белому свету душистый настой некошенных трав. В ближнем осиннике тьявкали лисенок.

На провод, летевший к дому с опоры высоковольтной, уселась строчка скворцов, нацелясь желтыми клювиками к окну, в распахнутых створах которого, как в картине, белело лицо Зинаиды.

Женщина из окна разглядывает поселок. Такое было несвойственно Зинаиде. Просто она заглянула в окно, чтоб узнать, не идет ли с поскотины козье стадо. Но вместо коз разглядела скворцов. При виде птичек под теплым дождем, которые как бы просились в ее жилище, она закрыла глаза и учуяла сердце, встрепенувшееся, как птица.

Вот так ни с того, ни с сего ощутила женщина связь с Божьим миром, где человек и птицы, запахи трав и гроза были и будут всегда, как свидетели чуда, которое называется Жизнь.

Болело сердце у Зинаиды. Ведь и месяца не прошло, как она потеряла сына. Болело, и в этой боли, стигшая ее, выросло желание целиком, с головы до ног окунуться в привычную повседневность, когда душа с удовольствием принимает и хлопоты по хозяйству, и Юрку с Веней, которых она любила и любит, как самых близких и самых надежных, и шелест трав под окном, и все знакомые звуки, спешившие к ней со всех закоулков и улиц поселка, где обитают такие же люди, как и она, кому так хочется жить, жить и жить.

Уже на улице, когда пошла Зинаида встречать своих коз, ее окликнула бабка Анна, ступавшая от реки с корзиной белья.

- Слышь, Зинуля! - остановила ее соседка. – С роду такого не видела. Белье полощу. Вдруг, как торкнуло по плоту! Гляжу: сверху прямо ко мне какие-то рамы плывут, и какие-то бревна. Ровно кто дом уронил, и теперь он плывет по воде частями.

Улыбается Зинаида:

- Такого не может быть! Поблазнило, Анна!

- Вот те крест! - божится соседка.

Дождь прошел, и вдогонку за ним, опираясь лучами о лес, как из бездны, вскарабкалась в небо луна. И солнце еще не ушло. Но было уже остывшим, садившимся грузно куда-то за улицу Еловца, которая вспыхнула вдруг жестоким пожаром, в свете которого Зинаида увидела коз, а за ними и Юрку.

Шел подпасок домой, уставший, но страшно довольный, оттого что увидел мать. Отрадно ему, и вот уже что-то ей громко кричит, и машет рукой, забирая ее распахнутыми глазами, в которых видится Зинаиде нечто ще-

мящее и родное, то, что она потеряла и, кажется, снова приобрела.

12

Саблин ходил за морошкой. Брал ее в пяти километрах, на Сычем болоте. Возвращался с полной корзиной.

Грохот, который он уловил сквозь шелест деревьев, его встревожил, и он ускорил свой шаг.

То, что увидел он, выйдя из леса к своей поляне, показалось невероятным. «Мерещится мне, мереск стоит у меня в глазах, - сказал самому себе. – Этого быть не может! Куда я пришел? В никуда! Был дом, были постройки, был огород. А где это всё?» Но тут он увидел бульдозер. И Михаила Петровича разглядел. Трактор с хозяином Еловца стояли на берегу так уверенно и привычно, будто они находились на этом месте всегда.

«Спокойнее, - приказал себе Саблин, - без рук». Спасаясь от комаров, был он в зеленой, застегнутой до конца всеми пуговками рубаше, в легких кирзовых сапогах и белом, завязанном на затылке платке – ни дать, ни взять флибустьер из «Остров сокровищ». Пройдясь по черному, со следами от гусениц взмолотому участку, где еще утром стоял его дом, он вышел на берег, откуда увидел оконную раму, обломок фронтона и несколько бревен, пльвших по Ляле в сторону Еловца.

- Изболумы! - сказал он, медленно поворачиваясь к незванцам. – С винтов посходили! Да вы знаете, с кем связались!

- Я же, Саблин, тебя как будто предупреждал, - ответил Трофимов, - что если не съедешь отсюда, то будешь дело иметь со мной! А я на ветер слов не бросаю!

Брови у Саблина выломало углами, худое с тяжелым носом лицо окидало багрянцем, как у охранника нефтебазы, обнаружившего пожар.

- Поганец ты, Михаил Петрович! И те, кто припёрлись с тобой на мою территорию – тоже поганцы!

- Но, но! – поднял голос Трофимов.

Саблин сделал к нему разгневанный шаг. Трофимов попятился.

- Мало вам домика моего - нате ешьте и это! - Саблин выбросил руки вперед, и морошка, вся так и хлынула из корзины, облепляя Трофимова ягодами и соком.

Михаил Петрович то ли в панике, то ли в гневе, дал проворным ногам задний ход и попятился быстро-быстро, часто взмахивая руками, как подбитая птица, которую могут настичь и добить. Подскочил к раскрытой дверце бульдозера, откуда выплыла толстая, с покривившейся бровью башка Генерала.

- Чего zenки распелил? Дави его, гада! - ткнул пальцем на Саблина, как на злодея, которого надо остановить.

Сажин бледен, как смерть. Руки его трясутся, не попадая на рычаги.

А Саблин, как шел на Трофимова, так и идет. Отпнув попавшую на пути корзину, не мигая, уперся глазами в обидчика, находя на лице его место, куда он впечатает свой кулак, после удара которым уже не лечат.

- Подымай его на отвал! - с провизгом в голосе, как глухой глухому, повелевает Трофимов. - В реку его! Ну-у! Топи паразита!

Сажин нажал на педаль, и трактор только-только, не зацепив мужиков проблеснувшим ножом отвала, прошел, разведя их по обе стороны от себя.

Сажин остановился. Он был подавлен и плохо сообщал. «Что будет дальше?» - спрашивал у себя.

Неожиданно Саблин сорвал с головы свой пиратский платок и пошел. Слава Богу, не к трактору, - прочь от него. Дойдя до берега, встал, как столб, и стоял, повернувшись лицом к воде, и по тому, как он чиркнул спичкой и закурил, сплюнул громко и, размахнувшись, бросил платок, попадая в реку, было видно, что он очень сильно переживает.

А Трофимов, весь разобиженный, в пятнах и ягодах на рубахе, дрожащий от ненависти и злобы, забрался к Сажину в трактор и, как заговорщику заговорщик:

- Кроши его в смятку! И в воду! Никто не узнает!

Сажин почувствовал, как под рубахой, словно на маленьких лапках, от шеи к поясу пробежал мерзлый зуд.

- Понял меня? - добавил Трофимов.

И показалось Сажину, что Трофимов вовсе и не Трофимов, а кто-то из тех, из нечистых, кто воплотился в него, и теперь им настойчиво управляет.

- Понял, - ответил Сажин.

Михаил Петрович тут же и слез, отходя от трактора к брускам, возле которых поблескивали на солнце две лакированные машины.

- А ну вас к ляду! - Чую в себе нарастающий страх, Сажин вывел заднюю передачу, и, грохоча башмаками траков, помчался назад. Прочь отсюда! От этого ада! От этого беспредела!

Трофимов такого не ожидал. Он смотрел вдогонку бульдозеру, как разъяренный полковник на дезертира, жа-

ляя о том, что не может его сейчас расстрелять. «Ну, Генерал! Я тебе этого не прощу! Ты еще у меня пожалеешь!»

13

Без пиджака, в желтой с ромбиками рубашке, выпятив животике, с брезгливой миной на выбритом до яичного блеска лице и короткими пальцами рук, сплетенными на груди, Заборов похаживал взад-вперед между машинами и рекой таким новым Наполеоном, перед кем полагалось слегка трепетать.

Трофимов это учел и, подойдя к порученцу, сказал, распекая своих работяг:

- Ну и народец! Один дебошир, второй дезертир! С кем и работать?

- Видел, видел, - Герман Ефимович чуть подобрел. Любил, когда жаловались ему, как влиятельному лицу, в силах которого что-то решить или что-то исправить. – Домик свалили – и, слава Богу! А хозяин-то домика, Сабля-то этот, не тебе ли еще угрожал?

- Испугал я его! – признался Трофимов.

- Ну, Михайло, даешь! Чем же ты испугал?

- Хотел было тоже в реку! Чтобы он особо не зарывался и не лез на рожон!

- И чем ты его? Будьдозером, что ли, хотел?

- Ну да!

- Ух, Михайло! – Заборов даже повеселел. – Отчаянный ты человек! Ну, так и что! Утопил бы его! Подумаешь, диво. Кто бы об этом узнал?

- Циник ты, Герман Ефимович! Хотя, если уж откровенно, этот Саблин стоит того, чтобы сбросить его в реку!

- Что? Обидел тебя?

- Не обидел, а мог обидеть! С кулаками, стервец! Да еще и корзину с ягодами швырнул. Вон, гляди! – Михаил Петрович

дернул себя за измятую, в желтых подтеках и пятнах рубаху. – Его работенка!

- И ты, мил-товарищ, чего? Неужели простил?

- Я еще с ним посчитаюсь! - Трофимов медленно, как, любясь, стиснул пальцы в кулак. - Он вот здесь у меня!

- Молодец! – похвалил его Герман Ефимович и взял Трофимова за предплечье, ласково приглашая следовать с ним к его Мицубиси, чтоб взять оттуда деньги и чертежи. – Главное в нашем деле - дистанция! Работяга и есть работяга! Лучше к себе его близко не подпускать.

Трофимов взял у Заборова дипломат. Взял и папку с рабочими чертежами. Переложил все это в свою пятидверную Ниву и, когда Заборов спросил: «Пересчитывать будешь?», раскованно улыбнулся:

- За кого ты меня, Герман Ефимович, принимаешь!

- Принимаю тебя я, Михайло, за власть держащего человека! От удовольствия Михаил Петрович даже порозовел.

- Скажи, не кривя душой, - улыбнулся Заборов, - нам власть дана для чего?

Михаил Петрович не очень уверенно:

- Для того чтобы жить не хуже других.

- Ну, это знаешь, для патриотов: жить не хуже других. Лучше других! В десять раз! А быть может, и в двадцать! Так-то вот, друг, Михайло!

Трофимов сиронизировал:

- А как же тогда наша честность и справедливость?

-Ха!Ха! – рассмеялся Заборов. – Ты спятил, Михайло! Все это в прошлом! Они не для нас!

Герман Ефимович вдруг построжал:

- Ладно. Пофилософствовали. Довольно. Кажется, мне пора и домой. Одно непонятно: чего не уходит-то этот Сабля?

Тут они оба одновременно окинули взглядом стоявшего над обрывом реки неподвижного мужика. Стоит и стоит, даже не шелохнется.

- Может, чего худое замыслил? – заметил Заборов. - Мы уедем сейчас. А он возьмет себе, и пошутит. Знаешь, сколько сей-

час поджогов! Поджигают у тех, кто богаче живет. Что ему стоит весь этот брус превратить в пепелок?

- Ну, до этого мы не допустим! Примем меры! И не когда-нибудь, а сейчас! – Трофимов, словно кто ему приказал, уселся в Ниву, завел ее и поехал к обрыву реки. Повернувшись капотом к реке, неохотно остановился. Ждал, размышляя, что же сделать ему, чтобы этот упрямец отсюда исчез.

Однако Саблин к нему - никакого внимания. И Трофимов повел рычажком. Не притормаживая машину, высунулся из дверцы:

- Пень стоеросовый! Вон отсюда пошел! И чтоб больше сюда ни ногой!

Саблин не шелохнулся. И это Трофимова так задело, что он ощутил начальнический гнев, который медленно поднимался откуда-то снизу к его ключицам, горлу и голове, покрывая их свежельно-темным отваром.

- Кому говорят! Вон! Немедленно убирайся!

Саблин снова не шелохнулся. И только широкая шея его с ниспадавшими на нее с затылка черными волосами, крутые, как две булыги, лопатки спины и пальцы рук, захватившие в горсти бока рубахи, подсказывали о том, что был он на самом краю человеческого терпения.

Трофимов не понял его состояния и, выморщившись в лице, нажал на педаль, направляя машину так, чтобы та испугала упрянца, и тот, паникуя, бросился бы бежать.

Саблин, понятно, не ожидал, что машина пойдет на него. Он мог бы еще уберечься от бамперного толчка, отскочи бы он в сторону на два метра. Но скакать он не стал и принял удар, толкнувший его в глубокую впадину Ляли.

Трофимов перестарался. Лицо и шея его покрылись испариной, когда он услышал трясок, с каким переднее правое колесо соскочило с берега в пустоту. И левое тоже было готово свалиться, с трудом удерживаясь на склоне. Он для чего-то включил заднюю передачу. Но машина ему подчиняться уже не могла. Заскрежетала подвеска. Трофимов понял, что надо ему выбираться. Схватив, сверкнувший замочками, дипломат, который лежал с

ним рядышком на сиденье, он бросился к дверце. Раскрыл уже было ее, и вылез почти целиком из машины, как и второе переднее колесо прыгнуло в пустоту, и он, потеряв равновесие, не вперед повалился, где был спасительный берег, куда упал, мягко стукаясь, дипломат, а назад в раскрытую дверцу Нивы, которая, робко рыча мотором, вдруг совершила крутой перевес и рухнула вниз.

Саблин, только что вылезший из реки, оторопело моргнул, провожая глазами нырнувшую Ниву, из дверцы которой торчала нога в проблеснувшем полуботинке.

Поднявшись на берег, Саблин увидел красненький чемоданчик. Подошел к нему. И, поставив, уселся верхом на его замочки.

Он смотрел на разводья небес, по которым стелились темные тучи. Лицо его в двух косо брошенных от подкрыльников носа к губам глубоких морщинах, казалось, передавало, опыт той самой жизни, какой сегодня живет Еловец.

Шел дождь. Но Саблин не обращал на него внимания. Был он вял, будто жерех на берегу, куда его выбросило волной.

Потом он встал и при выблиске молнии, полоснувшей по берегу и реке, чуть прихрамывая, потащился домой.

14

Заборов был в панике и расстройстве. Он видел все. Мало того, поспешил позвонить Парамонову, сообщив ему, что берег Ляли, где будут строить ему дворец, очищен от нежелательного соседа, который сюда уже больше не сунется никогда. Звонил Заборов сразу же, как расстался с Трофимовым, еще до того, как тому кувыркнуться в реку.

Шел грозовой сильный дождь, и Заборов спрятался в Мицубиси. Оттуда и наблюдал.

Видел, как Михаил Петрович ругался, высунувшись из дверцы. Потом передком машины столкнул в реку мужика. А минуту спустя и сам опрокинулся в омут, где и остался.

Удивило Заборова также и то, что Саблин каким-то загадочным образом выбрался из реки. Очутившись на берегу, разглядел трофимовский чемоданчик, где лежало полмиллиона. Но, видать, до чужого добра был мужик не охоч. Потому и остался тот чемоданчик на берегу.

Дождь то лил густыми потоками, то прекращался, то сеялся бусом и, наконец, совсем перестал.

Заборов, волнуясь, как волнуется конокрад при виде чужого коня, подъехал в своей Мицубиси к страшному месту, где все это и приключилось.

Нет. Рисковать он не стал. Оставив машину шагах в 30-ти от обрыва, на зыбких ногах подобрался к реке.

С берега можно было увидеть все. Но он не увидел того, что собирался увидеть.

Ляля была спокойной и тихой. Ничего не подсказывало о том, что где-то на дне громоздилась машина с сидевшим в ней хозяином Еловца.

И берег был тих. В двух шагах от себя Герман Ефимович обнаружил следы от колес, которые обрывались у края берега, падая в никуда. Река, как ни в чем не бывало, текла и текла.

Заборов невесело усмехнулся: «Все, Михаил Петрович, допрыгался! Прыгнул, а выпрыгнуть не сумел! Вот и сидишь ты теперь в воде – мертвый и бесполезный».

Невдалеке, где осинник, послышался треск.

Герман Ефимович вздрогнул. И бегом, в три прыжка - к красневшему дипломату. Подобрал его – и в машину. «Слава Богу, никто не видел», - сказал самому себе.

Уже за рулем, отстегнув упругую крышку, убедился, что деньги были не тронуты. Удивился: «Почему этот Сабля не взял их себе. Мог бы сразу обогатиться...»

Заведя машину, Заборов направил ее к бетонке.

Через пару минут, выехав на нее, растерялся: куда и править – то ли направо, где Еловец? То ли налево, где город? Беспokoило то, что не знал он, как лучше действовать сообразно случившемуся на Ляле? Всего скорей, придется в милицию заявлять. А что до милиции? «Парамонов!» – понял Заборов. Он! Только он мог

уверенно подсказать, как поступить ему в ситуации, где задействован был покойник.

Заборов вытащил из кармана желтой с ромбиками рубахи дорожный мобильник. Ткнул пальцем в кнопку.

- В чем дело, Ефимыч? Что там у вас? – спросил его Парамонов.

Заборов, сам свой голос не узнавая, поведал всхлипчивыми словами о случившемся на реке.

- Не ной, как баба! – приказал Парамонов. – Лучше скажи: был ли кто, помимо тебя, свидетелем этой драмы?

- Я один. Больше не было никого.

-Так вот. Трофимов этого Саблина машиной в реку не толкал! А его, Трофимова, вместе с Нивой, Саблин, стало быть, пихнул!

- Но-о! – смутился Заборов.

- Никаких там «но»! - снова скомандовал Парамонов. - В противном случае машину с Трофимовым мог толкнуть в этот омут и ты!

Заборов чуть ли не поперхнулся, до того было дико услышать ему такое.

- Итак, - заключил Парамонов. - Ты – свидетель, Трофимов – жертва, Саблин – палач! Все запомнил?

- Все, - еле слышно ответил Заборов.

15

Настроение выправлялось. Шустрые, в узком прищуре глаза Заборова солодели. Полмиллиона рублей, считай, уже были его. Оставалось домыслить – куда их списать? На Трофимова было нельзя. Поднимут машину, а там лишь покойник. Всем станет ясно, что деньги взял тот, кто лишил Трофимова жизни. Получается, Саблин. Из-за того он и Ниву столкнул в реку, чтоб запутать следы. И подтвердить это может только свидетель. «Стало быть, я... » - улыбнулся Заборов.

Дипломат с сиденья поднял Герман Ефимович, как драгоценный реликт, аккуратно встряхнул, чтоб услышать движение денег, и, положив в багажник, укрыл его сверху дорожным плащом. «Теперь и в милицию можно...»

Полчаса понадобилось ему, чтоб добраться до города. Заехав во двор отделения, справился у дежурного, на месте ли Битвиненко. И, когда тот кивнул утвердительно головой, прошел на второй этаж к двери, обитой коричневым кожмитом.

Битвиненко не был Заборову ни приятелем, ни знакомым. Просто когда-то он с ним встречался несколько раз на каких-то не очень ответственных совещаниях. Но и этого было достаточно опытному снабженцу, чтобы взмахом руки и широкой улыбкой выразить радость от встречи с главным милиционером района.

Битвиненко был встрече не рад. Сколько сюда к нему за день приходит людей! И у каждого, если не просьбы, то жалобы, если не жалобы, то тревоги.

- Слушаю вас, - сказал он Заборову, не выражая своим широким, с кавказским загаром лицом ничего, кроме поверхностного внимания.

Герман Ефимович был убедителен и горяч и, когда закончил рассказ, то заметил, как Битвиненко поизменился, и в усталых его глазах пробилась вспышечка любопытства.

- Значит, Трофимов сейчас в воде, а Саблин в поселке?

- Да, малина моя.

- Машину эту мы вытащим завтра, - прикидывал Битвиненко, - подключим кое-кого. А Саблина, то бишь, грабителя и убийцу, как утверждаете вы, видимо, брать. И тоже, наверное, завтра.

Заборов не согласился:

- Не завтра брать, а сегодня, даже прямо сейчас! Пока он не скрылся.

- Резонно, резонно, - сказал Битвиненко, - но, понимаете, как нарочно, сломалась дежурка. Починят ее только завтра, к обеду.

Заборов, так и подался к столу, за которым сидел Битвиненко, - сама услужливость и готовность:

- А на моей! Если, конечно, такое можно?

- Какая разница, - успокоил его Битвиненко, - и снял с рычажков телефонную трубку, чтобы вызвать наряд.

16

Саблин был мокрым, и дождь, который хлестал по его голове, как бы и не был дождем. Он шел, жидко чавкая сапогами. Ощущал он себя разоренным. В то же время к Трофимову он не питал ни худых, ни хороших чувств. Почему? Может быть, потому, что тот заплатил за свое злодеяние собственной жизнью.

Саблин вышел к поселку. В душе его, словно в разграбленном доме, было обобрано и пустынно. Оставалась лишь толика желчной досады, которую он отправлял с искривившихся губ вместе с горестными словами: «Распорящики адовы! Всё уничтожили! И меня хотели – на дно. Да я из живучих. Не вышло...»

Дома его дожидались жена и сын. Зинаида, увидев его, сырущего, с ссадиной на щеке, в расплывшихся сапогах и распластанной по спине на две части рубахе, так вся и выстыла в предощущении катастрофы, в какую попал ее Веня.

- Что? Что случилось? – спросила она, помогая ему раздеться. А когда увидела на спине большое, во всю поясницу пятно с кровавым подтеком, то испугалась, еле вытолкнув с языка четыре тяжелых слова:

- Это где тебя так?

- Там, на хуторе, - выдохнул Саблин. – Был хуторок да сплыл. Теперь его нет. Уплыл по реке. И я было, тоже по-

плыл. Да, видать, не судьба. Стою перед вами живой и здоровый.

- Да уж, здоровый, - Зинаида с сухой одеждой, которую принесла для мужа, чтоб он тотчас же переоделся, садится против него на такую же табуретку. – Больно, поди-ка? Может, медичку позвать? Пусть помажет и перевяжет...

- Никакой медички. Всё заживает. Завтра к утру буду бодрым, как атаман.

- А кто тебя так? – Зинаиде хотелось знать всё.

- Трофимов, - вымолвил Саблин, - и домик наш, и постройки, и огород – всё сгреб бульдозером, ровно мусор. И меня, как мусор, отправил в реку. Однако и сам сплоховал. Перепутал, видать, тормоз с газом. Тоже в реке оказался. Вместе с машиной.

-И-и?!- изумилась жена.

- Там и сидит.

- И ты его что? Не спасал?

- Не спасал.

- И он оттуда не вылез?

- Не вылез.

- Утонул?

- Утонул...

Была Зинаида в смятении. На берегу тихой Ляли гуляла, как тать, затаенная смерть, которая метила в мужа, однако попала в другого, потому и остался Саблин живой.

Пужинав, Саблин уставился взглядом в клеенку. Думал и думал, не приходя в раздумьях своих ни к чему. Чтоб хоть как-то отвлечься, глянул на сына, сидевшего под стенными часами над книгой.

- Чего читаем? – спросил у него.

- Практикум по лесоводству, - ответил Юрка. Был он в рубашке с короткими рукавами, тонкий в предплечьях, шее и подбородке, не приготовленный к взрослой жизни, в которой спросится больше, чем он умеет. И это Саблина ущемило, как если бы в сыне увидел он самого себя, того неопытно-юного, с чистыми помыслами парнишку, кто оказался на всем белом свете один.

- Готовишься, значит, сажать на делянке леса?

- А он уже их сажает! – улыбается Зинаида. – Сколько всего посадил? Скажи-ко, Юрок, уж не сто ли елүшек? .

- Семь полос посадил. А полоса на сто метров.

- А полосу кто пахал?

- Дядь Вася Сажин.

То, что услышал Саблин от сына, должно бы было его одивить. Юрка его готовился к делу. Очень огромному делу, которым должна бы заняться вся трудовая страна, а вместе с нею и он, Вениамин Алексеевич Саблин. Однако выразить радость за сына он в эту минуту не мог: пребывал в мрачновато-погашенном состоянии, и надо было прийти поскорее в себя.

Он вышел из дома.

Посвистывал ветер. И тучи неслись одна за другой.

Над переломом крыши через дорогу, как голова пролетевшего змея, блеснула антенна.

Саблин долго стоял на крыльце. Курил и смотрел, как гуляла, сливаясь с вечером, летняя ночь. Куда-то ушли провислые тучи. И ветер куда-то ушел. Над поселком, словно сама чистота, бодро высветилась луна. И сразу на всем Божьем свете стало загадочно и прекрасно.

Послышался говор мотора. Все ближе и ближе. «Кому еще там не спится? – подумал с неудовольствием Саблин.

Около дома остановилась сверкнувшая жаркими фарами праздничная машина. Вышло трое. Двое в форме милиции. Третий – в гражданском. Саблин узнал в нем Заборова.

- Этот? – спросили милиционеры.

- Он самый, - ответил Заборов, - берите его.

Саблин хотел было что-то сказать, но отдумал и дал себя довести до машины. Перед тем как забраться в нее, он потерянно обернулся, всем своим телом, резко откидываясь назад. Поворот его головы, напряженная, с мощными жилами шея и затравленный взгляд провалившихся глаз отразили страдание человека, который уже никогда не вернется назад, где оставались, как в пропадающем прошлом брусчатый с низкими окнами дом и бегущие по дворовой траве Зинаида и Юрка.

17

- Доигрался! – сказал Заборов, как только машина тронулась с места. И Саблин почувствовал в слове этом, в движении шеи, с каким Заборов к нему повернулся, чтобы удобней вести разговор, в тонкой скобочке над губой и во всем его складчато-гладком лице, торжество человека, которому нравится выставляться.

- О чем это ты? – спросил его Саблин.

- Не ты, а вы! – поправил Заборов.

- Многого хочешь, пузырь!

Заборов порозовел. Не привык, чтобы кто-то с ним так фамильярно. Решив невоспитанного мужлана поставить на место, опять повернулся к задним сиденьям, где под

доглядом конвойного ехал их арестант. Заметив, что Саблин занервничал, он и другую скобочку выставил над губой, и громко, чтоб слышала вся машина, выплеснул, словно укус:

- За что, не возьму себе в толк, ты Трофимова порешил? Денег, что ли, тебе он не додал? Или бабу не поделили?

Задумался Саблин: «С чего это он такие приплёты вешает на меня?»

- Бабу! – отрезал, лишь бы Заборов отстал.

- Понимаю, малина. Значит, своей было мало ему. Позарился на твою! Ты, чего, их застал?

- Поаккуратней с намеками, - посоветовал Саблин. – Я ведь могу и обидеться. Мало не будет!

Но Герман Ефимович, как и не слышал.

- А где это было? Может, поделишься. А, малина? В квартире ли у тебя? Или где на природе?

Саблин медленно поднял голову. Перед ним, сыто млея, лыбилось складчатое лицо, из которого истекали опытные глаза. Глаза талантливого актера, кто умело прятал в себе провокатора из народа.

- Слушай ты, господин артист, - потребовал Саблин, - чем помои свои разливать, лучше ответь мне: за что вы меня забрали?

- Он еще спрашивает! – Заборов обвел глазами конвойного и шофера, точно брал их в свидетели, которые могут при случае подтвердить, о чем и как разговаривал с ним подарестный. - За то и взяли, что ты Трофимова утопил!

Усмехнулся Саблин, настолько было невероятным это нелепое обвинение.

- А какая мне в этом корысть?

- Корусть твоя – деньги!
- Какие деньги? Я их не видел!
- Как бы не так! Разве не ты восседал на красненьком дипломате?

- На чемоданчике, что ли?

- На нем, малина моя. А в чемоданчике – полмиллиона! И ты их забрал!

- И ты это видел?

- Видел!

- А куда я их дел?

- Зарыл!

- А как зарывал я их – тоже видел?

- Чего не видел, того не скажу. А то, что ты бил Трофимова, бил так, что тот от ударов твоих улетел в свою Ниву. А Ниву ты взял и столкнул в реку – с этим уже не поспоришь. Случившийся факт!

Саблин выверился в лице:

- Ах ты, погань! – И не успел сидевший с ним рядом конвойный схватить его руки, как те промелькнули, цепляясь за рыхлое горло, и Герман Ефимович дернулся всем своим телом, да так, что колено левой ноги, подпрыгнув, ударило в руль.

Водитель не мог среагировать на удар, и машину метнуло на встречную полосу, где ее закрутило и занесло, опрокидывая в кювет, куда, словно крупная соль, посыпались стекла.

Четыре недвижимых человека. Нет, три. Водитель, Заборов и конвоир сидят, как задумавшись. И никому нет дела до арестанта, который вылез из сорванной дверцы и, пошатываясь, как пьяный, сделал несколько трудных шагов.

Машина стояла на всех четырех колесах. Без стекол. Две дверцы сорваны и висят. Две дверцы вогнулись во внутрь. Дверца багажника, будто крыло подстреленной птицы, вскинута вверх.

Саблин смотрел в зев багажника, не понимая. Перед ним лежал кожмитовый дипломат. Раскрыв его, обнаружил сплошные пачки. Все, как одна, переклеены ленточками из банка. Столько денег он видел впервые. «Для кого они? – грустно подумал, – наверно, на стройку того непостроенного дворца, которую собирался начать Чечуля. Привез эти деньги, конечно, Заборов. Чтобы отдать их Трофимову. И присвоил. А чтобы чистым остаться, решил свалить на меня. Не он ворюга, а я. Вот такие, грызи вашу плешь, повороты. Мне за брусья, кои пилил я, не заплатили. А тут? И дела не видно, а вон, уже деньги... А что коли я? Возьму и сам заплачу самому себе! Сколько я этих брусьев наделал? Где-то за триста. За каждый беру 50 рублей. Умножаю... Пятнадцать тысяч. Ровно столько и отстегну. Ни больше, ни меньше. Чужого не надо...»

Пачку, где было заклеено десять тысяч, он положил в кармашек рубахи. Вторую пачку, сорвав с нее ленту, переломил пополам. Одну половину – себе, вторую – назад, в кожмитовый чемоданчик. Захлопнул его. И пошел.

Ступать среди ночи по торной дороге – Саблину было не привыкать. Да и идти-то всего каких-нибудь семь километров. И вот почувствовал – не дойдет. Ныло в поломанных ребрах, болела спина. Но больше всего беспокоила голова. Она гудела каким-то настойчивым трубным басом, будто в ней проплывал пароход, и Саблин боялся, что он оглохнет.

Еще и рассвета не было. Но ночь отступала. И в тишине поселковых улиц было слышно, как капала с проводов

дождевая вода. Дорога белела, и возле нее, переваливаясь с лапки на лапку, гуляли скворцы.

В глазах у Саблина колебалось. Качались заборы. Качались деревья. И дом, к которому он подходил, неожиданно накренился, словно бы кланяясь перед ним. «Мерещится мне, мереск в глазах», - сказал самому себе, открывая крылечную дверь.

Уже за порогом, переступив его, зашатался и повалился на руки Юрки и Зинаиды, которые выбежали навстречу, не понимая, то ли им плакать, как плачут, когда умирает хозяин семьи, то ли радоваться тому, что он на свободе и что никуда его больше не заберут.

- Денег немного принес. За брусья, - сказал он, когда его уложили в кровать, где он успокоился и затих, не зная о том, что жизнь его на краю и последнего вздоха уже не будет.

Конец.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая.....	3
Часть вторая.....	77
Часть третья.....	154